

Юрий Красиков

Судьба-а-а-а ...

Юрий Красиков.

Воспоминания и прочее.

Судьба-а-а-а...

ПАРАБЕЛЬ-2008.

Читателям моей книги в Интернете.

Неожиданно появилась возможность такой аудитории, как в Интернете, показать то, что у меня получилось написать.

Было это в 1968 году. Осенним тёплым вечером сидел я в Берёзовке, на берегу Пайдугины. Красиво и хорошо. Мне 20 лет. Вечернее солнце причудливо окрашивает в свои цвета и небо, и журчащую рядом воду, лес. Я подумал: “Господи! За что же мне такая красота? Почему её не видят другие люди. Тогда пришла просто шальная мысль – описать всё, что я вижу вокруг: и природу, и ещё почти незнакомых мне людей, и саму Берёзовку, сразу запавшую мне в душу. Но прошло какое-то время, и в суете текущих дел и делишек, забылось это. Прошло много лет. Я уехал из Берёзовки, но, чувство к ней, не проходили. Наступило новое время. Где-то в 2003 году, на компьютере я набрал первый рассказ – конечно, для себя только. Потом потихоньку, ещё и ещё. Нашлись хорошие люди, и в 2010 году в Новосибирске, вышла моя «Судьба-а-а-а...», чувства возникли разные, но писать, наверное, у меня больше не получится. Так думалось и казалось. Но идёт время, меняется окружающее, и появился ещё один-другой рассказ.

То, что есть люди, интересующие тем, что мною изложено, написал я это письмо. Особая благодарность Вадиму Коробейникову, одному из последних, а может быть, одному из первых, жителей Берёзовки, который любезно пригласил меня на страницу “Берёзовка” в «Одноклассниках». Большое спасибо и всем читателям книги «Судьба-а-а-а...», что не забывают край родной и отчий дом. Счастья Вам всем и здоровья!

15 февраля 2011 года.

Ю. Красиков.

Начало.

Было это много лет тому назад. Был я уже взрослым и, казалось, что в жизни всё вроде бы понимаю. И в людских отношениях многое было понятно. Но не понятно было другое: правильно ли всё окружающее видится мне, таково ли оно, на самом деле. Может быть, всё не так вокруг, только таким Мне кажется, а на самом деле это только Моё ощущение и больше ничьё, а у других, по-другому.

Сомнений стало больше, когда в фильмах, например, о лесных посёлках, которые я вроде бы неплохо знаю, показывают какую-то другую, совсем непохожую мне жизнь, совсем ненастоящую, хотя, другой раз, с и известными актёрами. Так в фильме или книге о жизни школы и учителях (ведь её знаю тоже не понаслышке), показана какая-то не настоящая, искусственная жизнь, с "чужого плеча". Фронтовики вот всегда говорят, что не любят смотреть фильмы о войне, из-за неправды в них.

Начал спрашивать украинцев об Украине, горожан о городе, моряков о море. Говорят, что взаимоотношения между людьми совсем другие, чем на экране. Как ни стараются некоторые «Инженеры душ», передать всю полноту жизни – ан, не получается.

Но, кажется мне, что получается такая штука, как "настоящая жизнь" только у Великих писателей, режиссёров, художников, по очень простой причине. Они, «Великие», просто не умеют показать ложь, в тех, или других, обличьях.

И ещё, оказывается, не только «Великие» могут понятно и правильно писать о жизни. Так может делать в книге, в фильме, картине, песне, любой человек, который просто не может врать, говоря о бытие людей.

Они не ткнут в угоду чьему-либо суждению красивенькую сюжетную линию и не выводит своих героев по ранжиру: положительные, отрицательные, лишние; персонажи первого плана, второго и т. д. и т. п. В жизни всё проще. И всё сложнее...

Оглянитесь вокруг. Где они? Где разновеликие герои первого, второго или третьего плана? Не видите? Правильно. Вокруг нас наши соседи, знакомые, про которых язык не повернётся говорить в таком тоне: этот положительный, а этот отрицательный, а Вы, вообще, извините, лишний.

Когда взял впервые книжку Александра Заволокина, подумал: наверное, очередная «обязаловка»: все, кто смог в жизни чего-то достичь, пытаются в книжках что-то «изобразить» – мода такая уже идёт давно, не первый день. Не написать ему, вроде бы, как и стыдно.

Вот и пишут, бедненькие. За генералов, пишут литераторы-подёнщики, журналисты, которые набили на этом руку и..., вроде бы, получается...

Вроде бы, да. На самом деле ничего подобного не получается. Ну не наградил их Господь талантом правдиво писать.

С книжками Александра Дмитриевича Заволокина так, на мой взгляд, не получилась. Это настоящие рассказы о нашем крае и сибиряках: алтайцах, новосибирцах, нарымчанах. У Художника получается слово на вес золота. Ему не нужно выискивать их в словарях или ночами не спать в поисках перла. Таланту этого не нужно.

Как говорит алтаец-сибиряк Михаил Евдокимов: «Судьба-а-а-а...».

Да, выпала такая судьба человеку – и на сцене быть, и новую книжку писать, и творить понятные нам всем строчки, песни, мелодии...

Ю. Красиков.

*История ничему не учит,
она только наказывает тех, кто её не знает.
То, что я написал здесь, предназначается,
в первую очередь, тем немногочисленным ребяташкам,
которые любят не только Историю вообще,
но и Историю родного края в частности.
Во-вторых, это написано для тех отцов и матерей,
которые рады рассказать её своим детишкам,
хотят, да не знают как. Конечно, я не такой наглый,
что собираюсь поучать их.
Я лишь хочу, чтобы они прочитали и сказали:
«Да, и у нас это так было, я помню, а вот
это, было не так, а по-другому». Есть, конечно,
просто любители такого рода «сочинений»,
тогда это писано для них.*

Парабельская панорама.

Август 2003 год. Окно. Начало панорамы Парабели.

Передо мной Администрация Парабельского сельского поселения (какое-то, прямо скажем, трудно проговариваемое, чуждое, название). До этого – музыкальная школа, и, конечно, Библиотека. Напротив её – Универмаг, море разных типов и моделей автомобилей, и море, куда-то спешащих и суетящихся людей. Далее, проулок на берег Полоя - Парабели, и, постоянно проезжающие автомобили «Скорой помощи», неужели столько больных? Ещё правее – фонтан, любимое место молодёжи, гостей и всех парабельцев, сооружённый по идее Виктора Диамидовича Арестова. К месту и во время установили. Ещё правее – поликлиника, но мне её уже не видно из окна.

Я считаю, что с. Парабель возникло примерно в 1600 году. В некоторых источниках такая дата присутствует. Но нет документов, точно обозначающих эту дату. Нет и документов, которые бы ставили её под сомнение, спорили с ней и опровергали её. Я их не встречал и не слышал о таких.

А коль так, то, приняв на вооружение историческое правило говорящее, что если есть какая либо дата в источниках, и нет прямых возражений против неё, то она может считаться действительной. Не я такое придумал – История.

К 1600 году возникли первые Нарымские постройки, острожки и т.д. Против этого не один исторический источник, ни один автор не спорит. Это установившаяся дата возникновения Нарыма – 1596 год. Продвигающиеся на Юг служилые люди, волей-неволей, должны были идти вверх по Оби, к ещё не известному тогда им Томску. В нём они обосновались позже – в 1604 году.

Так вот, проплыть мимо Парабели, они просто не могли, сие невозможно. Любой, кто знает, как течёт река Обь, хотя бы от Нарыма до г. Колпашево, скажет, что это так. Место просто просится остановиться в устье реки Парабель – хвойный лес, высокий яр, хорошая земля, и никаких врагов. Другого такого места просто нет нигде. Что ещё надо для обустройства? Вот и нашли, молодцы старинные.

То, что первая церковь в Парабели была построена в 1650 году, тоже никто не спорит, а чего спорить, когда документы есть. Так что, 50 лет – самое то время, чтобы обустроиться первым поселенцам в Парабели, наездиться на богомолье в неблизкий Нарым, и понять – нет, друзья, надо стоять свой Храм. Он и был построен. Таковы мои исторические «изыскания» и экзерциции.

* * *

Парабель в 50-е – 60-е годы XX века, была сравнительно небольшим, заштатным, населённым пунктом – хотя и райцентром. Немного не таким, как другие, без шика, но своеобразным, и со своим парабельским «шармом».

Если встать посередине улицы Советской и вообразить, что это было 50 лет тому назад, то перед глазами появится такая картина.

Под ногами, вместо асфальта будет деревянная поверхность, ибо в то время улица Советская была покрыта «деревянной чурочкой». Чурочки длиной примерно 40 см, просмолены и поставлены «на попа», близко друг к другу. Сверху их засыпали песком, гравием, автомобилями (в основном, полуторок), в то время почти не было, и ход телеги или ходка был мягким и приятным. Машин на всю Парабель было примерно штуки 4 или 5.

Такое покрытие «сочинили» не в Парабели, а в Европе и использовали его ещё в XIX веке. Когда чурочки сгнивали, улицу ремонтировали вновь. Такое покрытие было только на улице Советской, остальные улочки-переулки, были без «чурочек» и тонули в грязи.

Смолили их в основном мальчишки, в заляпанных чёрной смолой рубахах, в больших деревянных колодах, в которые была налита смола, и они железными пиками окунали чурбаки в эту смолу. Потом чурочки сушили под солнцем, и на телегах везли на Советскую, которую к тому времени очистили от старых чурочек и приготовили для реконструкции и утрамбовали всю землю.

Место, в котором происходило изготовление чурочек, называлось райкомхозом, который в то время занимал территорию от сегодняшнего маслозавода до болота, там, где, когда то был мост в д. Костарево. В общем, это территория, расположенная за современным Военкоматом. На этой большой площадке находилась электростанция, пилорама, столярная мастерская, много-много пиломатериала, который, заготовленный сушился на солнце в высоких треугольных «призмах», и конюшня. Здесь же располагалась районная коммунальная баня, которую охотно посещали Парабельские мужички с недавних пор. В Парабели имелся Пищекомбинат, который, на моей памяти, начал производить брагу «на конфетах» и реализовывать её через оную баню и райпотребсоюзскую столовую. Посещаемость банного учреждения резко поднялась вверх. Брагу продавали в кружках, за копейки. Пей – не хочу. Хотели!

Электростанция – это было большое здание, внутри которого располагался локомотив венгерского производства (вроде бы, как

контрибуция нам такая досталась после войны) с большим маховиком, топливом служили простые дрова. Полениц вокруг было очень много. Кочегары, которые работали на станции, учились в Томске и получали соответствующие права. Машинный зал был большой, вмещал, если нужно, всех работников райкомхоза.

Я однажды, пацаном, был на профсоюзном собрании работников этого учреждения, которое проходило вокруг локомотива. Рабочие сидели даже на железных лесенках, которых там было много. Находился я там не потому, что я интересовался рабочим движением, а потому, что после проведения собрания был обещан бесплатный показ кинофильма. Так и было. Собрание, о чём оно, чего обсуждали – конечно, не помню. А вот кино – помню.

Кино называлось «Повесть о бедных влюблённых», фильм какого-то из знаменитых итальянских кинорежиссеров, по жанру – неореализм. Фильм, на простеньком белом экране – чёрно-белый, но с множеством откровенных поцелуев. Это сейчас привыкли и такие вещи смотреть. А тогда...

Тогда коммунальщики, которые выдержали сегодня профсоюзные баталии, утренние установки начальников, нелёгкую работу, не выдерживали такой бессовестной демонстрации откровенного безобразия, вставали и, ругаясь не очень громко, покидали этот «зрительный зал» – сил, смотреть такое, не хватало. Да, противные пособники капитализма, надо ведь так разбередить целомудренность простого Парабельского коммунальщика, что вместо бесплатного просмотра попавшего по чьёму-то недосмотру кинофильма модного итальянца, вынуждены теперь в ночь добираться до дома по тёмным улицам родного села.

Электростанция потом сгорела, отца, работавшего тогда заведующим райкомхозом, судили, а временную дизельную построили в другом месте, на Пристани, на берегу Полоя. Работали в ней дизелисты по очереди, дизелёк был маломощный, но на всю Парабель как-то хватало энергии. Наверное, мало надо было.

Водопроводов и прочих канализаций, и в помине не было. Воду брали из колодцев, некоторая часть населения – с реки.

Колодцы были закрыты и даже с замками. Почему? А дело в том, что в колодце воду можно было набрать, только предъявив талон на воду, который за 10 копеек можно было купить в конторе райкомхоза. Заканчиваются талоны – мать посылает пацана своего, за новыми талонами. Обычное и совершенно привычное дело. В колодце, в котором мы брали воду, сидел какой-то дедок, небольшого роста, крепенького вида, с окладистой белой бородой. Сидел до тех пор, пока на этом посту и не помер. Тут, в скорости, и вообще отменили эту систему. Было это в начале 60-х годов.

Ещё помню, что уже в те благоверные времена во всю практиковалось такое дело – как «задержка выплаты заработной платы» трудящимся. Так что это не «изобретение» последних перестроечных лет, а началось всё это намного раньше, и являлось совершенно обыденным делом.

* * *

Раньше на месте Универмага располагался Районный Дом Культуры, одноэтажный, деревянный, построенный в виде буквы «П», только ножки у этой «П», были значительно короче. Ещё раньше, до войны, это был «Народный Дом».

КогдаходишькДомуКультуры,слеваимеласьпрямоугольнаявыгородка,квадратная,размером3на3метрапримерно,обтянутаяневысокойжелезнойсеткойрабица.Ничегопримечательного,еслибынетакаяштука.

Вкиноребятниходиловсегдамного,иприходилиони,конечно,заранее.Доначалафильманадобылочем-толюдямзаняться.Изанимались.Боксом,иличем-то,напоминающимбокс.“Стенканастенку”неходили,придумалосьдругодело.

Делопроисходилотак:идётсебепацанвкиноиодругомпоканедумает.Вдругтолкаетегокто-нибудьвплечосбоку,иоказываетсяонвэтой«выгородке».Авокругдругихребятишек–тьма.

Этозрители.Ноэтонеглавное.Главное,чтостоитводномизугловмалец,вродетебя,иждёттебяссамымисерьёзныминамерениями,эточтобыподраться.Тыеговидишьвпервыйраз,онтебятоженезнает.Аможетбыть,выизнакомы.Этонеимеетзначения.Законтакой:оказалсявэтом«загончике»–дерись,махайкулакамидотехпор,поканевлетитнаэтотсвоеобразныйрингследующий«мастер»рукопашногобоя.Вместотебя,иливместомальцанапротив,какповезёт.Можетздесьоказатьсяиодиниззрителей-болельщиков.Тольконенить,неразмазыватьсопли,инепоказывать,будтотыздесьнепричём.Непоймутибудутправы...

СправаотРДК(произносилосьэтословослитно«РЭДЭКА»ибыло,посути,словомсобственным,никтоиникогданепроизносилклубиликак-нибудьиначе)быласпортплощадка,накоторойлетомбыломногомолодыхлюдей,собирающихсяпоигратьвволейбол.Кромеволейболананей,вобщем-то,большеничегоинебыло.

Играли«навывает»,до6команднабиралось,другойраззанималидолгуюочередь,чтобыпоиграть.Однакомандапочтивсегдабылаженская.Зрителей-болельщиковвсегдабыломного,былиони“волейбольно”подкованы,компетентнывданномвопросе,былисамостийныйсудья.Редкосчётзаписывалсянабумаге–писалипрутикомнапеске.

Баталииразгоралисьжаркие,наволейболходилидажевесьмапожилыелюди(такказалосьнам,пацанам,былионинасамомделеувозрасте,наверное,неболее35-40лет),былиигроки-инвалиды,которыеимелисвоихболельщиков.

Волейболбылоистиненароднойигрой.

Имелсяещётеннисныйстол,ноигралинанёмредко:ветерсдуваллёгкийтеннисныйшарик,иигратьбылонеоченьудобно.Другойстолстоялдалековатоотпервого–наветеринарнойстанции,там,гделетомсмотряткоров,быковипрочихтелят.Тамбылнавес,иоднастенаегозащитатёсом.Тамиставилипростенькийстол.Неоченьэстетично,затоветранет.

Третийстолбылунасдома,наул.Горького,2.Отецподарилмненабордляигрывнастольныйтеннис–дверакетки,сетка,шарикидляпинг-понга.Столмыспацанамисделалисами–доскиснайти,непроблема.Мальчишексобиралосьмного,лучшимигрокомвПарабелибыл«Салярка»,онжеСалян,ВалеркаСеченов,которыймогчасамиколошматитьтеннисныйшарик,благо,чтодефицитавтотремянашарикинебыло.

ЛетомизимойвзалеРДКпроводили«танцы».Был«танцзал»небольшойпоплощадиичоеньпростенькийпоинтерьеру,номногоПарабельскихсемейныхпарбралисвоёначалоизэтоготанцзала.Молодыелюди(былоихнетакужмного,такмнесейчаскажется),оченьопрятные,

вычищенные и выглаженные, приходили потанцевать вальс там или какой фокстрот. Чарльстон, твист, сиртаки, шейк или брейк, тогда ещё не появились. Не помню, чтобы молодые люди «были поддатые» или выходили «перекурить», про девушек такое, даже не говорю – боже упаси.

Под окнами «дежурили» младшие братья танцоров: надо было знать, кто с кем танцует, у кого какая «симпатия». Повторяю, всё было очень чинно.

Зимой около РДК устанавливали новогоднюю ёлку, фигуры разных животных, Деда Мороза, Снегурочки, Черномора, с огромным раскрытым ртом, из которого ребятишки по длинной, ледяной бороде, скатывались на санках, на пузе или где-то подобранных картонках.

В Новый Год, 1 января, в 12 часов дня, собирались ребятишки со всех округ, и начинался Праздник, раздавали из мешка конфеты и пряники.

Вечером ёлка «загоралась» электрическими лампочками, и народ любил сюда приходить и смотреть на зимний праздник.

Ещё на крыше Рэдэка появлялась бегущая лента: **«С НОВЫМ, 1961, ГОДОМ – С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ !»**. «Красота!!!, До чего додумались!» – восхищались на улице в новогодние дни.

Освещение уличное в Парабели было, как говорится, не очень, что бы очень, а здесь-то: светло, большая афиша освещена, серебряный снег из черноты падает... Красиво...

* * *

Главным местом в Парабели по своему значению была Пристань, или Малая пристань, как ещё говорили. Была ещё одна – Дальняя, там, где Полой впадает в Обь. Когда Полой становился мельче, пароходы приставали не в самой Парабели, а на Дальней пристани. Автобусы туда не ходили по простой причине – в те годы не было ни автобусного движения, ни самих автобусов. Поэтому пешочком и в зной, и в слякоть. Перейдёшь «больничный» мост, и держи путь на Дальнюю Пристань.

На этом «пути», на ливе, там, где сейчас идёт автомобильная дорога на Обь, примерно каждые 10 дней садился самолёт «АН-2» с почтой, а позже, примерно на пересечении современных улиц Строительной и Промышленной, садился вертолёт «МИ-1», маленький такой, но сумел как-то своим крутящимся винтом разрубить голову работнику вертолётной площадки.

Так вот. Пристань. Центральные ворота Парабели. «Визитная карточка», как сейчас говорят. Место было достойное.

Слева – целый ряд небольших, побелённых известью, магазинчиков, в одном из них по пятницам продавали стерлядь, и, так называемые, «потроха». Напротив, почти никогда не работающий, пустой навес – базарчик. Сколько раз, и, сколько лет, не пытались «открыть» этот базар, он так и не приживался в Парабели, пока не пришли для него сегодняшние времена. Сейчас их уже не хватает.

Выходил этот пристанской тупичок с неработающим никогда «базарчиком» на улицу Свердлова Я.М.

Здесь был Книжный магазин и «Чайная», и «Столовая», с официанткой в передничке и, конечно, своим «Утром в сосновом бору» на стене. Народу питающего в столовой было не так уж много, но были всегда.

(Проверено на себе: до 1961года вдвоём, можно было хорошо пообедать за 5 рублей «старыми». Что бы понятно было, скажу, что детский билет в кино, стоил 50 копеек, булка «пшеничного» хлеба: 3 – 3,20 рубля.)

На причал пристани, сходу не попадёшь. Чтобы пройти на пристань, встретить пароход или самому куда-нибудь уехать, следовало купить, как теперь говорят, перронный билет. Билет следовало предъявить на пропускном контроле. Стояли для этого, два таких невысоких домика – слева и справа, метрах в 50-60 от берега и друг от друга. Соединены они были между собой крепким на вид забором. Никто и никогда даже не пытался его преодолеть, пустое дело. Домики были серьёзно-крепенькими такими, капитальненькими.

Один раз, по какому случаю, не помню, я проходил по билету через сей форпост. Не Мавзолей, конечно, но серьёзность в раз возникала. Как-никак – пропускной пункт, а мы в России сызмальства приучались с почтением относиться к подобным сооружениям.

Почему один раз? Конечно, бывал я на пристани множество раз, но чтобы деньги тратить? Во-первых, их не было, а во-вторых – для этого другие пути были.

Первый путь шёл по берегу реки: за Поликлиникой был забор до самой пристани и если иди по самому верху, за заборный столб рукой придерживаясь, то по узенькой тропиночке до самой пристани, по самому кособору, и доберёшься, только не загреми, поскользнёшься и не упадёшь вниз.

Второй путь был ниже первого и шёл самому берегу Полоя, по самому обрезаю воды.

Третий путь начинался от Нефтебазы, через пахнущий рыбой, просолёнными рогожными мешками Рыбозавод, пробрался – и ты, на причале пристани «Парабель».

Этот путь был, пожалуй, самым интересным. К берегу, около рыбозавода, время от времени, приставали небольшие неводнички с осетрами, которых привезли со Стрежпеска. Осетров в лодке было штук 30, или более того, с человеческий рост, живые, шевелящиеся. Рыбак в лодке мощной колотушкой-киянкой бил изо всех сил рыбину по башке, и другие рыбаки, её бросали на ленту транспортёра. Она поднималась вверх и скрывалась в разделочном цехе. Смотреть за этим было чрезвычайно интересно и завлекательно.

По этим путям хожено сто раз, а то, как же попадёшь на пристань, а без неё и жизнь парабельская становится вроде пресной, как намоченная тёпленькой водой тряпка.

* * *

Пароходы ходили вверх до Томска и Новосибирска, вниз – до Каргаска и Александрово. На здании пристани была прибита небольшая чёрная доска и мелом на ней писали Расписание движения пароходов на ближайшие дни.

Большинство пароходов были ещё дореволюционной постройки, не винтовые, а с колёсами такими, с плицами, которые воду загребали под себя и тем самым сообщали пароходу ход и скорость в нужном направлении.

Пароходы были с такими названиями: «Козьма Минин» и «Дмитрий Пожарский», «Пролетарий», «Карл Маркс».

До революции 1917 года были они буксирными пароходами. Но не зря же в песне поётся: «Кто был никем, тот станет всем». Вот и произвели их в звание – «грузопассажирских». В этом звании они и продолжали колотить плицами по воде от Новосибирска до Александрово, а может быть, и до Ханты-Мансийска.

Пассажиров, как и не пассажиров, на пристани, было всегда много. Как сокрушалась одна старушка: «Я-то к сыну в город еду, а люди то куда ..., не знаю?».

Первая палуба на пароходе, была из чёрного, толстого клепаного железа. Коридоров как таковых, нет. Если зашёл на пароход и пошёл влево, попадёшь в машинное отделение – вход свободный, денег не берут. Тут есть на что посмотреть: маховые колёса, толстенные блестящие шатуны, запах тёплого железа и машинного масла... Фантастика, непередаваемо.

Если уже вечер или ночь, шагаешь через спящих прямо на железе людей, которые вповалку лежат в проходе – видимо, любители тёплых местечек. Можно было выбрать и похолоднее в других местах парохода, их на пароходе много: там пристроились такие же пассажиры.

На одном из пароходов перевозили заключённых и осуждённых за какие-то дела под охраной. Заключённых (зэков) перевозили их в глубоком трюме.

За машинным отделением была выгорожена площадка, чуть приподнятая. На ней стоял молчаливый автоматчик. Изредка он курил папироску. Покурит, покурит, откроет за спиной железную окрашенную дверь и бросит туда недокуренную папироску, она и летит в глубокий трюм, где зеки сидят. Тоже люди.

Можно пройти на самую корму, вход опять же свободный. Там ещё интереснее. Живой медведь сидит на толстенной цепи и орёт во всю матушку. На каждом пароходе, сколько помню, обязательно был свой медведь. Прямо, Зоопарк плавучий, но бесплатный. Пассажиры и матросы этих мишек время от времени кормили объедками из ресторана, который располагался выше. Можно подняться и на верхнюю палубу, не возбранялось.

На второй палубе чище намного, чем внизу. Здесь расположены каюты первого и второго классов, салон с пианино в носовой части и рестораном в корме. В ресторане столы, накрахмаленные скатерти, официанты, все нарядные. Другая жизнь, не наша, не знакомая, совершенно.

По верхней палубе ходят, все такие важные из себя, пассажиры, у некоторых на груди фотоаппараты «Смена» или «ФЭД», кое у кого на лацканах пиджаков имеются «поплавки» – значки об окончании высшего учебного заведения. Дамы в лёгких платьях, завитые, накрашенные и в «танкетках» на ногах. Чтобы шорты, джинсы-техасы или спортивное «трико» – боже упаси. Ну не для того же билет первого или второго класса купили, чтоб по палубе, понимаешь, в «штанах» ходить, бескультурье своё показывать!

На самый верх дорога закрыта: матросы или кто из команды если увидит, в раз, прогонит, а то и вообще выгонит с парохода. Кое-кто из пассажиров, правда, каким-то способом там очутился и даже загорает на

солнышке, бессовестные какие, ибо, это конечно, женского пола пассажиры. Ишь, чего удумали! А им что? Им всё можно!

Думается, вот что. Пароходы стояли всегда долго, часа четыре. И мы, пацаны, были всегда на них, это было неписанным правилом. Как же иначе. Так вот, а, если бы это было сейчас, могли бы мы, нестриженные, замурзанные ребятишки, так свободно ходить по современному теплоходу, мимо матросов и прочих третьих штурманов, заглядывать, куда только можно, босиком и в дешёвеньких, скукоженных «одноразовых» сандалиях, серых, вздутых на коленях штанах и простеньких рубахах. Нет, кажется, прошли эти времена безвозвратно.

Итак, пароход, кажется, прошли и всё посмотрели. Нет, не всё и не всех. Не посмотрели каюты третьего класса – самые демократичные. Их было достаточно много, билеты «третьего класса», стоили не очень дорого.

Каюта на четыре человека, окна открываются вверх-вниз, есть жалюзи (такая вот буржуазность), спрятанный радиодинамик песни разные играет, последние известия рассказывает, около окна столик имеется, само-собой. Хорошо!

А ещё хорошо быть матросом! Такая красота кругом! А работа-то? Шваброй по палубе водить – одно удовольствие, билеты проверять у пассажиров да медведицу на корме кормить время от времени. Везёт же некоторым!

Под «медведем», в трюме, есть ещё «четвёртый класс». Кают здесь нет. Но имеются лавки, места для пассажиров, культурные такие на вид. Пассажиры здесь попроще: или недалеко едут, или денег не очень много в карманах, либо это призывники, в армию направляются, счастливчики.

Питаются здесь из разных сумочек-мешочков, авосек, узелков, с варёными куриными яйцами, редиской, головками лука, холодным мясом, хлебом, естественно с солью. Никаких консервных банок не видно было, разве что кабачковая икра. (*«А это – иноземная!», и шлёп на тарелку Нечто, не очень аппетитное на вид. Припоминаете кинокартину?»*).

Ещё можно было встретить записных пароходских певцов. Ходили они на пароходах по Оби вверх-вниз, были или калеками, или богом обижены. Пели пассажирам жалостливые песни, принимали от людей небольшие денежки. Я тогда не задумывался об этих людях – кто такие, чего постоянно на пароходе делают? Чем зимой занимаются, есть ли у них семья – это было выше моего понимания. Сегодняшние БОМЖи – это совсем другая категория людей. Те, на мой взгляд, были честнее, чище, интереснее. Они никому не мешали, не тыкали свою убогость в лицо, не нахальничали, не хамили и не канючили.

Потом на смену дореволюционному поколению пароходов пришли другие, но тоже колёсные. Эти были просто на загляденье – более высокие, в коридорах везде пластик, ковровые дорожки, чистота и уже не пахнет чёрным железом. Были они выкрашены белой краской с золотыми буквами на борту. Одним словом – слов нет! Пришли они по Северному морскому пути из самой Венгрии, кажется. Европейский шик (или только, полу-шик?) чувствовался во всём.

Первые годы они ходили наравне с «Карлом Марксом» и другими старичками. Потом «Пролетарии» исчезли. Этих красавцев называли так:

«Новосибирск», «Томск», «Барнаул», «Кемерово», «Бийск», «Омск». Понятно, откуда такие имена?

Медведи на них ещё ходили, но инвалиды-песенники уже не пели. На этих пароходах появились для желающих чего-нибудь купить, буфеты. Смотреть, что есть на парабельских полках, не надо. Мы и так всё знали, даром, что ли за хлебом и прочим, по магазинам ходили, с кирзовой сумкой в руке? Ассортимент изучен был хорошо, цены известны. А вот пароходские буфеты, совсем другое дело.

Тут картина другая! Чувствуете, как городом потянуло? А, каков запах? Каков? Вот и мы, пацаны, почувствовали совсем другую, городскую жизнь, через скудное, в общем-то, разнообразие, пароходских буфетных полок. Но там было, казалось, всё. И невиданные конфеты, и невиданное печенье, разные, такие красивые шоколадные плитки с чёрными, золотыми и серебряными буквами, и многое, многое другое. Можно было купить разные значки, какие-то свистки, цветные карандаши «Искусство». Одним словом – просто магазинный рай!

Но не наш. Мы ещё сидели дома и бегали по Парабели. Бегали по его улицам, играли в войну, в «белкинцев» и «дейнековцев» (были такие “не военизированный” ребячьи отряды), футбол тоже был не противопоказан, играли в лапту, но по-серьёзному, не так, как сейчас.

А вот «городков» на улицах никогда в Парабели не было, не слышал, что бы о них рассказывали. В «бабки», «чику» уже не играли. То было ещё раньше, в другое, прошедшее время, в других местах и не при мне.

Разговаривали мы тоже на «своём», парабельском, языке. Потом я понял, что «спецпереселенчество», ГУЛАГ, наложили свой отпечаток на нашу разговорную речь. Это была «не феня», её нельзя назвать «блатной» или «полублатной». Но «серединка, на половинку», всё ж таки, присутствовала *(скорее всего, такая речь, и даже не полублатная, а на четвертинку полублатная, относилась к нашей подростковой соцультуре. Потом и она незаметно, постепенно, выветрилась из детского лексикона)*.

«Отвали на пол штанины» – отойди и не мешай, значит. Если, например, кино хорошее показывают, то говорили: «Зэканский фильм», не в смысле, фильм про ЗЭКОВ, а в смысле – «законный», то есть, хороший, стоит посмотреть! Ещё. Вопрос «Законно?», обозначал, «Это так?». «Зэканская девчонка», сейчас бы сказали: «Классная».

Были, конечно, и более звучные перлы, но по «матерному» говорили, кажется, редко, что не припоминается. Но в тоже время постоянно произносили «сука-найки», это говорилось в подтверждение того, что сказанное человеком, правда, и ей стоит верить, так как, «сука-найки» – серьёзная клятва.

Ходили пароходы, эти «губернские города», тоже не очень долго. Толи богаче жить стали, толи ещё почему, но на смену «сибирякам», пришли прекрасные трёхпалубные революционеры и приближённые к ним. «Мария Ульянова», «Михаил Калинин», «Патрис Лумумба», «Композитор Алябьев» и «Композитор Хренников» были винтовыми пассажирскими теплоходами без медведей и жалостливых песенников на борту. Наверное, и без «зайцев», коим каждый уважающий себя парабелец проехал не раз и не два.

Сейчас уже парходы и другие теплоходы, по Оби не ходят, но под самый конец «этой навигации», на Оби появились «Александр Пушкин» и «Михаил Лермонтов», ну это были уж совсем «крутые». На их борту я даже ни разу не был. Летал в то время уже на самолётах, а ходить по теплоходу неприкайнным туристом, возраст не позволял. Возят они и сейчас, изредка, небедных отдыхающих по маршруту: «Омск – Салехард – Новосибирск – Омск».

Ну и пускай, а мы на бережке посидим, ноги в тёплую воду опустив и ковыряя палкой в мокром песке. Мы-то знаем, что к чему, нам показывали... «Богатые тоже плачут». Да-уж-ж-ж-ж...

На Дальней Пристанн пассажиры встречали и провожали красивый большой дебаркадер. На берегу для них стоял ещё Зал ожидания. «Ожидаловка» стояла на невысоких деревянных сваях, был магазин и буфет – а как же без них?

Жителей посёлка этого было не так много: Ворошиловы, Юнышевы, Карайваны, Золотых и другие. Потом Парабельские власти приняли решение: всем «пристанским» дать квартиры и переселить в саму Парабель что и было исполнено. Дальняя Пристань превратилось потихоньку брошенную деревеньку, где только изредка показывались старожилы: картошку посадить и выкопать, рыбки половить, вспомнить старое житьё-бытьё.

Затем появились быстрые «Ракеты», «Метеоры» и «Восходы». Это был совсем другой транспорт: скучный, туго набитый дурно пахнущими и пьяными пассажирами, какими-то тюками, загромождающими проход.

Ребёнок на руках мамы время от времени громко кричал на весь салон, о чём-то своём, потом затихал, и тогда начинал другой. «Эстафетная палочка» передавалась от ребёнка к ребёнку, от пристани до пристани весь твой путь, выйти некуда – сиди и помалкивай. «Судьба-а-а...»

Ресторанов тут не было, а буфет – чистая пародия, на это славное название. Вновь появились, уже забытые, замызганные, скомканные газеты под ногами, яичная шелуха и т. д. и т. п.

Ни «зайцев», ни «бардов-горемык», ни медведей, естественно, здесь и быть не могло. Практицизм шёл на первом месте, берега с талинами мелькали за окнами, которые язык не повернётся назвать иллюминаторами.

Сесть в плетеное кресло и выкурить папироску, лениво стряхивая пепел в пепельницу, обозревая проплывающие мимо пейзажи и глядя вслед фланирующим фигурам нельзя: не приспособлен для этого, сей корабль.

Только под рёв мощных двигателей и свист ветра, срывающего с человека кепку, можно было пять минут постоять на неудобной, узкой «палубе», не отвечая на толчки других пассажиров и пассажирок, протискивающихся в узком пространстве «прогулочной» палубы, и, задрыв подбородок кверху, ждать, когда можно вернуться в удушливо-тёплое чрево теплохода на подводных крыльях.

Подышали. Нет? Да, на «Пролетариях» было лучше.

Пристанская жизнь была, наверное, одной из самых интересных страниц Парабельской жизни. В течении лета, получалось так, что ты много раз, иной раз, ежедневно, заглядывал на пристанские причалы или проходящие «сверху» или «снизу», парходы. «Приходи на Пристань, дело

есть», договаривались приятели, и это обозначало место встречи для чего-то увлекательного.

Много знакомых ребят имели родителей, связанных напрочь с рекой и её жизнью. Но я, к сожалению, не «пароходский», хотя много чего ещё могу рассказать о жизни грузчиков (захватил последних из «могикан»), катерников и даже бакенщиков, но не буду отбирать хлеб у других, более меня, «сухопутного», хлебнувших обских валов.

* * *

Без магазинов жизни, как понимаете, тоже не было. Попробую описать «внутреннее содержание» обыкновенного Парабельского магазина.

Итак, небольшой по площади, темноватый, за прилавком весёлая продавщица, а здесь, в зале – немногочисленные покупатели, женщины почти все в платочках на голове. И одеты они, скажем так, просто, без затей. Покупали они такие же незатейливые товары: хлеб, который стоил от 2 руб. 70 копеек до 3 рублей (в новых ценах, с 1961 года: 27 – 30 копеек), сахар рафинад, сахар-песок и, как тогда говорили – «комковой», масло сливочное – недорогое, но потом «временно», но, как всегда получалось, на все времена, стало «дорогое». Стояли бочки с растительным маслом, был гидрожир, или комбижир, карамель «Сливочное» по 18 рублей за килограмм, рыбные консервы «Частик», водка «Московская» за 3 руб. 14 копеек, простая – «сучок» – где-то за два сорок.

Здесь же стояли ещё две железные бочки – одна с атлантической селёдкой, другая с тихоокеанской. Селёдка была хорошая – крупная и жирная. Сгущённого молока было много и недорогого, отличный колбасный фарш в консервных банках, вкуснее нынешнего намного, стоил мало.

Чай был разный, но помнится больше всего, «Фруктовый», он же «Плодово-овощной». Ребяшня его покупало вместо конфет и грызла, только чумазые мордочки блестели.

Растительное масло наливали в пол-литровые бутылки и затыкали свёрнутой газетой, сахар и прочую крупу – покупатели насыпали в полотняные мешочки, принесённые с собой (в то время, в магазин вообще не ходили без мешочков).

После трудноватого 1960 года появился хлеб «Забайкальский», невкусный, но как говаривал приснопамятный Генеральный секретарь – процесс пошёл. А вообще-то, буханки белого хлеба выглядели запоминающее: пышные, тепло-горячие, с “мощной”, вздувшейся верхней корочкой. А вот чёрного хлеба, не припомню, увидел буханки «Бородинского» много лет спустя.

Ну, пожалуй, и хватит. Всё равно, полную инвентаризацию, провести не сумею. А, вообще-то, в магазинах было всё. О дефиците никто не говорил, слова такого не знали и не ведали. Узнали и поведали – позже.

На эту тему можно сказать ещё вот что. Почти напротив маслозавода стояла пекарня, выкрашенная в цвет белой муки: и здания, и заборы. Хлеб был, естественно, очень вкусный, тёплый, не наешься. Затем пекарню стали называть Хлебозаводом и перевели её на ул. Мира, а на месте пекарни стал Коопзверовпромхоз – который позже, в «бозе почил» – судьба-а-а...

Ещё был пищекомбинат. Стоял он на месте неработающей сейчас кочегарки, что напротив конторы Райпотребсоюза.

Было у них, несколько непрезентабельных зданий, выпускал пищекомбинат, горы пряников, булочек, саяк и прочей выпечки, а также делали, в одном из «цехов», газированную воду и козью (на самом деле была она была конская) колбасу. Пионеров-школьников часто водили посмотреть и пищекомбинат с пряниками и этот «колбасный» цех.

Сейчас на месте того Пищекомбината, ничего нет, а на новом месте Пищекомбинат, что построили около теперешнего Хлебозавода, тоже в «бозе почил» – судьба, она и есть судьба...

Ну, если помянул маслозавод, то скажу ещё следующее. В то время парабельскому народу это предприятие было хорошо известно, так как посещали они его довольно-таки регулярно.

Существовала в то время система так называемого, «самообложения», согласно которой, необходимо было, так называемые «излишки», сдавать государству. Парабельцам в райцентре, в основном, молоко.

И вот, рано утром, когда и людей-прохожих не видно, ещё не проснувшиеся мальцы, с алюминиевыми и эмалированными бидонами с молоком, топают себе на маслозавод.

Тишина в Парабели, воздух по-утреннему свеж, тротуар сыроват и без пыли-мусора. Хорошо!

Принесли, занесли в помещение, где ждёт работница около ёмкости со сдаваемым молоком. Вылили молоко в «мерное ведро», записали, что требуется в тетрадку, и ...в обратный путь, тип-топ, тип-топ.

Каждое «хозяйство» обязано было сдавать государству молоко, масло сливочное – 13 кг с одной коровы, (многие делали так: покупали в сельмаге сливочное масло и прямым путём несли на маслозавод). Была, конечно, свобода выбора: не можешь сдать масло, сдай молоко, правда, побольше – 325 кг.

Шкуры крупно-рогатого скота тоже сдавались, и, о, ужас!!!, даже шкуру заколото-забитой свиньи, а палить оную хрюшу в процессе обработки, категорически не разрешалось, даже посадить могли. Шерсть – 2 кг, а если отсутствуют в хозяйстве овечки – договаривайся, покупай в деревне у колхозников, но сдай, и не рыпайся. Сдал – получай квитанцию, мол, отчитался, и чист перед властью!

Было это до конца 50-х, начала 60-х годов.

Всё было записано где-то, в каких-то ведомостях, всё учитывалось, всё контролировалось и проверялось. Исполкомы сельских Советов, посылали «активистов» каждый новый год, заполнять Похозяйственные Книги, они делали подворный обход, фиксировали всю живность в «хозяйстве». За ними посылали других «активистов», для контроля первых – система, панимашь. Обмануть – себе дороже.

Я как-то заглянул в коридоре уже не работающего ныне учреждения в один из старых шкафов, стоящего в коридоре. Бланков о том, что сдавали-принимали и прочей отчётностью на эту тему – было пруд-пруди, под завязку был забит ими шкаф. Даже нашёл несколько стопок типографских бланков на коней-лошадей – как зовут, сколько лет, какую работу выполняла в такой-то день, сколько съел овса. Я ж говорю – система.

* * *

Ну, да ладно. Пойдём дальше. Напротив РДК находилось самое посещаемое ребятнёй здание библиотеки в два этажа, сейчас здесь Парабельская сельская Администрация, и она уже не маленькая, но ещё помещаются там как-то служащие.

На первом этаже библиотеки, располагались – Детская библиотека и читальный зал, на втором – «Взрослая». Я ходил, конечно же, в Детскую.

На втором этаже – балкон. Зимой его оккупируют пацаны 10-12 лет, но есть и постарше юные пары, которые стоят себе, и о чём-то тихо-тихо беседуют. Им никто не мешает. Если парочка наверху, на балконе, пацанвы, конечно, никакой нет – субординация.

Ребятни и раньше ходило в библиотеку не так уж и мало, а вот в читальный зал... Он был всегда полон и переполнен, аж мест не хватало. Другой раз заглянешь – а мест, нет! Что ж, загляну через полчаса.

Кинофильмы в РДК шло примерно с двух часов и до вечера. Кто не смог купить билеты в тесном, стеснённом тупичке РДК, на очередной сеанс, грелись в библиотеке и читали детские и спортивные журналы: «Весёлые картинки», «Мурзилку», «Спортивные игры», «Физкультура и спорт» или сказки, народов мира, волшебные или русские сказки.

Знали пацаны Сборную команду по футболу, игроков известных клубов, бегунов, прыгунов, лыжников и т. д. Знали и Виктора Чукарина и Ларису Латынину, Валерия Брумеля и Виктора Понедельника. Слышали о Томских футболистах, футбольная команда называлась – «Сибэлектромотор», играла к классе «Б».

Но не только читали эту периодику. В ходу были журналы: «Техника молодёжи», «Знание – сила», «Огонёк» и, конечно, «Крокодил». Читали детские журналы «Костёр», «Пионер», а вот газет, вроде бы, не читали, не помню их на полках Читального зала.

На столах Читального зала стояли почти «кремлёвского» типа настольные лампы. Дорожки. Было торжественно и тихо, говорили только шёпотом. Библиотеку юный народ любил и охотно посещал.

Ходил я в библиотеку с одним товарищем-одноклассником, учился я с ним до 11 класса, с 5-го и до конца, сидели тоже за одной партой, все эти годы. Ходили в библиотеку, примерно, раз в неделю. Приходишь, сдаёшь книги и начинаешь подбирать себе новую «партию». Друг ходит между одних полок, ты, между других. Пока подберёшь новые книги, пройдёт часа полтора, не меньше.

На мартовских каникулах в школе, Районная библиотека проводила, не помню, как точно называлась, «Книжину неделю», или другое тогда название было? Да это и не важно. Важно другое.

«Неделю» эту проводили в Доме Культуры. Зрительный зал был заполненный юными читателями полностью – свободных мест не было.

Читатели слушали доклады, сами выступали со сцены, активные читатели получали соответствующие подарки – цанговые карандаши, интересные книги, альбомы. Мероприятие было – будь здоров! Помню, что как-то получил там книгу В. Акимовича «В краю невиданных зверей», книга-то была (и есть), дюже интересной, много раз перечитывал.

Ладно, пошли напротив, в кино. Кто очень хотел попасть в кино, а билета не было, всё равно мог это сделать. За Домом Культуры была какая-то

низкая коричневая дверца в стене. Если открыть и залезть в неё, и на коленках в темноте и по земляному полу, пробраться под сценой, то, натываясь неизвестно на что, вылезешь в настоящей оркестровой яме, перед сценой, то есть, в самом зрительном зале, что и требовалось.

Там, другой раз собиралось человек до 10 сорванцов. Потом они потихоньку рассредоточивались, рассасывались по зрительному залу, рассаживались, как могли, ...и созерцали.

Их «гоняли», конечно, но можно было, всё-таки, ухитриться и посмотреть кино. Попытка не пытка. Меня, например, выводили из зала очень редко.

* * *

Летом детвора до посинения купалась в Полое. Детворы там всегда было очень много. Все худые, толстых, или как сейчас говорят, «плотных», упитанных, не было.

Были они в чёрных трусах, плавок практически тогда то же ни у кого не было. Загорелые до черноты и обстриженные «на голо», «под Котовского», другой стрижки тогда и не знали. Носы розовые, облупленные. Многие дрожат от частого купания в реке, зуб на зуб не попадает.

Семьи маленькими не были, братьев и сестёр у каждого пацана в школе училось много, отсюда, и многолюдье купальное, в устье грязноватой речушки Шонги (она же – Материчная).

Итак. Детей на «пляже» и около него было много. Но никогда не видел, что бы кто ни будь из нас, курил, играл в карты или, не дай Бог, потихоньку выпивал. Начало этому произошло позже, но не сильно – лет уже через пять началось, «процесс пошёл».

Среди купающихся частенько проходил или больничный катер «Книготорг», или райисполкомовский, или райкомовский, или БМК, других и не помню и «народец» ждал их прохода, и с огромным удовольствием качался на «валах», остающихся после их небыстрого прохода.

В то время в районе было два Детских дома: в Новосельцево и в Парабели, остальные уже позакрывали. Кто «нормально» и на «хорошо» учился, те детдомовцы учились в Парабели, в средней школе до 18 лет и заканчивали её.

Кто похуже или не хотел или, не мог, или по каким то ещё причинам, после 7 классов отправлялись учиться в училища Томска, куда кто попадёт.

Детдомовцы были в каждом классе. В том классе, котором я учился, их было человек 5, и так, в каждом классе Парабельской средней школы.

Мы на реке, на «пляже». Сверху из больницы постоянно стекал маленький ручеёк, с какой-то поганой, вонючей жидкостью. Маленький, узенький, – но постоянный. Помню его, текущего в низ, в течении нескольких лет, многих лет. Через него все, кому нужно было пройти дальше, перешагивали, но никто: ни взрослые, ни дети, даже врачи, – на такую чепуху не обращали внимания. Слово «Экология» было не известно и даже не произносилось! Мусорных ящиков, которых сейчас полно в Парабели, вообще никогда не было, а куда мусор девали – не знаю!

Купались до посинения и до крупной «гусиной кожи», раз по 7-8 за день, было и поменьше, конечно.

Спуститься на пляж и вообще на берег можно было или по длинной деревянной лестнице, не далеко от “вонючего ручейка”, (сейчас хорошо видно, что той лестницы там не хватает – красивая была и к месту), или идя от Больничного моста по берегу.

* * *

При впадении в Полой был мост. Его называли «Больничный». При большой весенней воде причалены были к нему немногочисленные парабельские катера, под мостом стояла затянута илом старая большая деревянная баржа с осклизлой зеленоватой палубой и оскалившимися, ещё не сгнившими шпангоутами и кое-где сохранившимся настилом-палубой.

Лодок моторных было мало – «Л-3», «Л-6» (такие были марки). Даже на рыбалку на Обь, мы, пацаны, рано по утрам, ездили на деревянных небольших лодках с гребями. Алюминиевых лодок, типа «Казанка», «Обь», «Крым», или «Прогресс», с подвесными моторами – не было. Они появились позже, в середине 60-ых, было их чрезвычайно мало.

Зимой на Полое заливали каток (правда, не каждый год), ставили балок для проката коньков, 20 копеек стоило, кажется, это удовольствие.

Каток был большой, освещался редкими электрическими лампочками, юного, и не очень, народу собиралось не мало.

Не каждый год, но несколько раз было, что на катке не только катались, но делали хоккейное поле. Была своя хоккейная команда, выступали в простенькой, дешёвой, форме, клюшки были самодельные, из берёзовых корневищ.

Заливали каток ещё, конечно, на стадионе. Несколько ребят, приехавших в Парабель откуда то из других мест, умели классно играть в хоккей, и хорошо, естественно, катались на коньках, на зависть аборигенам, а умеешь кататься, будешь и хорошо играть.

Ещё в конце 50-ых устроены были зимой гонки на мотоциклах. Первое место занял Иван Михайлович Александров. Был он коренной парабелец, «свой», до мозга костей, охотник и рыбак, как все коренные парабельцы, Выпускник Парабельской средней школы, фронтовик, офицер-артиллерист, участник Парада на Красной площади 7-ого ноября 1941 года, прошёл всю войну, настоящий «челдон».

После войны, вернулся в Парабель, и преподавал здесь физкультуру, вышел на пенсию, уехал в Томск, потом в Крым, там и умер. С его дочерью, Нелькой, я учился в школе со 2-го класса, и 11-ый вместе закончили.

* * *

Летом, на больничном мосту и около него, вечером, часов в 5-6, собиралась большая толпа. Это с Ливы должны пригнать коров и других крупнорогатых. Образовывался своеобразный женская сходка, она же – «Клуб по интересам», и происходил подробный обзор местных новостей.

Повстречали домохозяйки и ребятня коровушек и... домой. Корова шествует по Советской, или другой улице, а хозяйка или малец с прутиком – за ней, или по тротуару. Всё, «Клуб по интересам» закрыт – завтра откроют.

На месте теперешнего фонтана был деревянный, выкрашенный некрасивой зелёной краской родильный дом, в котором встречали будущих парабельцев, 18 марта 1948 года родился Геннадий Дмитриевич Заволокин, например.

В Парабели тогда не было дурной «моды» ездить рожать в Каргасок или в Томск, своего роддома вполне хватало. А сейчас, кажется, пустует. Ну, если не пустует, то не занят полностью, а только иногда – по праздникам?

На месте нынешней поликлиники (тогда её ещё не было, это потом построили сначала одноэтажное здание, потом пристроили второй этаж) были старые двухэтажные деревянные дома, в одном из них жила всем известная матерщинница Марфа. Она каждое утро, сгорбившись, ходила по Парабели и бубнила себе под нос разные ругательства. Ребяшня её побаивалась.

Говорили, что ещё раньше была она известной и богатой парабельской купчихой, потом всё нажитое у неё отняли, она и повредила умом и стала жить одна, где-то в бывших её домах, отыскалось для неё местечко.

Сейчас я думаю, а повредила ли? А была ли она дурочкой? Все дома вокруг, где располагались потом больничные постройки, когда-то и принадлежали Марфе.

Был у Марфы сын Герман, небольшого роста, горбатенький, работал он киномехаником в рыбозаводском клубе. Как-то вечером, пьяненький и чем-то обиженный, вышел он на крыльцо этого клуба, перед которым была никогда не высыхающая, огромная грязно-серая лужа, и произнёс сакраментальную фразу: «Принимай, матушка Обь...», и бухнулся в сию лужу. Обознался, маленько, убогонький...

Другой достопримечательностью Парабели, кроме Марфы, был Гриша-Бабай. Родился он нормальным мальчишкой, но как-то ребёнком упал с высокого крыльца и повредился умом.

Семья его жила в Костарево и Гриша, каждое утро, брёл потихоньку в Парабель. Был он по-настоящему юродивый – на вид лет 30, волосы рыжеватые, кучерявые, ходил, сгорбившись, имел реденькую и не длинную бородёнку.

«Гриша! Сколько времени?», спрашивали озорники? «Дваси-восидесять» – молвил скороговоркой Гриша-Бабай. В Парабели, обычно в столовой, чайной или в одном из многочисленных киосков, Гришу угощали винцом или бражкой, и, после обеда, Гриша сгорбленный, медленной, шатающейся походкой, шёл домой в Костарево. Прожил на свете он не долго. Как-то не заметно, как и жил, угас и тихо помер.

Ещё был «Лёня-с-Дальней Пристани». Там и жил, этот Лёня, в посёлке на Дальней пристани. Был он относительно молод, краснолиц, на вид здоров и жизнерадостен. Ходил с пацанвой в кино, по Парабели гулял редко, не его это был «маршрут».

Шутка тех лет. Как то приехал из Томска на пароходе, некий, “упал на моченый” в Парабель. Сошёл с парохода, и пошёл по дороге, мимо дальнепристанских жилых домов, в центр. И встречается ему местный житель, коим оказался, естественно, Лёня-с-Дальней Пристани. Приезжий спрашивает его: «Как пройти в Парабель?», а Лёня, его жизнерадостно, жизнерадостно, посылает “подальше”.

Дюже удивился человек, очень, и идёт дальше, но после больничного моста, попадает под не дрёмное око Марфы-матершницы, (её епархия) и та его по всей программе, сказала ему, “куда ему идти”.

Покачал головой Уполномоченный. Поднялся в гору, а куда дальше-то? Тут и выворачивает от какого-то киоска Гриша-Бабай, и на вопрос «Далеко ли идти до райкома партии», отвечает: «Дваси-воси-десять».

Хорошо, что рядом было здание Районного отдела милиции, и стоящий на крыльце сотрудник, смог объяснить приезжему, что и как, РК КПСС, находился уже рядом, и много ума, не потребовалось.

Все трое были хорошо известны парабельцам и хорошо вписывались в её тогдашнюю жизнь. Без них, и Парабель, вроде бы, и не Парабель.

Если сейчас в Парабели и чувствуются потуги на городское жизнеобитание и здоровое «хотение» видеть Парабель лучше, современнее, с хорошими домами и сооружениями, разного назначения, то тогда Парабель была глубоко провинциальным и заштатным селом.

Итак, старое “Марфино подворье” – теперешняя территория больницы.

Видно было тогда, как часто заезжали туда разного вида повозки, двигались малочисленные группки больных. Подъезжающих машин, как сейчас, не было видно.

«Подворье» сейчас стало, по сути, целым больничным городком. Здесь теперь расположены: поликлиника, родильное отделение, санитарный отдел, терапия, хирургия, баклаборатория и, конечно же, кухня.

Сейчас они обновляются-пристраиваются, время от времени, и, кажется, активно. Поставили на её территории два памятника, один посвящённый парабельским медикам, другой – Спецпереселенцам.

* * *

В сегодняшнем здании редакции газеты «Нарымский вестник», размещался Народный суд и была квартира судьи Манылова на 2-ом этаже. Ещё раньше на этом месте была «Колбасная» купца Геннадия Гребенникова, а после её закрытия, – столовая. При мне её уже не было – только слышал.

На месте автобусной остановки «Поликлиника» – стояла прокуратура. Была она маленькая и неказистая и не солидная. Очень неказистая, если не знаешь, что это Прокуратура, ни за что, не догадаешься, что в этом домике «вершат» судьбы людей. Нынешнее здание Прокуратуры, даже рядом поставить нельзя!

Рядом, там, где сейчас контора Центральной районной больницы, была Милиция.

Милиционеров хватало на всех – аж, человек 16 работало там и охраняло спокойствие жителей всего немаленького района. Как полагается, была тюрьма (КПЗ), обнесённая высоким забором с колючей проволокой. Милиционеры были серьёзные, цену себе знали, и им тоже.

Сразу за Милицией – магазин, его двор выходил как раз на «Каталажку». В магазине продавали обувь, и ещё был продуктовый и винно-водочный отделы.

Сейчас здесь расположен Сбербанк. Там тоже постоянно деньги чужие считают и складывают «в рост». Клиентов Банка – здесь всегда много.

Оба здания (Банк и Контора ЦРБ) стоят и сейчас, некрасивые и зелёные.

Двухэтажный жилой дом напротив конторы ЦРБ тогда уже был до начала описываемых событий, неизвестно мне когда поставленный. Стоять ему ещё, наверное, сто лет, а вот другие дома, стоящие рядом, построили в начале 60-х.

Уже в те годы, здесь всегда былолюдно: больница, библиотека, милиция, прокуратура, суд.

На месте мемориального комплекса нашим парабельским нефтяникам и здания Расчётно-кассового Центра (ещё один Банк), были жилые дома, а на месте двухэтажного кирпичного дома ветеранов труда был маленький, но очень посещаемый, особенно ребяташками, магазин под названием «Культмаг».

Здесь продавали рыболовные удочки из бамбука (ну, очень дешёвые), лески и крючки, настольные игры, микроскопы детские, фильмоскопы и диафильмы. Фонарики и батарейки, естественно, шашки и шахматы, лото и мячи, китайские шарики для настольного тенниса, очень хорошего, отменного качества, продавали только здесь. Одним словом, сегодня бы этот магазин назвали «Спорттовары» или «Игрушки».

Когда появились первые стиральные машины «Белка», то их тоже, за один рубль за сутки, брали здесь «на прокат».

Магазин был маленький, но всегда полон. Потом магазин снесли и на его месте построили 2-ух этажный кирпичный дом для ветеранов труда.

За «Культмагом» шёл вниз к речке переулочек, тогда не гравированный и скользкий, который упирался в построенную в 1961 году, баню, обозначенную тогда вывеской, синего цвета, с двумя взлетающими космическими ракетами – год такой!

Слева, на бугре, стоял двухэтажный дом, который и сейчас стоит.

В 1902 году на втором этаже принимал больных фельдшер, Поликарп Иосифович Ромин. Он был один на всю Парабель, да и окрестности тоже. Его внук – Вася Ромин, был одним из первых парабельских шоферов. Машина была лесхозовская. По-моему, вторая, на всю Парабель.

Карп Емельянович Видмич, первый парабельский кооператор, проживал недалеко, через дорогу, примерно там стоял его небольшой домик посреди большого огорода, там, где сейчас расположена Центральная котельная, около Дома Культуры.

* * *

Аптека была на прежнем месте. Там же, с права по фасаду, была квартира заведующей. Аптека была небольшая, правда, и посетителей её, было не много, с теперешними “наплывами” и сравнить нельзя, другое время – другие песни.

За аптекой, Райфинотдел, раньше в этом здании была комхозовская Гостиница. Номера маленькие, с прибитыми на стене простыми «ковриками».

За гостиницей располагалось деревянное здание фотографии и парикмахерской. Сейчас здесь магазин «Славянский», но уже кирпичный, и, сами понимаете, ещё один Банк, третий, по счёту.

Другая Фотография раньше была и на улице Свердлова, там, где сейчас примерно находится здание Пенсионного фонда (чуть правее), а было это здание Детской музыкальной школы, которую открыли тоже в начале 60-х. При школе была квартира, одного из преподавателей музыкальной школы.

На улице Советской, практически, на красивом берегу, где открывался прекрасный вид и на Обь, и на Ливу, и на Полой, было большое картофельное поле и Сберегательная касса. На месте картофельного поля был маленький домик, в нём жили мать с сыном, постарше меня. Сын был хулиган и имел запоминающую кличку – «Гитлер».

На месте сберкассы, в том же доме, находится – сейчас магазин «Домино» – продают всё. Потом на картофельном поле построили кинотеатр им. Я.М. Свердлова. Начали его строить ещё в 50-е годы, а закончили, в середине 60-х.

Яков Михайлович Свердлов (*Янош Соломон Мовшевич*) на наших улицах бывал до революции, сослали его сюда за революционную, стало быть, деятельность. Проживал он в деревне Косторево, в двухэтажном доме волостного старосты Косторева Ериффея. Дом его и сейчас стоит почти на том же месте.

Как-то на Рождество бежал Яков Михайлович из Парабельской ссылки в Колпашево, а там дальше и – ищи ветра в поле...

Парабельские революционеры, довольно-таки часто, таким образом, покидали наш край, позже, правда, исправились. Вместо себя других стали присылать: «Если мы не допели, вы допоёте!». Прав оказался «классик» – «допели», по полной программе, отголоски и сейчас слышны.

* * *

На противоположной стороне, там, где сейчас Районная Библиотека, была семилетняя школа, затем она стала вечерней школой, затем – профессиональным училищем № 28, а потом и до сего дня – Районной библиотекой.

Школа была построена по настоянию пользовавшимся огромным авторитетом, Донского Дмитрия Дмитриевича, члена ЦК партии эсеров, сосланного в 1924 году в Парабель. Школу построили в 1928 году.

При довольно таки туманных обстоятельствах, Д. Д. Донской позже покончил с собой. Хоронила, говорят, его вся Парабель и жители её окрестностей. А так это было, или нет, кто его знает, пойди – спроси.

Через переулок Пионерский от неё располагался «Раймаг». Здесь были стеклянные вертящиеся входные двери. Помню, продавали многое: мужские костюмы «Балтика», ткани, галантерею, бижутерию, и другие товары, часто не доступное «широкому покупателю».

В «Раймаге» было всегдалюдно. А вот продавец был один – Дора Фёдоровна, её все знали, уважаемый был человек. В магазине этом тоже громко не разговаривали из уважения к товарам, которые можно было не только посмотреть, но даже – купить.

* * *

На месте Администрации района был Районный исполнительный комитет, на первом этаже здания. На втором более серьёзное учреждение –

Районный Комитет КПСС, главное – умещались (и как только умудрялись!). Ещё раньше, здесь была Церковь, а во дворе маленькая церковно-приходская школа из толстенных брёвен. Мы, когда приехали в Парабель из Нового Васюгана в 1956 году, недолго, около месяца, пожили в этом домике. Сейчас здесь пусто, домик снесли, просто, здесь стал въезд на территорию районной Администрации.

Священник жил там, где сейчас двухэтажное здание Отдела культуры, но все три здания: Церковь, приходская школа и дом священника, были вместе, в ансамбле, если так можно сказать.

С права от Храма, были похоронены умершие священнослужители, это значит, между «Раймагом» и Администрацией района – правда, знают об этом, к сожалению, не многие. Убогие, что тут скажешь.

Последнего действующего священника звали Малахий Александрович Пинтусов, служил он священником с 1907 года по 1918 годы.

В годы репрессии 30-х годов в г. Колпашево он был расстрелян, а вот родные его и сейчас живут в Парабели.

Репрессии для парабельцев начались не 1937 году, а в 1931, когда десятки тысяч самодостаточного, работающего, но не бедного, и отнюдь, не контрреволюционного крестьянства, были высланы в наш край. Кто и дальше, продолжал «не нравится» Власти, для тех существовало «Колпашево» – страшное место для всего севера Томской области.

Но, о другом. Так вот, в 1650 году была построена на высоком месте, **Первая** парабельская церковь. Затем она сгорела от удара молнии.

Вторая, была построена на нынешнем месте Дома Культуры, но тоже сгорела в грозу.

В 1807 году была построена **Третья** – Спасская церковь. Она работала почти целый век, в её книгах, которые и сейчас имеются в районном ЗАГСе, записаны имена и фамилии жителей Парабельского района XIX века. При советской власти они были выброшены и позже найдены в конюховке райкома партии и сохранены для потомков в ЗАГСе.

По пришествии в ветхость в 1904 году построена **Четвёртая** – во имя Всемилостивейшего Спаса. Недолго люди молились в ней Богу. После революционных годин её закрыли, а в 1938-39 годах сняли с неё купола и колокол.

Следующую по счёту, **Пятую**, открыли по просьбе 50 верующих православных парабельцев, написавших письмо-просьбу об этом в райисполком. В это время я работал в райисполкоме, и имел к её открытию, непосредственное участие.

И вот, в 1992 году, закрыли действующий в бывшем клубе Сельхозтехники, «Видеосалон», произвели в нём необходимый ремонт, и появился Храм Рождества Христова, и ныне работающий в этом здании.

Шестой, кирпичный, поднявший колокольню на 17 метров над окружающими её строениями, Храм Преображения Господня, открыли в феврале 2006 года. Ещё когда поднимали купола, пришло смотреть на это очень много радостных людей, и я туда добрался и тоже смотрел на это событие.

Проект Храма сделал колпашевский архитектор, и мы, вместе с ним, ездили в Томск, к епископу Ростиславу. Он просмотрел чертежи, высказал

свои пожелания, и благословил. Так был построен действующий ныне Храм. Стоят они оба на улице Советской, между улиц Южной и Некрасова.

После открытия храма Рождества Христова приезжал в Парабель на службы из Каргаска отец Фёдор, а в 1996 году стал свой батюшка – отец Александр, в миру – Александр Сергеевич Фрейдман, и ныне работающий на этом поприще.

Приехал он в Парабель совсем молодым человеком. Проучившись в г. Тобольске в гражданском ВУЗе, и не получив, тогда ещё полностью церковного образования, был назначен к нам, в Парабель. Позже закончил семинарию позже, да не это главное.

Ещё был такой случай. В 1946 году здание райисполкома ломали и капитально ремонтировали (Храм, построенный в 1904 году).

Один плотник вместе с другими был занят на ремонте этого здания (сейчас он умер, но я с ним разговаривал по поводу его ссылки, отсюда и знаю). Он упал с лесов и оказался в больнице. Через некоторое время его выписали, и он пошёл домой. Но решил заглянуть по пути в райисполком.

Был обеденный перерыв, и в одной из комнат ремонтирующегося здания расположились его товарищи. На столе нехитрая снедь: селёдка, лук, помидоры да соль с хлебом и молоком в бутылках.

Пригласили и его за стол. Он посмотрел на стол да возьми и брякни: «Ничего себе, железок». Всю эту вкусноту выложили товарищи его на газету, а в газете той, фотография т. Сталина, в военной форме, с орденами. Он по поводу фотографии вождя возьми да скажи так.

Было это в обед, а к вечеру его арестовали. Не прошло и месяца, как судили, и дали ему по тем меркам чрезвычайно мало, так он сам говорил, всего 5 лет, которые он отсидел точно, от звонка до звонка.

– Не повезло, – выслушав его, сказал я.

– Не повезло, говорите. Мне-то как раз и повезло.

Это правда, что отбыл я на строительстве Норильска ровно 5 лет, день в день. Жили мы в утеплённой палатке на 50 человек. Выучили меня там, на помощника бурового мастера. Смену отработаешь и как вольный. Кормили хорошо: мясо, колбаса, всё такое прочее... . Давали и водку или спирт, когда как. Довольно-таки часто «вольные» или те, кто свой срок уже отмотали, но остались в Норильске, на стройке, не могли по каким-то причинам выйти на работу. Просили их подменить, опять же за харч или за спирт.

Одним словом, там жить можно было. А вот когда вернулся оттуда в Парабель в 51-ом, увидел и узнал, что такое голодуха... . Да... А там было хорошо.

Вот такую историю рассказал житель Парабели, как и многие другие земляки, побывавшие в аналогичных учреждениях...

* * *

На месте теперешней гостиницы был двухэтажный деревянный дом для работников милиции (немного левее и в глубь). На улице Советской в те годы, конечно, никакой Детской площадки ещё не было. Здесь находился парткабинет: длинное, узкое и унылое здание. При нём, естественно, партийная библиотека: книги и журналы в этом учреждении были весьма хорошие.

Как-то, году в 61– 62, когда начались космические полёты, в этом здании всё лето жили какие-то солдаты и офицеры, приехавшие в Парабель по этим самым космическим делам. Было их человек, наверное, 15. Была у них большая лодка типа морской шлюпки и чудный, очень большой подвесной мотор. Я таких впоследствии никогда не видел и таких лодок больше не встречал.

С местными жителями, в общем-то, они как-то не контактировали, почему-то. Время от времени они всё куда-то уезжали (или уплывали), и парткабинет тогда пустовал.

Пробыв, неизвестно где, неделю-другую, возвращались, на постоянное место дислокации. В Парабелю, что называется, не светились, на танцах их не видели. Так они и жили, почти целое лето.

Началом космической эры, это называется. И мы при сём имели честь по присутствовать, чуть-чуть, конечно...

Край наш для космических дел, видимо, сподоблен был. И сейчас, время от времени, на территорию района «бухаются» 2-ые ступени «Союзов» и «Протонов».

В те времена, приезжали сюда разные космонавты: были у нас и Герман Титов и Олег Макаров, может быть, кто ещё. Кто его знает?

А в Колпашево и сейчас находится (*находилась*) воинская часть Космических войск и большое «антенное поле» – одна из последних воинских частей на территории Томской области. Есть, правда, часть ещё в Северске, тоже не огород охраняет...

Помню, как в октябре 1957 года, запустили мы искусственный спутник Земли, Первый в мире. Радость была неорганизованная и неподдельная, от всего сердца – без меры, везде люди улыбались друг другу.

Праздник тогда был настоящий, хотя и без выходных.

Праздники «Космические», должны быть и в 2007 году – 50 лет начало освоения околоземного пространства. 100 лет исполняется и Сергею Павловичу Королёву – тоже в 2007 году. И ещё – 150 лет – Константину Эдуардовичу Циолковскому. Вот это год! Полновесно-космический и полностью наш!

В апреле 1961 года – произошло событие всероссийского масштаба, по крайней мере – полёт Первого в мире человека в космосе – Ю.А Гагарина.

И в первом, и во втором случае, люди радовались этому, как маленькие. Сейчас такое можно увидеть только в репортаже по телевизору из Латинской Америки, столько радостных людей, можно увидеть только там.

Помню, как выходили в тёмное время суток на улицу и в означенные по радио часы, ловили взглядом на чёрном небе движущуюся искусственную мерцающую звёздочку – пролетающую ракету значит. Летит она по тёмному небосклону и неслышно пипикает: пи-пи-пи...

Так вот, на мой взгляд, День 12 Апреля, и есть настоящий День России, который и не стыдно отмечать, как Праздник! Всем отмечать, всему народу и всей стране! Во всех городах и сёлах! И все люди будут его понимать!

Это был бы, настоящий «День России», а не как сейчас, непонятный людям, в угоду кой-кому сочиненное, безликое и притянутое за уши, 12 июня. Ни Богу свечка, ни чёрту – кочерга. Говорить про это больше не хочу..., бессовестные такие, понимаешь.

Затем вместо партийного кабинета районного значения здесь была редакция газеты «Ленинская правда», переименованная затем в газету «Нарымский вестник». Газета выпускалась три раза в неделю, и ведь находили что писать...

Типография тоже была при редакции. В типографию всегда, где бы она не располагалась, сколько помню, водили экскурсии школьников: знакомились с работой линотипа, набором шрифтов, процессом «печатания» газет, брошюр и разных конторских бланков.

Сейчас здесь ничего этого нет – снесли старое здание Парткабинета, нет редакции с типографией и построили на этом месте «Детскую площадку», которая, в общем-то, пользуется «спросом» у людей – родителей, бабушек и дедушек, и, конечно, их питомцев...

Теперь на этом месте другие «шумы» раздаются, не типографские – детишки здесь всюду играют в своё: возятся, урчат, пыхтят, зудят сквозь зубы, ничего вокруг себя не видят. Воображают, что будто едут в какие-то дали, без остановок и пересадок. Может быть в Дальние страны?

* * *

Ещё один Банк, четвёртый по счёту, был и тогда, назывался – Госбанк, а вот рядом стоящего белого здания, где недавно располагалась Парабельская сельская администрация до недавнего времени, не было, а был на этом месте, старый почерневший двухэтажный деревянный жилой дом.

За банком ни районного Суда, ни Дома детского творчества не было. Была «Артель инвалидов» – неказистое длинное деревянное здание. Здесь сапожничали инвалиды Великой Отечественной войны.

Другая артель, тоже инвалидов, располагалась на улице Шишкова, сейчас (2006 г.) там находится вневедомственная охрана милиции, около Рынка, старой восьмилетней школы, в которой я учился во 2 – 4 классах, (тогда семилетней).

Пожарная часть стояла против Почты, но её вскорости должны убрать и перевести в другое место, на окраину Парабели. Жалко, я бы пристроил на крышу красивую пожарную каланчу, пусть декоративную, было бы красиво и правдиво. Если не функционально, можно было в этом здании открыть хлебный магазин, рынок, какую-либо службу быта, да что угодно, в Парабели научились открывать что-то, в самых неожиданных местах – было бы желание. Ну да ладно, что сделано – то сделано.

Напротив Пожарной части, располагалась Почта. Ну, без неё, ни как нельзя! Всегда, в любое время года, и в любое время суток, она была открыта для людей. Отсюда по «межгороду», можно было позвонить по телефону, куда надо. Можно было «дать» телеграмму и в тоже окошечко полюбоваться, как интересно работает коммутатор и «барышни» за ним, вставляют-вытаскивают длинные штекера, на длинных чёрных проводах!

Народу на Почте было всегда много: посылали переводы, получали и отправляли посылки, проверяли лотерейные билеты – выиграла, или опять, ничего! Здесь же можно было выписать газеты и журналы, они были не дорогие, но разнообразием – не отличались.

Ещё располагалась в здании Почты, и другая служба связи, которая отвечала за радиосвязь, установку и работу телефонов. Телефонов в то время, было не очень много, с сегодняшним днём, даже сравнивать неудобно. У нас дома, например, стоял номер: 2-20, всего 3 цифры, а не 5, как сейчас.

Рядом с «Пожаркой», стоял двухквартирный дом, которого сейчас нет, и начиналась большая территория Парабельской средней школы, до самого Стадиона. Двухэтажная школа, Спортивная площадка, Географическая площадка, Пришкольный участок, конюшня, склады и поленицы дров: всё это была «Школа». О Школе в двух словах не скажешь, но всё же попробую, если смогу, поделиться своими школьными впечатлениями, чуть позже.

* * *

Стадион был на прежнем месте.

В Парабели любили футбол и всех игроков знали по именам и прозвищам. Футболисты были ребята молодые. 30-летние, мяч по полю прилюдно уже не гоняли. «Молодые»: они или в школе учились (Толя Акимцев, вратарь, стоял в воротах за сборную района с 7-ого класса), или уже работали, или приехали в Парабель по распределению после окончания ВУЗов (Владимир Ильич Быковский и другие).

Ежегодно, или только кажется, проводили в Парабели так называемую «Зону» – футбольные игры ранее определённой группы районов Томской области.

Были здесь футболисты Каргаска, Белого Яра, Александрово, Колпашево, Пышкино-Троицкого и Молчановского районов, наверное, каких-то ещё, сейчас не припомню.

Наши футболисты, как-то заняли по области, 1-ое место, и всем им, было присвоен 1-ый спортивный разряд по футболу – высокое звание, даже для сегодняшнего дня!

На стадион можно было попасть, только купив билет на входе, или... через забор. Говорили парабельцы так: «Играют «Спартак» – «Динамо», через забор и... тама».

На стадионе людно: одна часть людей – народ принаряженный, серьёзный, купив билеты и пройдя контроль, чинно рассаживалась на трибунах. Другая часть болельщиков – искала пути нелегального проникновения – через забор, как сами понимаете. Это – «несерьёзная» молодёжь, пацанва, опять же.

Раздевалка была маленькая, брусовая, налево, направо – по комнате для переодевания футболистов. Трибуны неказистые, но всегда заполненные, залазили даже на крышу «Раздевалки».

Пьяных или выпивших было не видно. Буфетов, как сейчас, тоже не видно. Приходили как на Праздник. Какая там, пьянка?

Сейчас на стадионе часто видна растущая на поле зелёная травка, раньше этого не было, её босоногие мальчишки выбивали до земли, пыль стояла столбом. Дай Бог, что бы пыль вновь заклубилась над полем.

Нужно сказать, что со спортом в Парабели особых проблем не было. Спорт любили и им занимались зимой и летом.

Большая заслуга в этом преподавателей физкультуры Ивана Михайловича Александрова и Павла Георгиевича Кривца, особенно последнего.

Да и сама школьная атмосфера, как-то предполагала активно заниматься физкультурой. Не зря большая часть школьной территории была отдана под огромную спортивную площадку.

Встречая сегодня бывших учащихся Парабельской средней школы, невольно отмечаешь – да это все те, кто в своё время дружил со спортом, помнишь их не по урокам, а по занятиям на спортивных площадках.

В начале 60-х каким то непонятным образом Парабельская средняя школа участвовала в Заочной Спартакиаде средних школ социалистического лагеря (почти официальное название) и заняла среди школ ГДР, Польши и прочих Венгрий, 53 место, сами понимаете, очень высокое. Ведь их было много-много тысяч. В зачёт шли первые 100, а мы – 53!

Соответствующая «Грамота» помещалась под стеклом, среди десятков других, менее почётных Грамот, висела на всеобщем обозрении, около Учительской и Директорской.

Спортсменов в школе ученики знали хорошо. Класс был чрезвычайно доволен, если у них была своя Катя Кошкина (одноклассница, чемпионка Сибири и Дальнего Востока по прыжкам в высоту), или известный бегун на короткие дистанции Володя Охрименко – он стал врачом, сейчас уже на пенсии.

Другого бегуна, менее известного, Валерку Ткаченко, пригласил к себе некий интернат, спортивного профиля, толи в Красноярске, толи в Иркутске. Уехал.

Коля Щетинин классно прыгал в высоту «перекатом» на метр восемьдесят.

Помню и сейчас этих школьных спортсменов, каких, наверное, больше не будет (дай Бог, ошибиться!): Боря Тренин, Юра Брусов, Коля Можаяев, Слава Пинтусов, Юра Романов, Стёпка Бондарьков, Слава Деев, который «не вылазил» из спортзала, а летом его постоянно можно было видеть на баскетбольной площадке. Да... таких фанатиков, надо было ещё поискать...

Одним словом, всех прыгунов в высоту, в длину, бегунов на лыжах и без, футболистов, всех, не перечислишь.

Говорила одна знакомая пионерка из Васюганских болот: «Их было тыщачи...». Было-было...

Любой школьный «поток», а они были не маленькие, мог бы составить свою команду по лёгкой атлетике, лыжам, волейболу и футболу. А вот другие, например, тяжелоатлетические дисциплины: борьба, бокс, были не «входу», «не в моде».

Простые, неорганизованные мальчишки тоже любили играть в футбол. Никто никого не собирал, не организовывал, учёбу не проводил. Правда, потом, спустя несколько лет, к этой «самостийности» кое-кто пытался примазаться, но это всё от лукавого.

Было в Парабелли команд 6-8 по футболу, сегодня их называли бы дворовыми. Тогда не называли никак. Играли в разных местах: на ливе, на улицах, за Полоем с заполойскими. Формы, конечно, не было, мячи были старые, тяжёлые, но старались, чтобы «экипировка» была сходная.

На стадионе почему-то старались особо не играть, вероятно, из уважения к игре настоящих футболистов, или, понимая, что рано ещё «блистать» на Главном стадионе. Не знаю. Просто так, без судьи, без особой команды, «кто соберётся – тот и соберётся» играли, как говорится, «сколько влезет», другой раз до часу ночи. Роса выпадет, друг-друга еле видно, тогда заканчивали “гонять” мячик.

От магазина «Домино» и до старого здания Почты были жилые дома и Детский сад, но не тот, в котором сейчас музыкальная школа или Школа искусств, для громкости так названная, а другой – длинный и одноэтажный.

За старой Почтой располагался Исполком сельского Совета, или просто «Сельсовет». Маленькое, незаметное среди деревьев, здание, ходили в него редко люди, так мне кажется.

Работа «органа власти» протекала незаметно для окружающих, не как сейчас, и «служили» в нём всего несколько человек, в нынешний “орган”, уже еле помещается служилый люд.

Потом жилые дома, дома, дома..., до самого конца.

На этой стороне Парабели больше никаких запоминающихся зданий не было.

* * *

Параллельно Советской, за Стадионом, шла улица Школьная, коротенькая и, несмотря на то, что на ней жил начальник «Дорстроя», очень грязная и малопроезжая. Улица коротка, и чем примечательная, тем разве, что на ней располагалось очень серьёзное и нужное народу учреждение – «Ветучасток», во главе которого стоял всеми уважаемый человек – Геннадий Павлович Горшков.

Взрослые и дети их, постоянно, и время то времени водили на её территорию разную скотину: коров и бычков с телятами, так как другая скотинка была как-то не в почёте у парабельцев.

По прошествии некоторого времени, стала видна и другая «достопримечательность» улицы Школьная – ребята на ней вырастали какие-то смышленные, хотя ни чем вроде бы не выделялись они от другой пацанвы.

В самом начале жили Фёдоровы, их дочь Вера, потом Вера Плиева, стала одним из руководителей областного департамента финансов. Илья Лысов и Саша Горельский – стали докторами наук, Боря Долгун, преподавателем Томского политехнического института, его брат Анатолий – известным томским врачом, да и другие их братья и сёстры прожили интересную и достойную жизнь. Это касается не одних Долгунов, конечно, а всех аборигенов улицы Школьная.

Боря Тренин стал уважаемым профессором-историком Томского Государственного Университета, одним из руководителей Томского “Мемориала”.

Мне кажется, что и в других спецпереселенческих местах, такая же картина, очень многие их дети, стали “большими” людьми. Толи порода такая, то ли, ещё, что ни будь...

Вот написал я это, и уже знаю, что обидел, наверное, других «выходцев» с этой улицы, да и не только с этой.

Очень богата была парабельская земля тех лет, на таланты, которые «проклюнулись» на спецпереселенческой почве, потом они стали успешно работать от Петербурга до Тихого океана – мала Парабель, да поросль богата!

Вспоминаются те, с кем учился в школе, закончили ребята и девчата школу, как-то незаметно выбрали для себя нужные институты, закончили их без всякого «протезе», и стали, кем должны были стать – по уму и шапка.

* * *

Улиц Некрасова, Чехова, Пушкина, Лермонтова и прочих Трудовых и прилегающих к ним тогда ещё построили, не было их.

Центральные улицы Парабели назывались иначе.

Улица «Максима Горького» – ранее называлась “Верхняя Болотная”, улица «Комсомольская» – была “Средняя Болотная”, улица «Шишкова» – “Нижняя Болотная”.

В начале я думал, что улица названа в честь сибирского писателя Шишкова – раскатал губу. Оказалось, в честь его однофамильца, молодого, да раннего руководителя областного ЧК в двадцатые годы, говорят, “борзой” был дюже.

Самой чистой и опрятной улицей в Парабели была, наверное, «Максима Горького», правда потом дорожники содрали с неё дёрн, и без травки, стала она, как все другие, грязная в дождь, и пыльная, в солнечную погоду. Нечего, понимаешь, выделяться, будь – как все!

На улице «Шишкова» «дежурил» летом трактор ДТ-54, там, где сейчас Милиция, и из непролазной грязи вытаскивал немногочисленный застрявший транспорт.

Улицы были очень грязными и топкими. Шутили земляки так – «У нас, что в Москве, только улицы по ужи, да асфальт по жижи».

Машин в личном пользовании не было, кроме одной, но она больше стояла, чем ездила.

На улице Шишкова, там, где сейчас магазин «На горке», был дом. В этом доме жил человек по фамилии Лейбов, кажется. У него была инвалидная коляска о четырёх колёсах. Но это была, сами понимаете, не «настоящая» машина.

Настоящая автомашинка появилась значительно позже, году в 64-65, был это «Москвич-408», у Матрёнина Евгения Афанасьевича, преподавателя физики, завуча, директора восьмилетней школы, что на улице Шишкова была. Импозантен, всегда был хорошо одет. Приятный, уважаемый человек, толковый, запоминающийся преподаватель.

Тротуары сейчас стали практичные, из асфальта и везде. Тогда же были деревянные, и не везде. Изредка на них появлялись велосипедисты, но велосипедов, в общем-то, мало было тогда, но воровать, уже начали, ну, это так, к слову.

Располагались тротуары высоко над полотном дороги, а вдоль них были вырыты глубокие кюветы (часто заполненные водой), в них мальчишки копали червей перед рыбалкой.

Червей было много, на всех хватало, и хороши были, ничего не скажешь. Кюветы были в отметилах, видно было, что здесь уже копали лопатой червей, или деревянной лопаточкой – и такие были.

Но не только червей лопатами копали.

В классе 6-ом умудрился я не отработать, положенные каждому школьнику 48 часов на пришкольном участке, отработал где-то часов 20 или, около того, за что и был наказан. И на первой линейке директор зачитал Приказ по школе: кому вручали отрез на костюм, кому заочно снимали будущий первый «заработанный» выговор, кто получал Похвальные грамоты, а нам, бессовестным, присудили «разные сроки». Выпало мне в паре с ещё одним бессовестным, выкопать кювет в полный профиль. От здания, в котором сейчас школьная мастерская (тогда её ещё не было), и до улицы Советской, метров 70, наверное.

Стыдно бессовестным. Решили они копать землю по вечерам, что бы люди не видели их, бессовестных.

Телефоны у обоих дома стояли. Позвонят друг другу по телефону, договорятся о рандеву, лопаты на плечи и шагом марш на «полигон». Начинаешь копать – луна светит с левой стороны, заканчиваешь – с правой. Так неделю и тренировались, пока не выкопали и не сдали классному руководителю линию обороны. След от неё и сейчас заметен.

Вообще, трудом не наказывали, трудом воспитывали. Были в школе придуманы и введены вот такие «дополнительные упражнения»: если ты сумел на уроке «схлопотать двойку», то автоматически следовало такое воспитательное наказание: сразу после уроков идёшь прямым ходом в «кипятилку» и выбираешь себе колун, там их было много, на всех хватало.

Вокруг школы были кучи и поленицы ещё не расколотых осиновых или берёзовых дров. За совершённый «подвиг», за не выученный урок полагалось тебе расколоть и сложить в поленицу один кубометр дров (для тех, кто не знает: 2 метра длиной, 1 метр высотой). Если вздумаешь схитрить, «попышнее» сложить дрова и классный руководитель твою хитрость обнаружит, то наказание увеличивается вдвое и никакие оправдания не помогут, даже разговора не заводи.

На виду всей школы (а вид из окон прекрасный) ты, или несколько таких же «бессовестных», (они же балахрысты и пустодомики), стараются в поте лица, спиной к школе, чтоб не видно было лица, по быстрее расколоть дрова и сложить их в поленицу.

Затем идёшь в школу (хоть бы не урок и твой учитель был на месте) и находишь своего классного руководителя. Она, не спеша так, одевается, берёт в руки деревянный метр и идёт с тобой. Показываешь ей свою свежую поленицу дров, она тщательно, но не торопясь, тщательно измеряет её метром, оценивает твой труд и отпускает домой. Не помню, чтобы ещё дополнительно когда-нибудь ругали или «воспитывали».

Было ещё «упражнение» – по проще, обычно девчонки его зарабатывали и, вооружившись половой тряпкой и ведром с водой, перевернув тяжёлые парты на «бок», мыли пол в классе. Парты ставили на место и звали классного руководителя. Мыть надо было «без дураков», так как проверка классного руководителя – обязательна!

Ну, а если две «двойки» получил? Норма увеличивалась вдвое? Конечно! Доходчиво? Вот такие «дополнительные упражнения».

* * *

Почему-то было очень много комаров. Ну, очень много. И всё лето! В аптеке продавалась комариная мазь жёлтого цвета, жирная, как вазелин. Нужно было намазать её толстым слоем на лицо, руки, тогда комар не кусал, не мог прокусить, наверное. Другого репеллента не было ни в магазинах, ни в аптеках, ни где, как сейчас.

Люди ходили с веточками и обмахивались, как японцы или китайцы веерами, можно подумать. Это помогало. Да, и эстетично, выглядело.

Но комаров, не в пример сегодняшним дням, была уйма, тучи. Мошки, мокрицы, тоже хватало. «Нарым» – это значит «болотистое место». А Парабель? Да то же самое! Вокруг Парабели, да и в ней самой, было множество болотин, протекали откуда-то ручейки, там, где сейчас ложок на улице Шишкова, около Лесничества, озерко было, на которое весной садились утки. Говорят, их стреляли. Не знаю, не присутствовал. Скорее всего – да.

* * *

Зима. Интересно было зимой на улице. Кажется, что зимы были тогда намного холоднее, а ночи темнее и звёзд ярких было больше, и снег под ногами скрипел громче.

По улицам частенько проезжали кошёвки и другие всякие сани. Кошёвки обтянуты хозяевами красивой тканью, рисунки с «огурцами», розвальни тоже на разный лад украшены были. Красивые средства передвижения, и, что интересно, ни одной иномарки, как сейчас.

На дорогах было много “насыпано” того, что «выпадает» из лошадок время от времени, но регулярно, так называемых «шавешей».

Робя!, «пошли шавяки гонять», – так звали друзья поиграть на улице в салки, (в “догоняшки”), но не в обычные, а в зимние. Кони-лошади, понятное дело время от времени, тоже должны “ходить на улицу”. Вот и ходили, потом это всё, что «выпало» замерзает и становится твёрдым, как камень. И тогда можно тогда играть в «баши», «салки», «догоняшки», пинать, конские “каштаны”, чтобы «засалить» по пимам-валенкам партнёров. Попал, значит теперь другой “голит”. Танцы-пляски на снежной улице, Посмотришь вдоль дороги – несколько «команд» гоняют «шавешей», без объявления счёта и удалений. Называли эту игру, впрочем, по-разному. Сейчас такой забавы, естественно, нет, кони остались, а игр тех уже не видно.

Другой забавой было поить коней. Коней в организациях было в то времена, много, и вечером, как и утром, впрочем, их нужно поить. Поили на реке Полой. Во льду, были прорублены пешней длинные, узкие проруби, чтобы можно было поить коней и коров, я ещё захватил время, когда домохозяйки или старики, гоняли коров на водопой – корова или конь пьют, а хозяин дышит в воздух морозным туманом. Ветеринары по этому поводу говорят, что такой «променаж» – очень полезное для коров дело.

Вот и мы, пацаны, занимались подобным моционом. К какой конюшне ты приписан – известно давно. Есть договорённость, между конюхом и тобой. Вы, как бы, друзья-товарищи.

Утром с «конюшной» не получалась (уроки были в школе), тогда, вечером. Но некоторые ухари сбегали с уроков ради того, чтобы попить коней. Вернее, не сбегали, а просто не приходили на первые уроки, не всегда, конечно. Поэтому, приходишь вечером, часов в 7, примерно. Конюх уже ждёт добровольных помощников. Сколько человек, столько и выдаётся уздечек.

Взнуздывали и поскакали... без сёдел, на Полой, коней поить. Здорово, интересно, тебе доверяют, а ты можешь.

Если упал, ничего, ноги в руки и за табуном – догоняй! Бежишь спотыкаясь, шапка съехала на глаза, дыхание тяжёлое и прерывистое, пот льёт. Догонишь, бывает, уже на реке. Попьют кони, конечно, сами, без своих “ковбоев”. Теперь проблема изловчиться и взгромоздиться на своего коня, а то опять пешочком, вслед более удачливым конникам.

И завтра, и послезавтра, и ещё, ещё – “гонять” коней на водопой.

* * *

Концертов, как сейчас, много не было. Были «постановки», их раньше ставили во всех сёлах и деревнях, бесплатно, естественно. Поэтому, волей-неволей узнавали сельские зрители классику: Чехова, Гоголя, Островского, были свои деревенские Кабанихи, Курочкины и Хлестаковы.

Трудно поверить, но исполнялись даже оперы и другие серьёзные вещи из не деревенского репертуара, и даже не райцентровского. Представить трудно, но было... было... было.

Я этого времени почти не захватил, только скользнуло по мне, а теперь время другое настало: электронно-компьютерное.

Ошибаюсь, а может быть и нет, но раньше люди сильно тянулись к жизни на сцене, к самодеятельности. Реальная жизнь оказывалась тяжёлой, тягомотной, постной, намного суровее, чем реальная жизнь. А на сцене, пусть на короткое время, ты и граф, и миледи, и вообще, счастливый, беззаботный человек. А проза она и есть проза, серая и унылая.

И вот, после бригадирского командования, уполномоченных, бескормицы на фермах и огрёбки в лесу, и тяжёлой работы на пилораме, спешили люди после работы, на репетиции. Пели родные дома песни, играли на сцене героев, даже на родном тебе языке, любили характерные роли. Отвлекались, одним словом.

Везде, где я знаю, самодеятельность на сцене занимала почётное первое место в общественной жизни очень многих сёл, и не только Парабельского района.

В Парабель, как сейчас помню, приезжали эстрадные артисты, довольно часто, даже из настоящего Китая были: жонглёры, эквилибристы, гимнасты и, конечно, фокусники. По-русски говорили они очень плохо – «чечыре, пиять», смешно, однако, но остальное то, было понятно без перевода!

Приезжал кукольный театр из Томска или Новосибирска.

Сказка, красота, настоящий Буратино с Мальвиной. Серенада – «Пропала невеста Мальвина моя. Она-а-а... ушла-а-а... В чужие края...». Голубого цвета занавес с нарисованным на холсте очагом и волшебным открывающийся путь для маленьких человечков. А Карабас-Барабас наказан, так ему и надо, паразит, этакий.

Больше не помню ничего, кроме того, что на одной стене кинозала в РДК, была большая-большая, писанная маслом, репродукция картины «Переславская Рада», с Богданом Хмельницким и простым, ликующим народом – 300 лет как воссоединились! Помнить, однако, надо!

Помню школьные концерты. Помню вот такими.

Перво-наперво – хор. Руководил им учитель пения Иван Иванович Можаяев (Баян Баянович). Все, кто не успел «удрать» из школы, заводились учителями в один из самых больших классов, строились в несколько рядов, и

юные Карузо и Образцовы запевали песни. Под баян, естественно, только под баян.

Потом, когда стал постарше, участвовал в постановке сюит: песни и танцы. В концертных костюмах, национальных, например. Участвующих много. Это более интересно и увлекательно!

Далее интермедии и инсценировки – Гоголь и Чехов. Ещё далее – драматический кружок Дома пионеров, поездки зимой по окрестным клубам с концертами на санях, на сене, с хохотом и гоготом (В Доме пионеров, в котором мы занимались, сейчас магазин «Визит» и китайские товары, как ни странно, тоже есть).

Драматические «актёры» были в каждой школе.

* * *

Летом пацанва старалась где-то поработать. Удавалось не всем. Работали кто где: в дорстрое, в райкомхозе, на покосе, кое-кто умудрялся в райпотребсоюзе и т.д. Но наипервейшее дело и обязательное – работать на пришкольном участке и копать картошку на полях у деревни Костарево.

Будучи в 3-4 класса захватил ещё собирать на поле колоски, там же – у Костарево; в 5-ом – дёргать лён (вроде бы не много, норма – всего одна сотка, но без перчаток-рукавиц, руки горят и болят сильно), это около Бугров; потом, и до конца школы, копать картошку – это вновь в Костарёвской стороне.

Дело было организовано так.

Школа строим и с песнями (энтузиазм !!!, понимаешь), шла на поле. Пешком и с песнями. Копали только руками, никаких машин или «под плуг», не предусматривалось.

Норма – 20 вёдер (в 5-ом классе), потом 25, 30, 35 и т. д. У каждого была дома приготовленная деревянная лопатка, вилы или железная лопата. Руководит – классный руководитель, «точкует», то есть, отмечает, кто сколько выкопал, – староста класса. Ведро выкопал, высыпал – она «крестик» в тетрадку поставит. Копали весело и быстро.

В 9-ом классе оказалась самая интересная сельскохозяйственная работа: прошли мы весь сельскохозяйственный цикл, без машин и прочих механических орудий труда.

Сеяли, как сеятели на картинах в учебниках, руками разбрасывали семена: на право – на лево, на право – налево.

Когда всё поспело – серпами жали. Затем вязали снопы, далее ставили в суслоны. 25 снопов – 1 суслон. На телегах возили снопы в амбар и в ручную, но не «цепами», палками, обмолачивали. Из соломы вязали циновки (девчонки, не мы). Полный цикл! Но, только 1 год. Жаль, что мало – было интересно! Работали на сортоиспытательном участке. Это нужно было для «чистоты какого-то сельскохозяйственного опыта».

В любом случае, этот коллективный труд оставил самые тёплые воспоминания о нём, и не только у меня.

Летом старались попасть «на кирпичи», из Кирзавода возить кирпич на машине на причалы на Полое или Оби. 4-5 мальчишек загружают кирпичи в кузов грузовичка, чаще прямо из душной, горячей и пыльной печи и везут на пристань.

Привезли на берег, подготовили лопатой место для будущих «столбиков», чтобы они не упали. Кирпич осторожно выгружаем и складываем из них «столбики», основание из 10 штук, высота – 20 рядов. 200 кирпичиков.

Отвезли 4, а то и 5 машин – вечером уже получи расчёт. Всегда вечером, после работы. Получалось когда – как: и по 5 рублей, и по 6 рублей за день работы. Деньги, конечно, небольшие – но, всё-таки, значительные для самодостаточности. В кармане денег у нас почти никогда не было, откуда? Родители не баловали, а просить у них, как-то не принято было.

Часто стояли пацаны у Дома Культуры и «сшибали» денежку на кино, у своих же товарищей – вдруг у них сегодня есть.

В Дорстрое коллеги возили гравий по дорогам Парабельского района – «бери больше – кидай дальше». Сначала грузили в кузов машины и затем разбрасывали в указанных мастером местах.

Других работ я что-то не помню, хотя, они, конечно, были.

* * *

Самое интересное в той школьной жизни – мартовские каникулы или, сопутствующие им, так называемая Школьная Олимпиада. Проходила она раз в год. Каждая школа, Дом пионеров, Детские Дома, заблаговременно и усиленно-самоотверженно, готовились к этим дням: после уроков репетиции, репетиции и ещё раз репетиции.

Перед каникулами – проходили смотры художественной самодеятельности в каждой школе. Лучшие номера «отбираются» и затем «идут» на Олимпиаду.

На каникулах все школьные самодеятельные коллективы съезжаются в Парабели на «смотр». Смотр выступлений самодеятельных артистов идёт целых два дня – с утра до вечера.

Сокровенное, и весьма трудное дело – достать контрамарку (Слово-то какое!) – картонный квадратик с синей печатью. Затёртый в кармане, изжёмканый, с расплывшейся синей печатью, он даёт тебе сегодня право посещать концерты без перерыва, только не выходи на улицу («Что, потерпеть не можешь, такой-рассякой?»), потом попасть обратно в зал весьма проблематично.

Уже предпраздничная обстановка была напряжённо-волнительна. А в сам Праздник!

В зале у всех приподнятое настроение, улыбчивая атмосфера, зал переполнен, заняты даже приставные стулья. А воздух, от большого количества тепло одетой ребятни, мягко сказать... не очень, что бы очень.

Но не замечается ни теснота, ни страшная, густая духота. Всё! Ты приобщён! Ты на Олимпиаде! Сиди и аплодируй себе на здоровье, сколько хочешь!

Конкурсное жюри сидит впереди, ареопаг, этакий. Отбирает он лучшие номера. Выступают все школы: десятилетние, семилетние (затем стали называться восьмилетние), Детские дома (их было два), Дом пионеров, музыкальная школа. Выступает духовой оркестр Парабельской средней школы.

Занятое дело. Закупила эта школа как-то Духовой оркестр – целый комплект медноголосых труб – и откуда только деньги нашлись? Купить то купили, а играть то, играть, никто не умеет. Баян Баянович – только на баяне может. Что делать? Вопрос не риторический.

Но, нашли всё-таки подходящего человека, способного играть на «кларнете и трубе».

Малообразованный, не старый ещё дяденька, ходил в солдатской гимнастёрке (это в начале 60-х!!!), но он оказался весьма способным не только музыкантом (играл практически на любом инструменте), но и организатором. Обучил мальчишек и двух девчонок играть на инструментах, создал Духовой оркестр, меньше, чем за полгода.

В сентябре – первая репетиция, в самом большом классе, потом – в физкультурном зале собирались, а после Нового Года – оркестр заиграли! Фамилия этого, если можно сказать, «вундеркинда» – Иван Иванович Клепча.

Давно ни его, ни инструментов нет, ни «духачей» уже не осталось от старого состава, и нет ни у кого настроения, ни желания, возродить Духовой оркестр.

Остался, пожалуй, один «духач» – мой ровесник, одноклассник, Володя Видмич, из славного семейства первых парабельских кооператоров, Видмичей.

Итак, артистов на сцене много: знакомых и незнакомых. Пацаны – так себе, а девчонки есть даже очень ничего. Только жаль, что Олимпиада скоро закончится, артисты разъедутся-разойдутся, и Праздник, закончится!

Концерты, которые сегодня время от времени, «демонстрируются» со сцены того же Районного Дома Культуры уже не те, что тогда. И это зависит не от моего нынешнего возраста, мировоззрения и мироощущения, а зависит от того, что они стали коммерциализированы, берут «копейку», за что только можно и без меры, берут, как говорится. Концерты-выступления, идут «под наглуую фанеру», и души в них, практически нет и быть не может. Это не просто моё брюзжание. Разговаривал о таких «концертах» с молодыми людьми и людьми зрелыми, понимающих в таком деле, как «художественная самодеятельность». Они не только согласны с моей точкой зрения, они очень обеспокоены этим и ждут, что придёт на сцену другое время менее коммерческое, что-ли...

* * *

Ещё, мне кажется сейчас, что «чисто» парабельцев на улицах нашего села, не так уж много и встречается – окончили они школу и поступили в институты или техникумы, остались работать на тамошнем производстве, и больше не вернулись в Парабель.

И вдруг, узнаешь, что ещё оставшиеся «могикане» видели такого то, или передавала привет, такая то...

Многие однокашники уехали на «историческую» родину – в Алтайский Край или Омскую область, или, ещё куда...

Можно, правда, найти одноклассников и в Старице, и в Нестерово, бывает так, что ты их не помнишь, а они тебя знают.

В Парабели, нас совсем мало – раз, два, и обчёлся. Так из нашего класса – двое, из «параллельных» – примерно, то же самое. А ведь нас, в

1966 году, за раз “выпускалось”, пять классов. Где они, куда подевались, уже никто и не знает, многие, уходят «безвозвратно».

Говорят, что девчонок, вообще то, много осталось, но их и не узнаешь теперь в лицо, изменились, почти все! Город затягивает в себя районных девчонок и мальчишек и уже не выпускает почти никогда.

«Втягивал» лучших, и они становились инженерами и докторами наук, технических и исторических, крупными производственниками и военными, сухопутными, моряками и лётчиками, и не приезжали обратно жить в Парабель, стали томичами, москвичами, ленинградцами, жителями других сибирских городов, откуда их дедов и их отцов, забросила судьба.

Только на Праздничные и Юбилейные даты, слетаются земляки, оставившие когда-то Парабель, только в эти дни и может увидеть она своих питомцев, но не всех, далеко не всех....

«Судьба-а-а-а...», и тут ничего не попишешь...

Вообще, заметил, что в каждом классе, обязательно были ученики, которым хорошо, или, очень хорошо, «давались» или математика, или биология, или физика, или история и т. д. Обязательно! Так, видимо, был устроен школьный коллектив. В каждом классе, независимо ни от кого, ни от каих учителей, были свои «лучшие». Небольшое количество, но были – Всех понемногу.

Никто их никогда не учил, например, изобразительному искусству, никто не «преподавал» никаких законов перспективы, а они и ваяли, и рисовали...

Познавали и познали Законы Математики, Физики, Обществоведения. Тематических кружков, типа «Юный физик», или «Биолог», «Химик» и т. п., не было никогда, сколько помню. И учились они без всякого напряжения по этим «дисциплинам».

Вот, например, Нина Заречневаа. Училась, как говорится, «средне», а вот по английскому языку, любому в школе давала любую фору.

И такие ребята и девушки, были по любому предмету. Природа, наверное, такие порядки наводит, если, конечно, не ошибаюсь.

Что было – то было, но время прошло. Сейчас видится мне, что Школьному учителю, педагогу, по-хорошему, и напрягаться особо не нужно. Будь чутким и внимательным, ведь в ребёнка всё необходимое уже вложено-заложено Природой, и остаётся ему только отыскать дремлющие способности, развивать их, поправлять и подготовить человека к дальнейшей жизни. Только не портить! А мы, к сожалению, в этом преуспеваем...

Кто из педагогов понимал это, ученики тех, хорошо закончили школу. Кто не понимал и не сейчас не понимает – тот будет так и «числиться» педагогом, может быть, даже «хорошим», «опытным», воображать себя, «сельской интеллигенцией». Если бы только так! Если бы только, воображали...

В нашем выпускном-простом классе, было 21 школьник, все поступили в высшие учебные заведения, кроме одной девочки, не прошедшей по «конкурсу» в медицинский институт. На следующий год она повторила заход и поступила. Закончила мединститут и проработала на севере нашей области до пенсии. Ну, это так, к сведению...

Интересно было записать те детские впечатления, эмоции, переживания, на какой-либо кристалл большой ёмкости. Дискеты, или любого другого электронного чуда, не хватит. Точно, не хватило бы.

* * *

«Парабель, Парабель, малая планета, десять месяцев зима, остальное – лето», разухабисто пели подростки между собой в те годы.

Кое-что в этой нехитрой, наивной песенке приукрашено, кое-что, не так, или вообще, чего-то не сказано, что сказали бы сейчас. Кроме одного.

Парабель, действительно «малая планета», и сколько ни будешь вспоминать, что и где было – всего не вспомнишь о ней и её обитателях.

Сколько ни будешь писать, – всего не напишешь. Сколько не будешь извлекать из своей памяти – всего не извлечёшь, столько же, если не больше, останется.

Планета она и в Африке планета, хоть и малая, но неохватимая, необъяснимая, terra inhognita, одним словом, часто со своими неразгаданными поворотами, непонятными ходами и даже хитрыми вывертами.

«Да, уж-ж-ж-ж», – говорил один человек, и он был, наверное, прав.

* * *

50 лет – очень маленький отрезок времени, но как много на самом деле произошло изменений, поворотов, изгибов и прочих «загогулин» с неожиданными «кульбитами».

История каждого человека – неповторима, история семьи – тем более! А История села – вообще, если задуматься, не поддаётся простому осмыслению!

На первый взгляд, всё ясно, как лыжа! Но, произошло уже так много..., и так разно..., а сколько ещё произойдёт!

И не только в панораме Парабели будут происходить изменения. Это закономерно, необходимо только, где нужно, убыстрять это, или, наоборот, притормаживать, или не лезть, в это дело.

Да, облик важен, очень важен. Но Облик – не главное.

Главное, в судьбах старожилов, и приехавших из других городов и весей, родившихся давно и недавно на нашей земле, и здесь берущих своё жизненное начало.

Здесь, а нигде ни будь, они должны приобрести тот заряд, напитаться такой аурой, получить тот «разгон», который не только необходим будет им в жизни, но и сделает её осмысленной и наполненной Добром на долгие и долгие годы!

Сделает жизнь по-настоящему Полнокровной, как говорят!

Хочется, ой как хочется сказать, – «Счастливые Вы люди»..., и пусть так будет всегда! Пусть будет только так и никак иначе! И пусть будет немного другая Судьба – лучшая! У всех!!!

И хорошее, здоровое, продолжение, тоже, у всех....

Покос.

Сказала мне жена, Клара Витальевна, что неплохо было бы, если написал я о покосных делах моих. Много всякого интересного бывало на этих покосах, на мой взгляд, конечно.

На покосах я работал с 5-ого класса – сначала на райкомхозовском, затем на больничном (это в Парабели), потом на Берёзовском.

В райкомхозе работал мой отец, возглавлял эту милую организацию. Возил я в основном копны, немного копнил да ездил на лошади верхом за водкой в деревню Чистый Яр, куда, в общем-то, частенько, снаряжали меня наши мужики.

На покосе бывал я обычно месяц или около того.

Ставили сено комхозовским лошадям, а потом себе по стогу или сколько там, не помню уж. Жили в шалаше, смётанном в виде стога, а внутри полога – от комаров, сыровато там было и не очень уютно. Но так было.

Харчились, естественно, на улице, то бишь на свежем воздухе. Ели в основном «рыбное», благо, что озёр с утками, карасями и щуками вокруг – было не считано.

Следующим моим покосом был больничный, на Оби, напротив деревни Ласкино.

Здесь, не в пример первому покосу, было намного привольнее. Обские просторы перед глазами, Обь-река, раздолье. Жили в какой-то избушонке, спали на полу, тоже под пологами, естественно.

Заезжали на покос на большом неводнике со всем скарбом и конями. Неводник тащил на буксире больничный катер под названием «Книготорг». На больничном покосе я исполнял те же обязанности, что и на прежнем, но когда стал старше, и копны приходилось ставить.

Покосы в тех местах, хорошие, чистые. Помню, однажды наша бригада, из 11 человек, поставила за день 11 стогов. В другие дни, правда, поменьше, но всё равно, работа всегда спорилась и «урок» исполнялся.

Помню ещё, что мясо для пропитания косарей, хранилось в ямке, на берегу Оби. Сверху ямки, мужики насыпали холмик и поставили крест, для смеху. Издали, с Оби или из Ласкино, это выглядело, как чья-то могила (бессовестные какие).

Иной раз после трудового дня мужички выпивали с устатку, благо деревня была рукой подать, иногда выпивали сильно. Двоих посадили за «буянство», по 5 лет каждому дали. Отсидели, конечно. Судьба-а-а-а...

Был ещё один покос недолгий. Как-то летом около моего дома, толи классный руководитель, толи завуч, увидев меня, говорит: «Надо, Юра, на недельку на покос съездить, помочь колхозу «Путь Ленина», сено поставить. Собирайся, завтра утром вас отвезут на катере».

Собралось нас, таких «помощников», человек 6. Ставили копны с утра до вечера и мы, и взрослые, незнакомые дяденьки. Работали так несколько дней – жили в шалашах, закрытых сверху уже прелым сеном. Закончили и отвезли нас обратно в Парабель. Питались из узелков, прихваченных с собой, чай, правда, был общий, зарплаты никакой не было, да её и никто не спрашивал и не думал про неё, будто, так и надо...

Следующие покосы-сенокосы, состоялись в славном граде Берёзовке, где я жил с семьёй и хозяйством, тож.

В хозяйстве берёзовца, если были коровы или другие крупнорогатые создания, обязан был мужчина отработать на покосе месяц, или более, что бы получить, а по сути купить, сено на свою живность. Потом была смена, приезжала другая компания, но я, правда, такого распорядка уже не захватил.

При мне было так: как приехал, так и до конца будь – коси, копни, мечи, пока всё сено не поставят, не погрузят на баржу и не отправят его в Берёзовку, где его нужно будет вновь разгрузить с баржи, сметать “в стога” на берегу, потом привезти домой и переметать на крышу стайки. Процесс был длительным и запоминающим...

Попробую что-нибудь вспомнить о той покосной жизни и поведать о том.

Сборы и заезд.

Вокруг таёжной Берёзовки, покосов не было, почти не было, кроме проплешин несерьёзных. За сеном выезжали сформированными бригадами на катере и маленькой железной баржонке.

Сборы были такие. Примерно за недели три-четыре до начала Покоса, определялись, кто в этом году поедет на покос. Трудностей тут особых не было: если дома есть корова, нетель или бык, милости просим. Правда, у некоторых корова была, но без них (вальщиков, бульдозеристов и т.д.) на основном производстве было трудно, поэтому вместо такого «коровника» посылали кого-нибудь из “вербованных”.

(Шутка. Мужик просит дать ему трактор, на полдня. Мастер выслушал и говорит: «Трактора нет, дать не могу, но двух вербованных выделю»).

«Вербованные» – это те, кто приехал в Берёзовку по так называемому «оргнабору». Собирались они со всего Союза. Практически вся Берёзовка состояла из вербованных. Люди вербовались, (так говорили), на год, два или три, реже – на пол года. Вербовка заканчивалась, но почти все приезжие оставались работать дальше. Бывало, что и уезжали на свою родину, но через некоторое время возвращались вновь.

Приезжали в основном холостые, семьями обзаводились на месте. Когда я приехал в Берёзовку, в школе учеников было более сотни, а коренных берёзовцев – семьи четыре или пять.

Вербованные разные были. Одни приехали за романтикой (таких мало было), другие за “лесом” (отработать положенный срок и потом дома, в Молдавии, например, получить причитающие тебе кубометров 15, кажется). Третьи приехали, скрываясь от суда или милиции. Четвёртые – после заключения. Пятые остались ещё от прежней ссылки. Шестые – немцы или бывшие бандеровцы, после войны осужденные или сосланные в Берёзовку. Седьмых, непонятно какой ветер занёс. Были, конечно, и восьмые, и девятые, и десятые. Судьба-а-а-а...

Были ещё на покосе ребята «из общежития», вербованные, конечно. Было в Берёзовке 5-6 коней, используемых на разных второстепенных хозяйственных работах, на которых тоже надо было сено ставить. Вербованные эти для этого и были определены на покос.

Все, кто ехал на покос, закупали крупы, масло, сахар и другое. В секрете от жены или тёщи приобреталось некоторое количество водки, другие, а их было достаточно много, покупали «Шипр» и другие одеколоны. Правда, об этом почти все знали, это был «секрет полишинеля», но такие были правила – будто никто ничего не знает и ни о чём, не догадывается.

В день отъезда на берегу был «лёгкий шорох». Покосники ехали на пароме (железной баржонке). В конец парома устанавливали сенокосилку, конные грабли и коней. Весь этот табор отгораживали тёсом. На остальной части парома, располагались, чинно и важно, сенозаготовители, трезвые и деловые.

Жёны и прочие провожающие стояли на берегу, давали последние «ценные указания». Всё было чинно и благородно. Начальник лесопункта, проверив, всё ли готово к отплытию, давал команду отчаливать. Старенький катерок КАЭСка (катер сплавной) во главе со знающим себе цену шкипером давал сирену, и ... поплыли...

Работяги на борту плавучего ковчега, озабоченные предстоящей долгой дорогой и расставанием с любимыми, честно и усиленно-усердно изображали горечь предстоящей разлуки со своими женами и скупыми, но нужными телодвижениями завершали последние штрихи в куче взятых с собой вещей. Понятное дело – изображали, как умели, часто, не достоверно. Так продолжалось недолго, минут 10-15, пока катерок и паром не скрылись за поворотом реки Пайдугина.

Вот, Берёзовка скрылась из виду. Инсценировка под названием «Прощание с любимой», заканчивалось.

Быстро и сноровисто распаковывались чемоданы, развязывались рюкзаки, доставалась, как и положено, приготовленная домашними еда и то, что называется – фунфуриками. Никто по берегу не бежал, махая руками и вытирая слёзы, можно было потихоньку начинать. Поход – начался!!!

* * *

Через 5 километров первые бутылки были прикончены и за ненадобностью выброшены, и плыли рядом, за бортом «нового ковчега». Покурив и обсудив кое-какие вопросы на общие темы, народ принимался за вторые бутылки, затем за третьи и т. д.

Километров через 20-25 виноводочные изделия полностью уничтожались, как немецко-фашистские оккупанты в августе 44-го.

Тогда происходил плавный переход к «Тройным» и прочим наливкам двойного назначения. Ну, здесь кто как мог. Я, например, за всю жизнь не сделал и не пытался сделать, ни одного глотка сей «огненной воды», но люди хвалили и употребляли.

Не буду описывать всю дружную компанию с их разговорами и глубокими мыслями, возникающими в просветлённых головах, чай не маленькие, сами сообразите, что и как. Вопрос в другом: как дальше плыть? Ведь весь путь до покоса составлял более 200 километров, а головы на солнце уже начинали побаливать. Но не судьба-а-а...

Впереди стоял давно высчитанный в уме посёлок под названием Кайнасово, при нём, как известно, был магазин. И какой бы магазин ни был, но в нём обязательно имелись *ПРОГЛОТИТЕЛЬНЫЕ* напитки и разные закусительные и курительные вещества.

Все, кто стоял на ногах, а таких было ещё большинство, поднимались на крутой берег Пайдуги к магазину. В магазине, умно рассуждая вслух на тему «чего брать, чего не брать», дыша свежим перегаром и показывая местному

народу ещё не помятый лик, затаривались и походкой первых космонавтов возвращались на палубу «корабля».

Пароход отходил, “употребление” продолжалась.

Недолго. На траверзе возникали Борки (последний, по сути, населённый пункт, на многокилометровом пути до устья таёжной реки, в Рыбном, уставши, могли и не остановиться) и, что интересно, тоже с работающим на берегу магазином.

Самые стойкие громко, чтобы слышали местные, давали оценку открывающейся панораме посёлка, одобряли или раскритиковывали, открывающие виды, и шли в магазин. Позже, с чувством выполненного долга, возвращались к друзьям-товарищам. Как плыли дальше – уже не знаю, хотя много раз ходили я этим маршрутом.

Шкипер тоже был человеком и от других отставать ни за что не хотел, но ни разу караван за все годы моих поездок, не врезался в берег или наехал на поторчину. Судьба-а-а-а..., стало быть.

* * *

Ночевали в основном на берегу, на пленере, закрывшись, как попало кое-какой одежкой или ничем. У некоторых, паразиты такие, утром из каких-то непонятно заначек появлялись бутылки, фунфурики, или банки с бражкой. Поход на покос продолжался, как и положено.

Было бы интересно сейчас взглянуть на это со стороны, с берега или из ближнего Космоса, сверху, как сейчас в кино, нередко, показывают. Степаны Разины да и только, правда, не такие озабоченные, как на картине Василия Сурикова, но задумчивые очень. Так мне кажется. Но увидеть такое – не судьба-а-а-а... А жаль.

День проходил, скажем так, незаметно. Второй день заканчивался, и вновь приближался вечер. На ночлег устраивались, как могли, или, как не могли. А шут его знает, как сказать правильно, голова в тумане.

Ранним утром следующего дня экспедиция стояла на берегу старинного, образованного в 1600 году казаком Типсиным, села Алатаево. Здесь нужно было быть рано утром, часов в семь, так как алатаевцы, тоже разную скотину имеют и сено тоже косят.

Сделав утром необходимые домашние дела, они шли на свои покосы, закрывая до вечера оба Магазина, Почту, Медпункт и Исполком сельского Совета. Оставались в деревне только старики, да старушки. Страда-с...

Сельский Совет нам сегодня был не нужен. Нужен магазин. Нужны были опохмелительные напитки. То, что магазины здесь были, – это хорошо. Но в те времена были на время покоса введены другие правила торговли, если короче и доступнее – на время сенокоса спиртные напитки на территории района не продавались. Такие правила!

«Правила», естественно, повсеместно нарушались, и выпивку купить можно было, только не афишируя эти покупки.

Продавцы тоже скотинку во дворах держат и сено на неё косят, но у них ещё План по товарообороту, его выполнять нужно, а во время страды ассортимент известный: хлеб, сахар, курево, масло, карамелек можно ещё прикупить, печенье, но это уже не существенное и многого с их продажи, не выручишь. А водку продавать нельзя. Как тут быть?

А просто. Правило известно: «если нельзя, но очень хочется, то можно!»

Одним словом, купили всё нужное и последние 17 км пути прошли по реке Кеть без особых приключений.

Доплыли! Вот и место под названием Усть-Митькино, в устье речки Куржинка. Здесь будем и жить, и трудиться, работать, пока не заготовим всё сено на прокорм коровушек-бурёнушек и Саврасок с Булаными.

Приезд.

Не буду описывать, чего мы делали по приезду. Если скажете, что пили водку, то не совсем так.

Выгрузили коней, косилку и грабли, взятый с собой пиломатериал, для обустройства покосного лагеря, свои вещи, поставили палатки, у кого были, приготовили спальные места под навесом, подремонтировали заброшенную «столовую», выкосили вокруг стана траву, чтобы комары не так сильно кусались.

“Старшины”: мастер, бригадир и другие знающие люди – обошли и обзрели окружающую обстановку, прикинули, что косить в первую очередь, что потом. Как трава, хорошая или, так себе, какова почва, что с дорогами-путями. Работы, одним словом, в таких случаях хватает на несколько часов.

В это же время обязательно мужички посмотрят окружающую местность на наличие птицы, есть, нет, пуганая или нет, подходы и подъезды к речке Куржанке, много или нет в этом году мусора-плавника на покосе скопилось, какой ныне урожай на ягоды, и какой.

Несколько слов о покосном начальстве.

Официально главным человеком является Мастер. Он отмечает выходы на работу, ведёт и закрывает наряды, ежедневно распределяет людей на работу, «бугор», одним словом. На работу он может не ходить и не ходит почти что (не все такие, конечно). Ему полагается по окончанию сезона сено на корову, как и остальным, но бесплатно.

Ещё есть бригадир, второй человек в сенокосной иерархии, но, по сути, он первый. Это опытный покосник, умеющий хорошо, даже не хорошо, а лучше всех косить, метать, копнить, ремонтировать всё, что имеется в хозяйстве: от кос до граблей и сенокосилки. Он коммуникабелен, без этого никак нельзя. У него настоящий авторитет, люди его уважают и он умеет с ними говорить, к тому же, умеет пить и гулять. Не дурак и опохмелиться. А когда надо – водки ни-ни, ни себе, ни другим.

Ещё есть тот, кто на сенокосилке работает. Авторитет у него тоже большой, но на много меньше, чем у бригадира.

Как-то само-собой ещё выделяются несколько человек, которые составляют костяк всего покосного сообщества, не первый год приехавшие на сенокосение. Кроме этого костяка, есть просто толковые мужички – таковых, достаточное количество – почти все.

Если уж дома в Берёзовке есть у человека в хозяйстве корова, нетель, бык, значит, человек уже проверенный и зарекомендовал себя как надо, толк с него будет, сачковать ему не с руки. Никчёмные, конечно, тоже бывают, но редко.

Была повариха. Она или жена одного из покосников, или приехала наравне с другими «поработать» на свою корову.

Почти все столовались у неё, кроме некоторых, которые предпочитали готовить сами, часто из гонора, а при случае не прочь были подхарчиться вместе с другими за общим столом.

Но, нужно сказать, что бригада всегда подбиралась дружная, люди, без особых закидонов. Из чистой вредности друг другу пакости не делали, а если и делали, то по пьянке, а по ней, не в счёт.

По приезду нужно было некоторым достать и просушить сети рыболовные, обласки ещё раз внимательно просмотреть, приготовить ружья к стрельбе по уткам и патроны проревизировать.

Нужно сказать, что оружия всегда было достаточное количество на покосе, у каждого мужчины дома ружьё, а то два и три, без этого и немыслимо, «Закон – тайга, а прокурор – медведь». Но на покосе никогда не было инцидентов с применением оружия – Боже упаси. Пили, ругались, но голову не теряли, дураты не было.

И сейчас, старались в первый день полностью ни на что глядя, обустроиться, подготовиться к будущим сенокосным дням, а то потом и денька свободного не представится. Завтра нужно и начинать страду без промедления.

Погода в первые дни стояла всегда отменная – сухая и солнечная, и, несмотря на лёгкое потрескивание в головах, все шли на уборку травы, шли на сено.

Зачали.

Ещё вчера вечером отбили литовки, кто умел. Кто не умел, тому это делал тот, кто умел: или бригадир, или кто из «путёвых».

По росту ставили ручку на косу-литовку – на уровне пупа, кто не знает. Отбивали, естественно, молотком на «бабке» или шабрили шабером (шабер – это трёхгранный напильник, у него сточены грани, и они получают гладкие и блестящие, способные острым ребром «продрать» косу и сточить все неровности на ней). Если коса готова к работе, то проверяется острота, пальцем. Если «острая», то палец «прилипает» к ней, если ещё «тупая» – повторить!

Если земля сухая – в тапочках, если ещё сыро – в сапогах, бригада шла на покос. Бывало, бригада делилась на части и шла на разные участки, как бригадир распорядится.

* * *

Трава в Усть Митькино, как обычно, не очень хорошая для косарей. Хорошие места предназначались для скашивания сенокосилкой, а если трава невысокая, или место кочковатое, то её скашивали литовками, порой и не очень опытные косари.

В зависимости от травы, почвы, мусора, ветра бригадир определял направление косьбы. Он становился первым, закашивал, и «шёл передом», покос начинался. «Ручка» – это один прокос – другой раз гнали его метров по 200.

Косили, если посмотреть со стороны, красиво и легко. Одновременно поднимали косы, одновременно делали «вжик», одновременно делали шаг

вперёд не потому, что такие опытные (хотя не без этого), а потому, что иначе и не получается. И не получится.

«Гнали» прокос, пока он не упрётся в озерко или какой ни будь огромный куст. Кто будет косить «по-другому», «не враз», ничего не выйдет. Коси, голубчик, как все: вжик – вжик, вжик – вжик...

Первая «ручка» даётся с трудом. «Косили-то год назад, да и коса чегой-то сегодня не идёт, как надо», – лукавили сами себе косари (похмелье, понимаешь сказывается, да и жарко сегодня, невмоготу). Поэтому когда «ручка» заканчивалась, все дружно падали на живот и пили воду из чего можно: ручейка, из озерка, из лужицы, из проблёскивающей между кочек, застоялой воды. Она была не чистая: полным-полна всяких «бикарасов», разных микроорганизмов, видимых глазу. Но жажда пересиливала.

«Пососали» воды, теперь можно и перекурить: «Тачки смажем – перекурим. Перекурим – тачки смажем».

Курили – сладко и долго. Позже травили анекдоты, байки из берёзовской жизни, прочие охотничьи и рыбачьи рассказы и жизнеописания. Про баб, как показывают иной раз в кино, никогда. Некоторые сразу засыпали и сладко похрапывали: прочифирили до утра.

«Перекуру конец» – громко объявлял бригадир. Только он объявлял его, и только он давал отбой. Косари лениво вставали, правили литовки и снова – «вжик – вжик», «вжик – вжик».

Тупо и настойчиво бригада шла вперёд без песен и прибауток, как единый механизм, ещё за одной «ручкой». Судьба-а-а-а...

Копним.

Если погода благоприятствовала – солнце и ветер, то кошенина «подходила» быстро, и денька через три-четыре можно было начинать копнить.

Если погода «не очень», то сначала надо перевернуть валки. Если коска «ручная», то делать это просто. Валки как никак, слежались, но нижняя сторона сыроватая, поэтому и переворачивали. Если коска «машинная», то переворачивать намного труднее: валки тоненькие, приходится другой раз «выцарапывать-выскребать» траву. Потом, когда ветер и солнце просушат сено, и можно копнить.

Копны в зависимости от травы, места, где нужно ставить стог, бывают и большие и маленькие, остроносые и расплющенные. В любом случае они должны быть удобны для стогования, удобны для мётки.

И, конечно, их нужно делать удобными и для перевозки копновозами, чтоб мальчишка-копновоз не мучился от непрестанно разваливающихся копён. Копну делает или один человек, если трава хорошая, набористая, земля не кочковатая, ровная, или двое, если «выходные данные» её – противоположные.

Не буду писать инструкцию по производству «копён-обыкновенных», пусть кто-нибудь другой попробует, дело то не трудное.

Вообще-то, было бы весьма интересно, почитать такое руководство. Скажу только, что в каждом деле требуется небольшая сноровка и небольшой опыт, который, к тому же, приобретается довольно скоро, и всё это умножается на твоё желание.

И снова спрашиваешь аксакала через несколько дней: «Ананий Дмитриевич, а сегодня, хлеб заказывать будем?». И опять песня повторяется. Хороший был мужик Ананий Дмитриевич, не вредный, толковый, фронтовик, но на следующий год я с ним хлеб не делил. Судьба-а-а-а...

Мётка.

Самой важной работой на покосе считается и есть, конечно, метание сена. Кто умеет хорошо метать сено, я имею в виду, конечно, всю бригаду мётчиков, то у той компании и весь сенокос пройдёт как надо. Сколько человек мечут сено? Пять. Это три человека «под стогом», один – «на стогу», ещё один – подкапнивает. Итого – 5 человек, не считая копновоза.

Мужички подбираются крепкие и умелые: не в первый раз на покосе, своего рода элита. Во время покоса они как бы обособляются от других. Они завершают работу остальных, как они сработают, так сработает и вся сенокосная компания. Если плохо – то вся бригада, значит, работала плохо.

Был как-то такой случай. Стояли мы на Усть-Митькино, на Кети, в устье речки Куржино. А ниже, километрах в 4-х, располагалась такая же бригада из соседнего посёлка Борки. Рядом. Под одним небом травку косим, копны возим на виду друг у друга.

Только вот вышло так, что над ними постоянно моросил дождь, и они не могли работать, как следует, а так, копошились потихоньку. А над нами, берёзовцами, хоть и тоже погода такая же, но дождь не проливался и, если косить нельзя (что бы не делать не нужный запас кошенины), то стоговать было можно.

Мы поставили уже стогов под 20, а они сумели поставить только один.

Ну, кто в их родных Борках, после этого, узнав наш результат, поверит, что они не пьют, не гуляют, а погода мол, у них такая.

Тучи над нами тоже ходили, но над ними они ещё и постоянно моросило и кошенина гнила. Хоть убейся, нельзя было ставить сено, косить – нельзя, копнить – тем более, настроения никакого. Судьба-а-а-а...

Из-за моей массы (я был не из «худых») определили меня на стог, исходя из того, что я смогу, если понадобится, придавить стог своей массой как следует.

На стог залез первый раз. Стоять на стогу интересно: вокруг, сколько хватает глаз, всё видно: видны люди, весь сенокос, речка и озёра, утки пролетают, молодые учатся летать, орлан и тех, и других, караулит. Видны уже поставленные стога свежего сена, копёшки рассыпались между ними по всему покосу... Хорошо.

Вот только смотреть наверх, на небо, где постоянно пролетают самолёты и притягивают твой взгляд, нельзя (трасса самолётная, прямо над головой). Мигом кувырнёшься вниз.

Я один раз попробовал (надоумили «добрые люди») и не заметил, как вниз потянуло.

На стогу можно было и покурить. Папиросу снизу подавали на вилах, спички – в карманах. Ты садился поудобнее, зажигал спичку и курил в своё удовольствие. Пепел стряхивал в подставленную ладонь, окурочок после заплёвывал и забрасывал подальше от стога.

Благодарь, да и только.

Правда, до тех пор, как начнут снизу подавать сено. Тут успевай только крутиться, колючее сено подтаскивай под себя, мни, мни, сильнее ногами, топчи, чтоб ни один дождь стог не пролил, не бойся, что упадёшь, и не забывай, выводить его потихоньку в верх, красивым и ровным. Какой стог получился, зависит только от тебя, ну и спрос только с тебя одного.

Когда со стога по верёвке спустишься, отряхнёшься и оправишь одежду, посматриваешь, этак, незаметно – что же получилось? Как поставил? Не заваливается ли на бок? А как макушка?

И вечером, вновь идя мимо его, посмотришь, и на завтра, и весь покос смотреть будешь, “косяка давить” на свои стога. Слава Богу, стояли все стога как надо.

Ужин и Финал.

Ужин начинался, когда как, от погоды во многом зависело. Если погода хорошая и благоприятствует работе, то работали допоздна. Если дождливая или пасмурная, старались всё закончить пораньше, и скорее вернуться на кульстан.

Умывшись и приведя себя в порядок, начинали ужинать. Опять же многое от настроения зависело. Если настроение было хорошее, игривое такое и денежки имелись кое-какие, то дело происходило немного не традиционным способом. А так...

Чуть-чуть перекусив, те, что помоложе, посылались в “экспедицию” в деревню Караси. Прекрасное место. Между Обью Кетью. На возвышенности, озеро, тишина, людей на улице не встретишь, на околице банька, перед банькой уютный ложок, сухой и гостеприимный. Постараюсь описать одну такую экспедицию, ничего не меняя и не прибавляя. Значит, дело было так. Да, дело было так...

Скоренько определялась группа “охотников”, человек пять, например. Заводилась моторная лодка, и «смельчаки» пересекали реку Кеть, текущую аж из самого Красноярского края. Река широкая, полноводная, в сорока километрах от своего впадения в Обь. Нужно было перевалить реку не перпендикулярно течению, а взять немного вверх, километра 2-3.

Взгляд у всех «добровольцев» чистый, не затуманенный, спокойный и уверенный – великолепная пятёрка! Будто и не было сегодня трудового дня, будто и не устали, и вечер мил для выполнения товарищеского задания, в выполнении которого никаких сомнений нет.

Форсирование Кети произведено. Мотолодка возвращалась на стан.

Группа уверенно и торопко поднималась по яру наверх, на берег, пробиралась сквозь прибрежные заросли, и, построившись гуськом, брала курс на Караси. Диверсанты, этакые, или просто «Зори, здесь тихие?».

Дорога “охотников” шла по некошеной и скошенной траве, виляла по каким-то кустам, среди чужих стогов и высокого осинника. Листья на берёзах и осинах ещё не облетели, но уже несколько пожухли.

Попалась старая поскотина, загородка для коров или коней. Раньше вот, когда ходили этим путём, никогда не попадалась на пути, а тут наткнулись, значит, где-то пошли немного не так. Поэтому была она осмотрена и обследована. Пустовала она, по крайней мере, год. Ничего интересного, если бы чей-то взгляд не упал на валявшиеся в траве камни соли-лизунца.

Вещь обыденная и прозаичная, сероватый солёный плоский камень. Солёный и, поэтому, вещь на покосе совершенно необходимая для коней, а у нас как раз лизунца не было. Нашли с десятков камней, положили около паскотины и решили на обратном пути постараться вновь выйти на эту поскотину и взять соли, кто сколько сможет.

Задержавшись чуть-чуть, отвлѣкшись не надолго, нужно было идти к месту встречи с Карасями.

* * *

Путь продолжался, до Карасей оставалось всё меньше и меньше. Примерно через час мы были на месте. Поднялись в горку. Знакомые места, знакомая обстановка.

Улица широкая и совершенно безлюдная. Тихо здесь и умиротворѣнно, как всегда. Только несколько больших и толстых свиней молча лежат посреди улицы в грязи и около грязно-серых луж и даже не хрюкают.

В Карасях всегда почему-то было тихо, спокойно, и сонно. Так на памяти она и осталась – тихая и безлюдно-сонная.

Уверенно, со знанием дела и осознанием доверенного коллективного поручения, на которое другие в настоящий момент были не подготовлены, группа пошла в клуб.

Старенькое, одноэтажное здание, где на узкой плѣнке демонстрировали какой-то фильм. Какой? Да на экран никто и не смотрел. Шли мы, конечно, не кино смотреть. Дело не в нём.

Немногочисленные деревенские зрители практически не обращали на нас внимания, кроме одного человека, продавщицы местного сельмага.

У неё, бедненькой, всегда, особенно в покосные времена, были большие проблемы с выполнением плана, так как местные товарищи-земляки покупали в магазине чрезвычайно мало. Спиртное умели и в достаточном количестве, производили сами, хлеба в магазине никогда не было (его выпекали хозяйки тоже сами), и покупать, в общем-то, больше и нечего. Так, ещё чего ни будь, пряников, может быть. Платежеспособность земляков была низкая постоянно, да и не только у них. Денег у народа было мало всегда.

Поэтому всегда приходу нашей группы продавщица или заменяющая её взрослая дочь были всегда рады искренне.

У нас денег было, по деревенским, Карасѣвским меркам, конечно, достаточно много, люди мы были хорошие и трезвые и никаких шалостей или ещё каких безобразий, себе не позволяли.

Продавщица быстро, не суетясь, собиралась и мы, вместе с ней шли в недалѣкий магазин. Не включая света, которого всё равно не было, доставали деньги и развязывали рюкзачки.

В магазине споро покупали вино, водку и ещё 2-3 бутылки вина «Бисер» или «Тамианка», по настроению, брали на вечернюю дорогу. Захватывали с собой из деревенского магазинчика, несколько пачек какого-либо печенья. Ну, вот и всё. Даже при желании, брать больше было нечего.

Прощались с доброй продавщицей и, уже известной дорогой, шли домой, мимо тех же флегматичных хрюшек и не любопытных карасѣвских тѣмных окон.

Обратный путь начинался у вышеназванной баньки. Присаживались, доставали из рюкзаков «Тамианку» или «Бисер», кружки, печенье и... на посошок, чтоб веселее идти было. Не пьяно, но веселее.

Небесная синева делалась фиолетово-чёрной и вечерняя темнота всё быстрее и быстрее вступала в свои права. Но весело и быстро шли мы в сторону берега Кети. Скоро, где-то поблизости должна быть поскотина с солью-лизунцом, не промахнуться бы.

А темнота уже вступила в свои права. Черное небо окружало нас полностью. Ничего не было видно. Сплошная темень. Начали искать. Не сразу, но каким-то чудом вышли на неё. Среди прошлогодних, как бы это помягче сказать, “блинов” от коров и “кучек” от коней, наткнулись, наконец, на несколько кусков искомого лизунца.

Дальше шли в полной темноте на голос впереди идущего человека. Если бы можно было рассмотреть в окуляры инфракрасного бинокля, то увидели бы следующее: впереди движется сгорбленная фигура человека, отягощённая тяжёлым рюкзаком на спине, у него, вытянутые руки с камнем, килограммов, этак, в 5-8. За ней ещё несколько похожих фигур, как на той средневековой картине, где слепцы, положа друг другу руки на плечи, идут, не ведая куда. Судьба-а-а-а...

Конечно, никто этого не видел, но зато, услышал бы не передаваемый, нечеловеческий, звук. У дядюшки Альфреда Брэма не все дикие животные умеют так страшно орать.

“Охотник”, идущий впереди с камнем-лизунцом на вытянутых руках, не мог увидеть и смог почувствовать, края берега реки, который неожиданно оказался у него под ногами, и он, как шёл, так и ушёл под яр, с неласковыми, не нормативными словами на устах.

Второй «путешественник», тоже не среагировал на звук и не устоял. С такими же, примерно, словами, оказался у тёмного обреза воды, лёжа на боку.

Остальные всё-таки, среагировали и растерянно замерли, но как раз, не было инфракрасного прибора всё это видеть.

Представьте себе, как можно спуститься с обрыва с тяжёлым рюкзаком за спиной в темноте и тяжёлым, неудобным грузом лизунца в руках? Выбросить его в темноту нельзя – нужно нести дальше.

Представили? То-то же.

Надъ Кетью и выше было черным-черно. Звёзд не видно, но где-то вдалеке несмело мерцал одинокий огонёк костра. Это товарищи-мужички подавали нам сигнал, мол, всё в порядке, камараден, вы вышли, куда надо и они ждут нас.

Криком, долгим и по возможности мощным и зазывным, мы сообщили о своём благополучном прибытии.

На стане завели лодку, и рокот работающего лодочного мотора становился всё ближе и ближе. «Карасинная» эпопея заканчивалась.

На уже родном берегу у камелька и горячей ещё печки, ужин, под перевернутыми тарелками, ждал не только нас. Все добропорядочные мужики тоже ждали начала вечернего застолья.

Огоньки от костра и печки, скупо освещали их такие знакомые и понятные лица, на которых всё прочитывалось наперёд, что возникает законный вопрос, а нужно ли описывать, с какой гордостью поднимались мы на берег, садились за стол и доставали, помимо прочего, неожиданные камнелизунцы.

Не нужно? И так хорошо понятно? Ну и хорошо. На том, и поставим точку в рассказе о сенокосении на заливных просторах, прямо за деревней Алатаево.

Метаморфозы.

Девчонка Катька из далёкой, умирающей чалдонской деревни Сенькино, в свои 15 лет, изредка встречая сверстников из районного центра Парабель, страшно завидовала им: «Счастливые: у них там и дискотеки, и асфальт на улицах почти везде. Автобусы по улицам ходят. А тут одна тайга и мы – посередине».

* * *

Катя, старшеклассница из Парабельской гимназии, наслушавшись рассказов знакомых девчонок, сидя перед телевизором, рассуждала о серости доставшейся ей жизни, говорила: «Да, живут же люди: тут тебе и театры, и студии, и студенты, и танцплощадки с дискотеками... А здесь – одна «тарелка», на всю оставшуюся жизнь. То ли дело – Томск. Одно слово: Сибирские Афины...».

* * *

Екатерина, выпускница Томского гуманитарного лицея, давно уже не мечтала ни об одном Томском университете. Всё она уже знала и всё видела. «Дыра она и есть дыра, аппендикс несчастный, смотреть не хочу. Хочу в Москву... Вот это город, вот это жизнь. Не то, что в этом провинциальном захолустье».

* * *

Катюша, жительница огромного мегаполиса, оканчивающая курсы английского языка, москвичка в третьем поколении, знала о столице всё: «Пузырь, пузырь раздувшийся! Хоть ты бы лопнул. Господи... как ты мне надоел. Столица! Столица чего? Столица одна – Париж. Там все, там всё, здесь – ничего».

* * *

«Париж, Мирей Матье, Патрисия Каас, турки с албанцами на улицах, башня Эйфелева, спица несчастная. Воткнули в небо и радуются. Старуха она и есть старуха. Европа она и есть Европа. Старый свет он и есть старый, как ни крути», – так рассуждала Кэтти, прошедшая все Монматры, видевшая все Лувры и все Поля.

«Да, надо перебираться в Штаты, а то засохнешь тут на корню».

* * *

«И это столица мира, это Нью-Йорк, Крещатик истоптанный. Кого только нет, и всё сюда лезут, лезут и лезут. Помешались что ли, обкуренные. Мало им своих прелестей, чужих испытать захотели, разноцветные», – сидя на травке Центрального парка, размышляла Кэт.

«Не-е-т и нет, в джунгли, в девственную природу, подальше от этой чумы».

* * *

Ксюша, милое создание, из Перуанской общины эмигрировавших сюда более ста лет назад из России староверов-раскольников, устала от приставаний опившегося браги, недавно обретшего православную веру, приткнувшего к ним индейца Хулио.

«Какая тоска, прости, Господи, какая тоска. Есть же где-то счастливые люди, родная земля, русский язык и берёзы, родные берёзы, которые ни разу в жизни так и не видела. Хочу на родину предков, хочу в Сенькино».

Переселение.

На Троицу 1931 года это и случилось. Людям присвоили новое имя – «раскулаченные» и в соответствии с этим антисоветским прозвищем начали действовать.

Надо сказать, что сибирские деревни в то время были богатые, и люди в них бедно не жили. В Сибири, как вы знаете, вообще не было помещичьего землевладения, земли было в достатке, мужики были работающие и самостоятельные. Ещё в середине XIX века приняли они для себя нешуточное решение – идти в Сибирь.

Это только подумать надо, как, износив на телеге по три деревянные оси, затратив на дорогу не один месяц, пришли их деды и родители из неласковой Рассеи, из худосочных и малоземельных губерний и волостей, за Каменный Пояс, за лучшей долей крестьянской, за волей.

«Лучшую долю», вроде бы нашли, но сейчас на дворе уже 31-ый год, и план есть план. Разнарядка тоже нешуточное дело. Раз надо кулаков, стало быть, будут – сомневаться уже не приходится.

А если дома свои, и скотину, и какие-то вещи оставят, это хорошо: другие смиреннее впредь будут, да и умнее.

Нет, не зря сибирский народ не любил Рассею, и старался и одеваться по-другому, и думать, и работать...

Везли вначале вниз по Иртышу, потом в верх по Оби, до далёкого и неизвестного Каргаска, на больших морских баржах, вмещающих сотни людей, со своим немудрящим скарбом.

Не кормили, пайку не давали. Велено провиант было дома брать. Дорога заняла до будущего васюганского спецпоселения, 13-ого участка, полтора месяца, и только там получили первый паёк – 16 кг муки на месяц на человека.

Дорога была трудной. После Каргаска пересадили на другую баржу, и другой пароходик под названием «Дедушка» потащил её вверх по извилистому Васюгану.

На берегах уже жили сюда ранее привезённые спецпоселенцы в новый край.

С баржи им кричали: «Вы чьи?».

С берега отвечали: муромские или сидельниковские, кого, откуда привезли, из какого района Омской области.

Многие, особенно дети, тихо умирали. Хоронить на берегу не разрешали. Сопровождавший охранник садился в лодочку и отвозил трупик на берег, и незнакомые люди хоронили ребёнка.

Мать на барже рёвом ревела, заходила от горя. Более старшие, успокаивали, как могли и ... молчали.

Голодали. Поповых, мамину семью, ссылали уже в третий раз. Ссылали, потом возвращали с дороги. Потом опять... вот и сейчас, они думали, может быть, обойдётся, отвезут, до Новоникалаевска, подержат, как прошлые раза, да вернут.

Не обошлось, не вернули...

А собрались в этот раз, скудно. Добирались голодно. Наконец, высадили на берегу Всюгана. На пустом месте. Будущий 13-ый участок.

Люди по-прежнему умирали.

Вначале дети и старики, затем умирали те, кто послабее, потом начали умирать недавно самые крепкие, сильные мужчины.

Почему? Может быть, их организм привык к хорошей, калорийной пищи, может быть, ещё из-за чего, кто его знает.

Организовали бригады, начали строить жилища. Брат мамин, дядя Афоня, попал в такую бригаду, это и выручило её потом.

Первая зимовка прошла очень трудно. Те, кто работал на строительстве жилья, как дядя Афоня, получали паёк побольше. Но было всё одно – очень мало.

В эту зиму мама переболела тифом раз, потом ещё раз – возвратным. Себя в эту зиму не «помнила», но рассказывала, что брат выходил её. Хлебный кусок разжёвывал до кашицы и кормил. Выходил и её и, как оказалось, нам с братьями жизнь дал, а потом детям нашим и внукам...

Пролежала мама всю эту зиму, но выдержала как-то. Многие умерли, говорили, 60% тех, кого высадили летом на пустынном таёжном берегу, схоронили. Так и было, по могилкам видно было.

Так начиналась новая жизнь на новом месте. Впереди была ещё война, постоянное переселение, с места на место, зачем-то. И трое ребят мал-мала меньше: старший, с 38 года рождения, затем с 40-го и 42. Родились они все на «новой» Родине.

Меня тогда ещё не было, я родился после войны, в 48-ом.

Была тяжёлая работа, не было бабушки с дедушкой доглядывать за ребятнёй, им было назначено другое место для житься-бытья, ну а с комендатурой, ясно дело, не поспоришь. Не было тогда «детских» или ещё каких пособий, как сейчас. И от работы, конечно, ни кто не освобождал.

Дядя Афанасий с начала войны, как все васюганцы, пошёл на фронт и уже не вернулся. Осталась память простая, как у тысяч таких же, как и он:

*«Попов Афанасий Семёнович, рядовой. Каргасокский РВК.
Погиб в бою 14. 12. 43, Сталинская обл.».*

(Книга Памяти. Томская область. т. 3, стр. 312).

На «Тринадцатом».

13 января 1934 года умер у него отец – Лукьян Иванович. Было это, как и вся тогдашняя жизнь, на берегу Васюгана, который и неласковой дорогой сюда был, и пропитание кое-какое добавлял.

С питанием было трудно. Было оно скудное: 16 кг муки на месяц да масла растительного сколь-то давали, что необходимо для приготовления пищи, своим хозяйством, как положено в деревне, ещё не обзавелись, не успели. Поэтому, конечно, выручал Васюган рыбой, да и тайга помогала ягодой да грибами. Шёл третий год новой жизни на новом месте.

* * *

Место называлось под стать всему бытию – «Тринадцатое».

Так обозначался 13-ый производственный участок. Жило здесь народу много. Только бригад было 18 по пятьдесят человек в каждой. На берегах реки таёжной было чем заняться: работа была очень «интересная и увлекательная».

Летом, в любой гнус и комар, в ясно солнышко и в проливной дождичек требовалось выполнить немудрёную норму – 240 метров квадратных приходилось корчевания на взрослого человека. Рассказывать об этом деле не хочу. Сам не корчевал – от людей слышал. Пересказывать об этом каторжном труде, живописать, как тужились и ломали спины, не хочется.

Можно своих стариков спросить – расскажут, если захотят.

Понятно, откуда в тайге и среди болот заколосилась рожь и весёлый ветер заиграл тугими колосьями на колхозной ниве?

Ну, если честно об этом говорить, то не было на самом деле этих гектаров ежедневно, потому как норму указанную не все могли сделать и не всегда, да и работа такая продолжалась месяца два в году.

Зимой в тайге корчёвкой, конечно, никто не занимался. Готовили мужички клёпку да дранку. Естественно, опять же по норме. Готовили немудрящее крестьянско-колхозное хозяйство, зима во все времена человеку труд такой выдумывает, вроде как, для роздыху. Делай потихоньку, всё в хозяйстве сгодится и потребуется.

Посмотрите на стариков своих – вечно какую-то работу находят: что-то строгают, пилят, заколачивают, пристраивают, на худой конец, деревянной лопатой снег от калитки откидывают или метлой метут.

Вот и в ту зиму потихоньку зимовали, не злобились на новые места. Судьба такая.

* * *

Тут и случилось это дело. Было на «Тринадцатом» небольшое овощехранилище в склоне высокой горы вырыто, что недалеко от посёлка, а в нём нехитрый провиант: морковь да картошка, других то овощей про запас просто не было – не обжились ещё. И продукта этого было не очень уж много, ну тонны 3-4, не больше, и проблем с хранением никогда не было. И повадился же некий несознательный элемент похищать колхозное добро, и, несмотря на строгую охрану, поймать его не могли.

Что делать? Сей риторический вопрос, местные начальники решили в практической плоскости быстро, оригинально и беспроблемно. Комендант, что проживал в соседней деревне Айповолово, дал указание местному уполномоченному – внедрить свою охрану в само овощехранилище, чтобы наш Анискин изнутри объекта изловчился и произвёл задержание, вывел лихоимца на чистую воду. Задумано – сделано.

Никто, кроме коменданта, приехавшего на «Тринадцатый» из Айповолово, местного уполномоченного, и артельного завхоза о предстоящей операции не знал и не догадывался.

Как говорит один мой знакомец: «Всё было сделано строго инкогнито» (ударение на последней «и»).

Никто – значит никто. Конспирация покруче, чем в американских боевиках. Даже сторож овощехранилища не знал, что внутри охраняемого им объекта ещё и человек запрятан с секретной миссией – поймать и обезвредить!

Да что сторож! Матери родной не велено было ни словечка молвить. Послали, якобы, в соседний посёлок Кательгу, за 27 километров, по каким-то делам. Так объявлено было населению. Лихоимец, само собой, не мог такую информацию мимо своих ушей пропустить.

Итак, засекретили полностью. Победа должна быть обеспечена!

* * *

Рано утром, как только ночной сторож покинул свой пост и пошёл в дом, товарищи командиры славного посёлка «Тринадцатое» открыли замок овощехранилища и впустили нашего бойца внутрь. Добро охранять, вора ловить.

Экипировка и припас были подходящие. Перечислю: тулупчик старенький для тепла и укрыться, чтоб можно было, если придётся заночевать, два пирога с чебачишками, что мать испекла, как мы уже говорили, якобы для поездки в Кательгу, краюха хлеба ещё и большой ком смёрзшегося снега, если понадобится жажду утолять.

Оружия было не положено ни холодного, никакого другого. Пройдя метров пятнадцать по линии обороны, произведя рекогносцировку и определив, с какого угла лучше атаковать супостата, наш дружинник расположился среди картошки и начал рисовать в воображении будущую героическую борьбу с расхитителем колхозной собственности.

Пошёл первый день.

* * *

Неуютности, в общем-то, не было. Температура градусов пять – не замёрзнешь; пироги рыбные ещё не съедены; снег, обещающий напоить героя, ещё цел. Жить можно. Не лесоповал и не корчёвка. Опять же морковь рядом присутствует, а она всегда сладкой бывает, даже в темноте.

Внутренние часы отстукивали «своё» время, и прошли уже, вроде бы, вторые сутки. Ничего, справимся!

Через два дня, это по внутреннему календарю, положение изменилось. Появились законные обитатели всех подземелья и вообще разных хранилищ, складов и корабельных трюмов – серохвостые красавицы-крысы. Соседство

не очень, но выдюжить и исполнить задание можно и даже нужно. Было, правда, их достаточно много, и вели они себя, по-хозяйски.

Хуже, что материны пироги от такой гиподинамии исчезают очень скоро, да и «питьевой» снег уже подходит к концу. Скорее уж бы тать появился, встал чёрным демоном в ярком проёме входа в подземелье. Уж мы бы, тогда уж...

* * *

Дни шли. Врог не появлялся. Время от времени, наверное, в ночные часы, слышны были на смёрзшимся снегу, шаги профессионального стража, не догадывающегося, какие яркие образы вспыхивали в голове его молодого коллеги за тяжёлыми воротами хранилища продуктов с грядок и огородов. Не было рядом Сальвадора Дали. Уж он бы отобразил симфонию чувств и страдания юного охотника за прозаическим картофельным воришкой.

И то. Припас закончился. Снег съеден. Ноги стали опухать. Крысы потеряли всякую совесть и объявили свои полные права на вверенную ему территорию. «Экстерриториалы» – противные.

Внутренние часы отстукивают девятый день. Вот так, тов. Короленко, сочиняются бессмертные «Дети подземелья». Это вам не абы как. Это роман с продолжением, но без Вероники Кастро.

Смех смехом, а ходить – по узкому подземному коридору стало трудно. В прямом смысле пришлось переходить на подножный корм – морковку и картошку.

Сторож по ночам продолжает будоражить невесёлые мысли – сколько ещё ждать, когда заключение закончиться? Да, в конце-концов, смогу ли обеспечить сохранность имущества, когда настанет решающий миг?

* * *

Миг наступил на одиннадцатый день по биологическим часам. Или на восьмой день, как оказалось, по астрономическим.

Приехал вновь на «Тринадцатый» участок комендант.

«Так, товарищи, как дела? Кого поймали и когда? Как выполнили данное вам поручение? Докладывайте!».

И только тут и вспомнили начальники поселковские, что герой наш в земляной крепости закрыт и цитадель эту за прошедшие дни, никто не открывал.

Забыли о нём в январские дни 34-ого! Дел-то много! Одних бригад на участке 18 штук!

Накинули товарищи-начальники на себя полушубки и заспешили к объекту № 1 – спасти-выручать «рыцаря печального образа». Да жив ли он? Что с ним?

* * *

А наш герой наконец-то услышал звук открывающихся ворот хранилища: «Скрип-п-п-п...». Из последних сил ринулся к входу, встал, как в кино показывают, спиной к стене, с решимостью и неустрашимостью во взоре.

Стоит, а ворота открываются, открываются потихоньку, и появляются, не один, а сразу три человека, а за их спиной свет белый-белый, яркий-яркий.

Сторож, что на морозе охрану нёс, покинул пост на день, а они тут как тут. С мешками, хозяйева, понимаешь...

Прошли уверенно в дальний конец хранилища. Видать, не впервой. Начали в мешки колхозное добро насыпать.

Ну, а что мы? Да всё просто и без фокусов.

Из последних сил рванул, как мог, за порог, из последних сил с трудом закрывает тяжёлые ворота, слышит вражий голос: «Открой, хуже будет!».

Ага. Сейчас. Захотел, ё-пэ-рэ-сэ-тэ...

* * *

Смотрели кинокартину Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих»? Помните?

Там в последних кадрах главные герои, радостные, смеющиеся, бегут навстречу друг другу, раскрыв объятия, и не знают, куда себя деть от счастья.

Вот и наши так. Повстречались наконец-то. Я, конечно, при том январском событии не присутствовал, но картина мне видится именно такой. Жизнеутверждающей.

Что дальше? Выдали нашему подпольщику мешок муки за проявленный героизм и самообладание, а также котелок растительного масла.

Супостаты, естественно, оказались своими – один взрослый и двое пареньков. Их не судили и даже в комендатуру не сопроводили. Отпустили домой. А что делать? Из тех краёв дальше уже и отправлять некуда.

Девять дней отцу Лукьяну Ивановичу справили без нашего сторожа.

Мать поплакала, сестра пошмыгала, брат поревел. Сделали всё, что полагается, помянули, только сына старшего не было. Был он, как мы знаем, в секретной командировке. Под боком у деревни. В крутом яру. Там, где овощехранилище. Судьба...

Робинзоны.

Дед сделал все свои утренние дела – очистил лопатой все тропинки вокруг дома: и к стайке, и к улице, убрал снег с крыльца, подмёл. Сходил три раза за дровами, поленица с берёзовыми дровами была рядом.

В небе прозвучал рокот самолёта, самого видно не было. Взвыл и заглох – остановился, привезли газеты и посылки. Наверное, ещё кто-то ещё прилетел.

А снег не переставал, и не переставал, потихоньку всё подал и падал. Семён Васильевич поставил в сарай лопаты: железную и деревянную, а метлу взял с собой, в дом, надо починить – маленько пообтрепалась.

Он поднялся на невысокое крыльцо, голиком долго обивал валенки и зашёл в сенки. С гвоздика снял коромысло и со старого, покрытого такой же старой клеёнкой стола, ведра для носки воды, взял их, и пошёл в колодец. Колодец был не близко, народа не было.

Наносив воду в стайку и домой, постоял возле калитки и пошёл в дом.

Панфиловна уже ждала его, на столе стоял самовар. Семён Васильевич разделся, серый в полосочку пиджак повесил на гвоздь.

– Как погода? Идёт?

– А куда денется, не переставая, идёт.

– Отмёл?

– Ищё пойду. Вот метлу принёс, поремонтировать надо.

– Мойся, я самовар поставлю.

Баба Женя уже заварилла свежий чай в заварнике, закрыла его полотенцем. Она захлопотала у стола и печи, достала шаньги под чистым полотенцем, положила в вазочку смородинового варенья, достала не колотый сахар в сахарнице и сливочник с молоком. Семён Васильевич взял вилку, прицелился и черенком разбил пару кусков крупного комкового сахара, мелкие сахаринки отправил себе в рот. Сели чаёвничать, разговаривали мало.

Не торопясь, потихоньку-помаленьку, выпили стакана по четыре.

Дед остановился, перевернул стакан на блюде и положил на него остатки пористого, желтоватого сахара. Он сильно вспотел. Бисер пота окатил всё его лицо.

Однако, всё! Он достал крупный, в клеточку носовой платок и вытер с лица пот.

Бабушка прибрала всё со стола, начисто вытерла его и поглядела в окно, на падавший на дорогу снег. Он шёл и шёл.

– Ну, что, доставать?

– Сам достану. Принеси очки.

С небольшой полки с десятком книг, он взял одну, уже много раз до них читанную и немного оттого потрёпанную. Протёр принесённые Панфиловной очки, аккуратно водрузил на нос и открыл книгу на нужной странице. Старая, библиотечная книга издательства «Детгиз» называлась «Робинзон Крузо».

Дома было тихо, и даже берёзовые дрова в печке не потрескивала. Семён Васильевич глухим голосом начал читать, баба Женя, положив на длинный передник руки, молчаливо слушала. Её внимательное лицо выражало очень мало чувств – она была среди океана и скалистых гор необитаемого острова. Книжные события 300-летней давности плохо перемежались с тем, что произошло 30 лет тому назад. Но всё-таки, хорошо было понятны, и навевали воспоминания.

Она в жизни не видела моря, океана, и, кажется, только Иртыш, да широкая Обь могли быть сейчас перед её глазами. Но это было не так. Не только она, но и Семён Васильевич испытывали все перипетии умного английского моряка. Пятницы с ним ещё не было.

Около часа, а может быть и больше, дед читал Даниэля Дефо. Потом он посмотрел на Панфиловну – она прикрыла глаза. Дед кряхтя встал и положил книжку на старое место на полке, пошёл к печке и с приступки достал пачку «Севера», чиркнул спичкой и сделал первый глубокий затяг.

– Однако-о-о..., ишь, до чего додумал.

Пересев немного в сторону от печки, баба Женя тоже вступила в начавшееся обсуждение. Оно прошло, может быть, чуть быстрее, чем сама читка.

А за окном уже стемнело, загорелась где-то несмелая лампочка. Семён Васильевич устроился на табуретке с метлой, развязал на черенке крепкую бечёвку и начал перебирать прутья. Добавив ещё несколько свежих, он подровнял их и связал вновь вместе. Затем одел старенькую, когда-то синюю телогрейку, и понёс метлу на своё место в стайке. За одно проверил её рабочее состояние на крыльце, сметая с него уже нападавший снег.

Пока он обихаживался во дворе, дома баба Женя достала большой тазик, с уже готовым мясным фаршем – надо было делать пельмени. Вернулся дед, посмотрел на стол и тоже присоседился рядом.

Баба достала старую, с немного отбитым краем небольшую железную тарелку, вилкой отделила в неё из тазика мясо и промяла всё руками.

Обсуждение вновь продолжилось за пельменями.

Старенький, серебристый динамик «Север» на стене, рассказал последние известия в стране и за рубежом. Не торопясь, они сделали сотни две пельменей, выложив их на чистый фанерный лист, посыпанный мукой. Дед пересчитал их, оделся и вынес в кладовку. По радио начали передавать «Концерт по заявкам».

Послушав песни и ещё раз попив чаю, они начали готовиться ко сну.

За окном всё падал и падал снег.

Уроки немецкого.

Редко кому не довелось, живя в нашем таёжном краю и бывая в лесу, не встретиться с хозяином здешних мест – медведем. Живёшь и подспудно ждёшь этой встречи, готовишься к ней, а она, как обычно, нечаянно нагрянет. Так в этот раз и случилось.

Было это в 70-ых годах в заповедных Берёзовских далях. Меня когда туда посылали работать, так я даже не знал, в какой стороне от Парабели находится будущая моя любовь, в какую сторону самолёт полетит. Поехал, как сказали командиры-начальники, на один год, а прожил я там, как граф Монте-Кристо, ровно 17 годков.

Когда женился, естественно появилось и всё то, что обрамляет и наполняет не холостую жизнь молодого человека: мотор подвесной, ружьё-двухстволка, собака и много ещё что перечислять. А называется всё это скарбом.

Нельзя будет не сказать о коровах. Было их на Берёзовке всего 16 голов, не считая нетелей и бычков. Можно было и больше содержать, да уж очень накладно.

Дело в том, что в местах этих покосов нет. Совсем! Сено летом ездили косить за Алатаево, на Усть-Митькино или Хмельное. Тамошние покосные угодья – другое дело: раздолье, на весь район накосить можно, и пару соседних, в придачу.

Много про те сенокосения историй можно рассказать интересных. Но не сейчас. Сейчас другая история. Про берёзовские покосы.

«Покосами» их, вообще то, и назвать нельзя. Парабельский мужик пройдёт мимо и не запомнит этого места – смотреть то не на что. Осока, кочка да вода. Нет хорошей травы, нет того разнотравья, которое и даёт особую питательность этому корму.

Это в парабельских краях на такое раздольное разнотравье попадёшь, что от запаха голова кругом, но не в Берёзовке. Там, среди кондовой тайги, каждый зелёный уголок на примете, и обихаживают его не один год. Смотришь, лет через пять, эдак, здесь и копёшку сложить можно. Смотришь, ещё где-нибудь среди болотин на редких полянках наберёшь возовичок.

Возовичок – это для красного слова, никаких телег, бричек и в помине не было. Наберёшь навильник покрупнее, закроет он тебе голову так, что видна только под ногами дорожка. Возьмёшь курс на берег, где лодка причалена, и...марш. По кочкам, по кочкам, по ровненькой дорожке... Идёшь, идёшь, а сметана с вил так и капает, так и капает. Хорошо-о-о-о...

Пришёл, сбросил с них травку-муравку и обратно потопал, за новой порцией. Это в одном месте. Были и другие заповедные места, и третьи...

Одним словом, хочешь, не хочешь, а коровку свою ненаглядную, обеспечить на осень необходимо, а лучше всего – до нового года.

Другой раз приходилось и косой звенеть, по льду литовкой вжикать, скашивая хрустящую, замёрзшую травку.

А бывало, и самолётом из Нарыма в Берёзовку тюки сена возили – борт за бортом приземлялись в аэропорту самолёты и выгружали из себя длинные, промёрзшие, двадцатипятикилограммовые тюки сена.

Если хотите знать, залетела в наши таёжные края как-то бригада наипервейшей и наимоднейшей в то время радиостанции «Юность» из Москвы с поэтами и композиторами под эгидой ЦК ВЛКСМ.

Посмотрели они на здешние места, обозрели из самолёта, как и что, и сочинили разные стихи и песни, тогда и появилась задорная комсомольская песня со словами: «Только самолётом можно долететь». Это так, к слову.

Когда зимники не промерзали, всё необходимое для жизнедеятельности берёзовцев самолётами завозили. Позже, когда появилась дорога, на тракторах сани тащили или на машинах везли. Обеспечение посёлка – всегда было трудным делом.

Было и у нас заповедное местечко. В 18 км вверх, за Берёзовой речкой. По местным меркам – недалеко. Река, по которой ехать на покос, Пайдугиной называется. Правда, так её никто и никогда не называл. Звали её Пайдугой. Вот и в тот раз собрались на покос, как всегда. Лодка с мотором, бензина два бака (закон: поехал на день – бери на два), палатка, провизии опять же на 2 дня, ну и литовки, естественно, и ещё кой-чего, о чём, особо, не говорят.

Одним словом, приехали рано утром, выгрузились, палатку армейскую поставили, всё туда и сложили. Было нас три человека.

Дело вот в чём. Надо видеть эти покосы. Это были бывшие озёра. Ширина от 20 до 50 метров, примерно. Начинаются они от берега реки и заканчиваются вновь у берега. Покосы или высыхающие озёра почти всегда подковообразные. С одной стороны покоса сухо, а с другой, – вода аж до колена. В тапочках не походишь, сапоги резиновые на ноги и вперёд...

Был я за «старшего» в той команде и поставил своих товарищей вдоль этой самой подковы вдалеке друг от друга с таким расчётом, чтоб не мешались друг у друга под ногами, а уверенно шли вперёд. Из расчёта: выкосим отведённый каждому участок – перекурим...

Сначала можно косить по «сухому», затем начинается сыро, а потом воды по колено.

Сделал прокос – травку сразу из воды вытащи на сухое место, да не кучкой, а равномерно, чтоб высохло и не сопрело.

Такие там покосы, не Кандин Бор, где «ручка» может быть и по полкилометра, пока не упрёшься в какое-нибудь озерцо.

Ну, как говорил покосных дел мастер Николай Дмитриевич, – «зачали».

На ногах сапоги резиновые, на голове косынка, как у нынешних воинов в горячих точках, дёгтем обрызганная, чтоб слепни не жалили, ветер меня обдувает под великолепной китайской рубашкой «Дружба» голубого цвета, в руках лёгкое и сухое косовище хорошо отбитой литовки.

Ну, сегодня мы дадим, сегодня мы покажем! Берегись, кто нас не боится! Настроение хорошее. Что ещё надо? Вперед!

Сделал первый прокос, подкосил. Заканчиваю второй и чувствую: кто-то на меня смотрит. Медленно так поворачиваюсь и вижу справа от прокоса, в траве, голову медведя! Вот это да! Если бы ещё пару-тройку шагов вперёд сделал, то, как раз, на Михаила Потапыча и наехал!

Что же делать? Так, перво-наперво, не суетится и, как говорил актёр Георгий Бурков, «не нервничать». Стой спокойно товарищ, и не дёргайся, всё равно отступить некуда.

Друзья-товарищи мои где-то косят там, за поворотом и мы друг друга не видим и не слышим.

Стою и так внимательно-внимательно смотрю на своего визави.

«Не суетится», значит, не суетится! У меня, как никак, оружие всё-таки есть – острая, как бритва, литовка. Косовище, правда, уж больно тонкое, не надёжное.

Не справлюсь, если что, факт не справлюсь.

Ладно, будем просто стоять и ждать, не взбредёт ли в башку нечаянного друга, какая ни будь, пакостная мысль и не будем, пугать друг-друга!

Дружок мой, Михаил Потапыч, сел поудобней в травке и так безразлично на меня глядит, без всякого выражения на лице морды. Затем медленно-медленно открывает не маленькую пасть и зеваает всей своей, цвета арбузной мякоти, сочной пастью.

Как стучит сердце – не слышу, но спринтерский забег, в котором готов поспорить с олимпийским чемпионом Валерием Борзовым, совершить готов. Но не пора.

Продолжение следует, и рядом с первой башкой появляется из травы вторая, правда, затылком ко мне, мордой, к своему первым проснувшемуся товарищу. И так внимательно смотрит на него, будто спросить того хочет: «Куда ж ты, братец-мишенька, глазоньки свои выпучил и кого же ты там, дорогой, увидеть смог?». Потом берёт и поворачивается ко мне мордой, чтобы удостовериться, что на самом ли деле есть на кого взглянуть.

Мыслей в голове пока никаких, кроме одной: «Стоять и не шевелиться! Стоять, как Брестская крепость, ни шагу назад!».

Но вот передо мной наконец-то ожила картинка.

Медведь номер два зашевелился, делает замысловатый кульбит и даёт дёру в лес. Медведь номер один таким же манером направляется вслед.

Я тоже делаю очень энергичный поворот налево и с литовкой на перевес набираю скорость в сторону временного культстана и людей.

Несусь по воде, несусь по траве, как лось. Грязь с каблуков срывается и летит прямо на спину, на мою красивую рубаху имени советско-китайской дружбы за 5 рублей.

А вот и люди! Простые наши человеки, милые и живые, которые и не догадываются, что там было впереди.

Остановились, повернулись в мою сторону, смотрят удивлённо, чего это я бегу, как угорелый, осы или шершни, что ли?

Как бы не напугать их? Как бы не напугать?! Что бы сделать?

Не знаю, как так получилось, но заговорил вдруг по-немецки, хотя в школе изучал английский язык.

Из какого такого подсознания взяли эти слова, не знаю, каких фильмов посмотрелся, тоже не скажу. Но заговорил так, что потом долго берёзовский люд, которому палец в рот не клади, травил на эту тему долго и с чувством.

Произнёс на чистом фатерляндском, с успокаивающими такими интонациями и, кажется, негромко произнёс: «Ахтунг, ахтунг». И ещё раз: «Ахтунг, ахтунг».

Подозреваю, что какой-то захватчик, увидев приближающиеся советские танки в кино, тоже очень похоже и запоминающе прокричал: “Achtung, panzer! Achtung, panzer!”. И запало. Запало надолго.

Сено в этот день так и не получилось, не косилось, потому что. Покурив и набравшись немного храбрости, как разведчики из кинофильма «Звезда», приставным шагом пошли мы вдоль леса и произвели осмотр того, чего косить надо.

Да! Всё было, как конями, поистоптано. По всему подковообразному покосу мишки потрудились на славу! И не один раз. Изваляли и истоптали всё, что можно, на славу, на 200% , ударники неокольцованные.

Ну а нам что?

Настроения – никакого. Поизображали мы из себя с полчаса ничего не боящихся косарей, помучились и, в конце концов, на радость друг другу, сказали: «Ну, всё, ребята, хватит!!!».

Так и закончился этот рабочий день. Было, наверное, часов 11 утра.

Палатку свернули быстро. Мотор завёлся с пол-оборота, и лодка, весело сверкая на поворотах брызгами, понесла нас домой готовиться к новому покосному дню: зарядить патроны, подготовить собаку, ну и самим, конечно, встряхнуться.

Сена возовичок мы там, естественно, поставили, потом и домой привезли, так как ничего другого не дано: корова должна быть накормлена, тёща успокоена.

Эпизоды.

Эпизод 1-ый.

Случилось так, что пришлось заняться Гошке сооружением нового дома у близкого ему деда Константина. Работа, в общем-то, нетрудная, но неотлагательная – решение было принято ещё в начале января. Требовалось примерить всё и посчитать, сколько чего потребуется для дедовой постройки, и заготовить материал. Он так и поступил – примерил и посчитал. После рекогносцировки на местности, стало лучше видно, что и как делать. Пора было приступить к делу.

Всё необходимое для работы было, и место для подготовки материала выбрано было удачно – левый берег реки, противоположное от места будущей постройки, далековато чуть, зато удобнее – рядом была лесопилка, с нужными досками и станками. Помощников, пока не надо, так что, вперёд!

Так всё и произошло. В одиночку, не торопясь, но и не перекуривая особо, Георгий за день-два всё приготовил, для удобства транспортировки, связал всё алюминиевой проволокой, и стал думать – а как дальше? Перед ним протекала речка, не очень широкая, но просто так, с бухты-баряхты, не преодолеешь.

Своего транспорта у него не было, ни лодки моторной, ни обласка, паром был, но расположен был далековато, хлопотно тащить на себе.

* * *

Эпизод 2-ый.

Стемнело. Отряд вербованных самостийцев совсем успокоился. Все спали. Спали кто где. И по своим закуткам, и просто на нечистом полу, где попадётся, уснули. И «валетом» и один таким кренделем изловчился отойти ко сну, что сразу и не разберёшь, как вообще можно ему потом распутаться.

Да, почти все успокоились.

Но, нет-нет, как кто-то испуганно всхрапывал, всхлипывал, и, казалось, сейчас возьмут родные, зашевелятся... и встанут – опухшие, чумные, ничего не соображающие. Глаза к этому времени приоткрыли двое – Витька и Виталий.

– Витька! У тебя есть ещё что-нибудь?

– Нека-а-а.

– По-моему, где-то было, не помню только. Раскинь-ка, мозгами.

– Какими, друг мой Гораций?

– Я тебе дам, Гораций. Ты под головами смотрел? А чемодан?

– Счас погляжу.

Ожившие друзья, в неясном свете окна, стали мутными, еле движущими тенями бродить по полупустому месту недавних возлияний и прочих сопутствующих упражнений. Чуть теплеющая в головах мысль, толкала их от одного места к другому. Толкать то толкала, да что толку?

Обшарили всё – и кровати, и чемоданы, висящую на стене одежду, свои и чужие, матрацы и сапоги. И...

Хорошо сказано. Кто ищет – тот всегда найдёт. Так и здесь.

Минут через десять-пятнадцать, трудных, утомительных поисков, нашли они, наконец, в разных местах комнаты, четыре ещё нераспечатанных огромных «огнетушителя» с Портфельным напитком, и три штуки, на донышке

которых тоже затаилась жизнь. Их друзья не медля и употребили по прямому назначению.

– Ох! И хорошо то как!

– Это точно... Что дальше? Куда это всё? Продолжим изничтожение?

– Можно и так. Но предлагаю вот что. Оглоеды наши скоро проснутся и сами dokonчат всё это, возможно без нас, скорее всего. Надо подумать, куда всё это мы с тобой сможем заныкать. Как ты думаешь, куда?

Думали не долго, долго обстановка не позволяла.

Решили так. Всё отыскавшееся богатство, как полагается, зарыть в землю, не далеко, в метрах 200-300 от задней двери общежития – опыт то уже был. Так и сделали. Закопали в песок «богатство» на приметном месте так, что бы завтра-послезавтра найти и доупотребить ейную жидкость.

Так и поступили, закопали, как им показалось и приметно, и незаметно, к тому же. Попробуй, найди, кому охота.

Охота была большая, но прошло много дней, но о спрятанном кладе, по каким то причинам, товарищи так и не вспомнили, а может, и не нашли, а может ещё, что ни будь. Кто теперь разберёт.

Проморосила осень, пришла затем зима, отзеленела весна, наступило лето.

* * *

Эпизод 3-ый.

Погрузка и форсирование водной преграды прошло успешно, тем более, что нашёл Георгий двух помощников, которые оказались на этот день свободными и в собственном домашнем хозяйстве незадействованные.

Пиломатериал был перевезён, распределён между товарищами, и перенесён к месту будущей работы. Всё, чин-чинарём, пока. Или почти всё. Георгий достал из тощего брезентового сидора хлеб и прочую нехитрую закуску, стаканы и бутылочку «Московской».

Дед Константин, понятно, молча, но явно с одобрением, взирал на трапезу, но его время, увы, прошло.

Погода была просто великолепна! Не пришло ещё время комаров и прочего гнуса, ветерок шевелил молодые ветки берёз, земля грела и не холодила. Как говорят – а хорошо-то как...!

Хорошо, но мало. А что делать, когда планида такая. Через часик, или около того, работники засобирались. В тот же сидор собрали остатки, покурили на дорожку, и пошли себе домой, не торопко, и рассуждая на ходу о бренности бытия. Шли себе, шли, как вдруг невысокий Николай тихо вскрикнул:

«Ложись! Батя едет!» Конечно, никто не лёг, но низко пригнулись все. Встреча с отцом Николая, не входила в его планы, и он полагал, что заметивший сейчас его в таком месте отец, мог, скорее всего, повернуть его на другие общественные работы. Но это в его планы не входило.

Дорога проходила недалеко от прошлогодней «закладки» клада, неизвестных им Витьки и Виталия. Теперешние сотрапезники сиганули с узкой песчаной дороги в сторону, и, прыгая с дороги, кто-то из них каблуками сапог сбил песок на краю кювета. Не кювета, конечно, но мало-мало, на него похожего длинного продолговатого углубления.

Мелькнуло что-то тёмное и не обращающее на себя особого внимания. Ладно, можно и после ради интереса посмотреть. Сейчас главное, что отец

Николая, по прозвищу Дед Камыш, не заметил-бы сына своего и не поломал его ещё не совсем оформившие планы.

Дед Камыш сидел на облучке единственной в деревне таратайки, взять которую на конюшне было не всегда просто. Значит, дело у деда Камыша какое-то было, всё-таки, серьёзное, если поехал он, в общем-то, ещё не в урочный час, куда то в лес за посёлок. Куда – Николай не знал. И знать, конечно, не хотел. Тут было намного интереснее и перспективнее.

Притаились и замерли они. Лошадь недалеко шла своей дорогой в метрах пятидесяти от затаившихся. Вот они все поравнялись, а затем лошадь, похрапывая, стала заходить не в густой подлесок и скрылась с глаз. Опасность быть обнаруженным, кажется, миновала. Можно было вставать.

Распрямились. Огляделись. Так... а что такое темновато-зеленоватое мелькнуло тогда перед глазами, прыгающих прочь с дороги, мужичков? Сейчас поглядим.

Ну и ну... Мокрый, слежавшийся песок облепил стенки большой полной и нераспечатанной бутылки с «красным» вином. Интересно-о-о-о... три пары быстрых, уверенных рук, продолжили поиски возникшего богатства. Копали и обкапывали ещё почти минуту и нашли ещё три бутылки «Огнетушителя».

Вот это прыжок в сторону! Всем прыжкам, прыжок! А какое приземление? Чудо! Взять и вот так, ни с того, ни с сего, найти то, о чём и мечтать никогда не могли. Скажешь – не поверят.

Богатство в ряд лежало на песке и дожидалось, что с ним будет дальше? Ох, и наивные вы, ребята! Ещё задолго до сего дня, такие ситуации не раз возникали, и решение было сформулировано чётко и понятно: «Найти и обезвредить». Нашли, и сейчас оставалось только обезвредить. За этим дело не станет, будьте, уверены!

Тощий брезентовый сидор вновь принял в себя допаяк. Ничего, не тяжело, это не кирпичи какие, так, баловство. Куда пойти, куда податься, рассуждали тоже не долго – на старое место.

Дед Константин мудро и молчаливо дожидался их: молодые, но с понятием, делают всё робята, правильно.

Вновь присели на знакомые места. С трудом и с неохотой, но тугая пробка поддалась и, открыла путь в неизведанное. Момент знаменательный! Момент Истины! Выпили, закусили и начали рассуждать, откуда и как вино оказалось на их дороге.

Сошлись на том, что в недалёком прошлом, кто-то вынужден был припрятать бутылки от несанкционированного употребления, и сегодня они их обнаружили.

Судьба-а-а-а, что тут скажешь, значит, так надо было. Выпили ещё и продолжили рассуждения на заданную тему.

Было так же интересно то, что от зимнего ожидания, вино, кажется, только покрепчало и теперь всем «ударило» чувствительно в голову. Интерес возрос, и первая была «до употреблена».

Пришла очередь второй, но тут выяснилось, что Николай, оказывается, продолжал рассуждать, куда же поехал его отец, и его сыновье чувство сказало ему – хватит Коля, хорошего помаленьку, пора и честь знать и надо помогать отцу, благо, было известно в какой стороне его искать.

Друзья-товарищи встретили такое решение с недопониманием, и неуклюже пытались отговорить его и остаться. Но решение было принято, и Николай отчалил. Проводили его с сочувствием, но что поделаешь?

Остались двое: Георгий и Александр.

– А что если мы на Даманский переедем, лодка у нас есть и что мы в таком месте светиться будем?

Идея прилась ко двору.

Остров Даманский, располагался в километре выше по реке, и чем был хорош остров, что за долгое время использования его по этому назначению, ни одна поселковая женская душа, на нём не была – табу! Грозилась, правда, и не раз – вот уж доберёмся мы до вас, проклятушие! Но грозить одно, а исполнить, совсем другое. Было бы это местечко на одном берегу с посёлком, тогда такое могло случиться, а перебраться на лодке через реку, да на острове Тайвань найти проход на внутренний остров Даманский, такая китайская грамота не осиливалась ни с ходу, ни как.

Конечно, такая ситуация обсуждалась женским сообществом, но даже теоретически, была невыполнима, и, бабоньки вскоре поняли: ни в коня овёс – не по зубам. Пришлось смириться и знать, что возможно в сию минуту происходит рядом с их домом непотребные вещи с их благоверным. А что поделаешь? Судьба-а-а-а...

* * *

Эпизод 4-ый.

Минут через тридцать моторная лодка «Тюменка» на тихом ходу причалила к удобному берегу острова Даманский. Больше на острове никого не было – и не надо.

На небольшой возвышенности ранее другими товарищами давным-давно было приготовлено место для костра. Место было весьма ухожено и почитаемо, и блюлось.

Через некоторое время, язычки пламени костерка, затрепетали. Ещё принесли дрова, поставили банку с водой на огонь, хоть не чаёвничать приехали, но костёр без чая – это как-то не серьёзно.

Костёр, тёмная гладь тихой заводи, далёкие, плохо слышимые отзвуки села, всё предрасполагало к неторопливому, вдумчивому разговору. Поговорить было о чём: и о недавно произошедшем, и о деде Константине, и куда поехал дед Камыш, и где сейчас Николай и те, кто оставил когда-то бутылки в холодной песчаной земле, что даже суровая зима ничего не смогла ничего сделать с их содержимым. Интересно, однако, всё это! И занятно. Зри, да обрящешь ты.

Так за рассуждениями приступили они к остаткам трапезы уж в который раз. Покряхтывая закончили предпоследнюю, да с дуру потянуло попить чаёк.

Необходимое было с собой в лодке. Вода закипела через пять минут. Достали из бардачка «Тюменки» немного чая, заварили и приготовились чаёвничать – какой же, даже околотаёжный разговор, может быть без этого ритуального напитка – никакого.

Лёгкая тяжесть и измора легко перешла в приятный и ожидаемый сон, не глубокий, но достаточно продолжительный.

Костерок догорел, товарищи пребывали в некрепких объятиях Морфея, но, в конце-концов, проснулись, почти одновременно.

Тишина-а-а-а... «Отдых на пленере» – так бы называлась картина неизвестного фламандского художника конца XX века. Задушевный разговор вновь потёк по старому руслу, спокойно и не спеша. Сидор вновь раскрылся и явил последнюю из бутылочек. Как и предыдущие, она незаметно и пьяно исчезла минут так через сорок.

Сашка побряхтывая привстал и, покачиваясь, сказал: я сейчас, однако, отойду, по-маленькому. Георгий стал собирать оставшиеся дрова, веточки, посуду и тоже сходил в другую сторону. Александра не было. Долгонько..., ничего, подождём ещё.

Послышался негромкий шум и показался товарищ, с непонятно улыбающимся лицом: в обеих руках он держал... какие то ещё бутылки, вроде бы полные.

– Саш, откуда это чудо?

– От верблюда.

– А если поточнее?

Точнее было так. Сделав своё дело, и уже собравшись уходить, его взгляд обнаружил лёгкую несуразность под молодой ёлочкой. Александр, человек основательный – решил проверить. Проверил и сразу нашёл две полные и нестарые бутылки Перцовки, которую завезли в село совсем недавно, недели три тому назад – сами выгружали.

Дела-а-а-а! Ситуация, видимо, оказалась сродни той, что в прошлом году произошла вечером в общежитии. Уж, во истину, «Кто ищет, тот всегда найдёт»... *(окончание следует)*.

Новогодняя Ёлка.

Николай Давыдович Забелов был человеком бывалым.

20-летним пареньком, в погонах сержанта Кранной Армии, воевал в Великую Отечественную водителем грозного боевого самоходного орудия, и, как у героев кинофильма «На войне, как на войне», у него, как и у них, постоянно получалось что то не так, как надо: то «забудет рычажок переключить», то «моторная тяга», ни с того сего, полетит и выйдет из строя. И по жизни продолжалась у него эта неслаженная катавасия.

Затем, после войны, работал в лесных делаянах на родине Михаила Васильевича Ломоносова, время от времени писал в местные газеты и журналы разные «заметки».

На вид был он небольшого росточку, коммуникабельным, не злым, непрезентабельный такой, и походка его напоминала походку Чарли Чаплина.

Так и по жизни шёл он, не торопясь, и вообще, считал он, в этой жизни нужно всё посмотреть и всё попробовать. И пробовал...

* * *

Подошёл Новый Год. Молодому учителю Егору Иноземцеву поручили найти и подготовить к Новогоднему Празднику, «Деда Мороза».

Дело, вроде бы, нехитрое и даже простое: но, сказали – если не найдёшь и не подготовишь его, облачайся тогда сам – и, посох тебе в руки!

Мысленно, обзрев окружающий поселковый контингент, посоветовавшись с 3-4 товарищами, получил он совет, переговорить с Забеловым. Мол, человек он бывалый, язык у него подвешен как надо, сумеешь договориться – дело в шляпе.

Встреча произошла, как и многие такого рода, в субботу, после бани. Чистый, разморенный и одухотворённый Николай Давыдович, сразу же проникся важностью новоявленной проблемы.

«Да! Конечно! Новый Год, праздник наиглавнейший и, прямо скажем, – народный! Его надо встретить, как надо! Я, конечно, постараюсь! Да и как не порадеть родимой школе? Говори, Егор Константинович, что конкретно нужно сделать».

Сговорились о конкретике: где взять слова для Деда Мороза, какие одеть одежды, как себя вести, и особо, что можно и чего нельзя.

Особо, это значит, был проговорён антиалкогольный вопрос – школа, не проходной двор, и, несмотря на всеобщий новогодний подъём, требуется блюсти себя и выдержать «марку»! Быть на высоте!

«Ясно дело, – сказал Николай Давыдович, – делу время, потехе – час, не безпохлёбтесь, товарищ Иноземцев, всё будет чин-чинарём, будет, как надо!».

* * *

Новый Год приближался! Школа нарядилась, подстриглась и причесалась, приделалась, одним словом, приготовилась полностью.

У небольшой школы предвиделся «Большой Праздник».

Ребяшня с мамами и бабушками мастерила карнавальные костюмы.

Классные руководители не могли отстать от этого дела, ни на шаг!

Егор Константинович целую неделю тоже мучился: писал для проведения праздника интересный сценарий Новогоднего вечера. Делал он это в первый раз в жизни, и намучился – ой-ё-ё!

К сценарию, стало быть, отдельно прикладывались слова для Деда Мороза – их тоже надо было учить. Егор Константинович аккуратно переписал их большими буквами на большой, в клеточку, лист бумаги, нашёл Николая Давыдовича, и вручил ему, почти торжественно!

– Всё сделаю, тип-топ. И в срок, будьте уверены

К назначенному дню и часу, всё было готово и проверено!

Забелов не опоздал, появился в учительской во время, как договорились, за полчаса, до начала действия.

Чистый, опрятно одетый, застёгнутый на все пуговицы и «совершенно терезвый!». Всё новогоднее великолепие видел вокруг и всё понимал.

Здесь же в учительской Николай Давыдович облачился в языческую одежду: шапка красная, шуба не худая с блёстками, снежинками и стоячим воротником, валенки белые, почти не надёванные, а так же борода и посох, обвитый красными лентами. Ну, всё, время пошло!

И вокруг Ёлки дело шло своим чередом. Учителя – суетились, дети – играли, мамы и бабушки – смотрели и улыбались.

Настал час и Деда Мороза. Выход получился лучше запланированного: Смотрите! Вот он истинный хозяин зимнего Леса, трескучего Мороза, таёжных зверьков-бурундучков, и покровитель и друг весёлых детей!

Слова произносил он, прямо как его кремлёвский коллега, легко, без запинки, с артистизмом и с неповторимым экспромтом. На детей смотрел ласково и доброжелательно!

Одним словом – находка, да ещё какая!!! Всё идёт хорошо! Лучше не придумашь! Молодец, Николай Давыдович! Что тут скажешь, когда говорить нечего!

Настало время короткого перерыва в Новогоднем представлении. Дед Мороз на время сошёл со сцены. Оставил детей продолжать крутиться-веселиться, танцевать и играть.

Они разносили Новогоднюю Почту, угадывали, на ком, какой костюм, какая это маска. Смотрели и ждали: какие призы получили друзья-товарищи, а кому ещё Дед Мороз, может вручить свои, так было каждый Новый Год?

В углу, «механическим» голосом робот отвечал на любые вопросы интересующих. И учителя участвовали во всех сценарных задумках Егора Константиновича!

Кажется, первый блин, не комом!

«Не говори гоп, пока не перепрыгнул!» Надо выдюжить до конца, и закончить Праздник, как надо! На «пять!».

Егор Константинович пошёл в учительскую, за Забеловым, как он думал. Но того там не было. Ни в учительской, ни в директорской – нигде его не было!

Не было нигде: ни в коридоре, ни в праздничном Зале, не было в нарядно убранной столовой! Деда Мороза испарился!

Что же это такое? Конфуз, однако!

– «Ребята, кто видел Деда Мороза?!». Никто не видел.

– «Эй, зайчишки, где Дед Мороз?». Молчание. Да, что же это такое делается?!

Девочка Таня, прибежала с улицы и сказала: «Егор Константинович!

А Дед Мороз на крыльце!

– «На крыльце? Каком, крыльце? А что он там делает?».

– «А он там лёг на крыльцо и спит!»

– «Спит?».

Егор Константинович выскочил на мороз. Холодина, ещё та! Температура была крещенская – за минус сорок.

Так! И это дедушка Мороз?

Забелов был в низу, на холодном, мёрзлом полу! Он тихо и мирно похрапывал, прикрывшись полкой красного кафтана, спал сном праведника и счастливого человека. «Не выдержала душа поэта...». Устал, маненько.

Шапка, валенки и рукавицы, были на нём, праздничная шуба прикрывал тело Новогоднего Хозяина, белая, длинная борода, закрывала лицо, умиротворённое и спокойное.

«Ответственный» за Новогодний Праздник с трудом оторвал от пола тело Николая Давыдовича, поднял его от стылых половиц крыльца и занёс в праздничную кутерьму ещё не замёршего Деда Мороза и положил рядом с дровами, около ещё тёплой печки.

Попытки разбудить Николая Давыдовича, ни к чему не привели! Он не хотел просыпаться!

– «Ты сегодня будешь просыпаться или нет, ёкорный бабай?!».

Учителя, подошедшие помочь в этом не простом деле просыпания живой природы, сделать этого не могли, и только многоопытная тётя Аня, у которой своих таких было трое, уверенно подняла его на шатающие ноги.

«Тихо, тихо! Всё будет, как, надо не безпохлёбтёсь, пожалуйста!», заплетающим еле-еле языком, проговорил Дед Мороз.

А Праздник продолжался! Хороводы хороводили! Танцы танцевались! Загадки разгадывались! Подарки раздаривались! Школьный народец, и мал, и не мал, – веселился!!!

Ура Деду Морозу! Ура, Новому Году!

Праздник получился на славу! Весёлый, непредсказуемый! Все живы-здоровы, Зимний Волшебник нашёлся, и новогодняя потеха получилось, как надо! И наступил Новый Год!!!

Мишка.

Было это в году 2000, наверное. Год выдался високосный и «урожайным» на самые печальные события. Пришлось довольно часто участвовать в том году в похоронах знакомых и близких людей.

Похороны, как вы знаете, предполагают поминальный обед. После захоронения усопшего кто-то из его родственников или близких покойному, приглашает всех присутствующих на церемонии погребения, почтить память умершего.

– «Приглашаем вас, отобедать. Покойный любил это дело. Не обессудьте, пожалуйста», произносил он эти, или примерно такие слова около могилки или в автобусе на обратном пути с кладбища. Так, или примерно так происходит это, наверное, и у вас.

Место для поминального обеда было тоже традиционным: это или столовая, какой либо школы, или ресторан, или дом покойного, где специально оставшиеся и не поехавшие на кладбище женщины, убирали в доме, снимали с зеркал покрывала, мыли полы и готовили обед, накануне похорон. Меню этого, тоже традиционное и привычное: кутья, блинчики, на первое суп из курицы, щи или уха. Потом шли котлеты из рыбы и мясные, картофельный гарнир, компот, морс или кисель. Реже к этому меню ещё добавляют чай. Винегреты различные, тоже бывают, обязательно.

Была ещё выпечка, нарезанная колбаса, бутерброды разные, а так же помидоры, огурцы, фрукты, бананы, нарезанные ломти арбуза, если лето, конфеты и печенье.

На столе, само собой, водка из расчёта примерно три рюмки на человека (впрочем, её всегда хватало и недостатка не наблюдалось), минеральная вода, кое-когда вино – мускат, кагор или портвейн какой-нибудь, которые популярностью, впрочем, никогда особо не пользуются, и ...ложка. Вилками на таких мероприятиях никогда не пользуются. Не положено, говорят.

Собираются знакомые покойному люди, облечённые сознанием того, что проводить в последний путь умершего – дело ответственное и не терпящее суеты. Все собравшиеся, друг-другу знакомые, хотя оказывается, что многие, уже давно не виделись и не встречались давно. Здесь вот довелось встретиться!

Но стал я замечать в этот год на поминках, раз за разом, одного мальчонка, лет 8-9, маленького роста, плохо одетого, с нездоровым цветом кожи лица.

Пристраивался он обычно незаметно в конце стола и обедал по полной программе за поминальным столом. Был всегда один – ни знакомых, ни друзей, ни однолеток, ни взрослых.

На спиртное никогда не покушался, а потому взрослые на него косились, но никогда даже не думали выпроводить его из-за стола.

Мамка Мишки носила имя известной российской революционерки. Была она черноглаза, но коса, часто очень пьяная, мужа не было, были ребяташки разные, часто они были голодные.

Нередко видели их около магазинов, где они, в общем-то, несмело, просили какую ни будь денежку. Сердобольные, давали её, либо, что ни будь покупали из еды.

Я бывал у них дома и видел пьяную нищету и вечную грязь и «неубранность». Мать несколько раз грозили лишиться материнства и лишали, часто приглашали в милицию и на заседания детской комнаты милиции, но она на некоторое время «затихнув», через месяц-другой, потом, всё равно продолжала свой ранее выбранный путь – пить и распутствовать.

Жила она в двухквартирном доме – комната и кухня, во второй половине этого дома, жила её одинокая мать, такая же выпивоха.

Обе были одиноки, не считая детей, для одной, и внуков, для другой. Так и коротали время – от одной, до другой полочки пенсии или другого какого пособия.

Схема, выдуманная ими, была традиционна: она закрывала входную дверь своей квартиры на крючок и потихоньку пропивала полученные ею деньги, так называемые «детские». Затем пропивались, но уже вместе с матушкой, её пенсия, и приглашались знакомые «кавалеры», и попойка продолжалась до тех пор, пока хватало у них «кавалерских» денег.

Оставшиеся дни месяца получались без выпивки: денег больше не было, займы уже давно никто не давал.

Тогда жарилась в большой сковороде картошка, часто почти без масла, мылась посуда, женщины наводили кой какой «марафет» в квартирах. Ребятня была счастлива: в дома стало тепло, чисто, даже звучало радио на стенке.

Но месяц заканчивался, и снова всё возвращалось на круги своя: «детские» и пенсия пропивались, кавалеры обирались, и вновь наступало безденежье, всё возвращалось «на круги своя». Впрочем, что «денежье», что безденежье – одно и то же. Мальцам требовалось самим, как то искать пути выживания.

Мишка и нашёл – «приспособился» участвовать в похоронах и поминальных обедах, даже незнакомых ему людей.

Первый раз, попал на них, что называется, «по случаю», ну а потом – понесло-поехало, дёшево и сердито. Голод, не тётка, а там, можно было поесть хорошо, до отвала, попить компоту или какого ни будь соку, посидеть со скорбными людьми, чистым и вымытым.

Умирили люди довольно часто, так что, проблема им, решалась, в общем-то, просто.

Один раз я его увидел в окно автобуса, в котором люди ехали от дома покойного, уже на кладбище. Мишка, видимо, опоздал к началу прощальной церемонии и не попал в этот автобус. Пришёл, а люди уже простились с покойным, сели в машины и поехали.

Увидели его поздно, рады бы помочь мальчишке люди, да не будешь же кричать водителю: «Эй, Володя! Остановись, пацана, надо подобрать». Так он и бежал около автобуса, сколько мог, потом отстал и скрылся из глаз.

«Провожающих», он сумел, всё-таки, «перехватить» где-то на полпути к кладбищу. Видимо, кто-то подобрал его, и довёз на своей машине. А как ещё в автобус попадёшь? Да никак, в него на ходу не запрыгнешь, присоединился к хоронящим и проводил покойного в последний путь.

Затем, со всем остальными, вернулся в столовую, и, как и они, помянул усопшего.

Весна.

Второй год покупаю для синиц в магазине на против, пакетики с семенами подсолнуха. Оденусь, выйду на крыльцо своей «конторы», насыплю на ладошку с десяток семечек и жду. Синиц, вообще то, и невидно нигде, и, кажется, их нет, напрасно жду.

И вдруг они появились, откуда ни возьмись. На ветках сирени, на ветках берёзы уселись и ждут чего-то.

Потом самый смелый подлетает, садится тебе на ладонь, хоп, и с семечком во рту... улетает. Затем садится второй, третий... Прямо, карусель, какая то.

Приятно всем: и мне, и синицам!

Когда выходишь на улицу, на свежий воздух, то часто даже не видно птах, а они не рядом, а где-то сидят далеко, но тебя видят, этакие, и ждут своего законного угощения.

Так было и эту всю зиму и всю холодную весну. Но недавно вышел покормить птиц, а их нет. Это мы уже проходили. Подождал-подождал, бесполезно.

Оттаяла земля, обнажился всякий съедобный мусор, и они нашли себе корм в других местах. Уходя домой, всё-таки насыпал семян на перила крыльца, думал, к утру приберут.

Утром картина была старая: корм для синиц был целёхонек. Обедают в другом “съедобных” местах и готовятся к новому циклу своей жизни. И хорошо!

Скажем, до свидания! До следующего начала зимы, наверное.

Белибирдиночки...

[Эротическая композиция на тему выступлений Магдалены Нойнер.](#)

Тат-то оно так, ежели вообще, но если суть до дела довести, то оно не то что либо ни будь, но, тем не менее, всёшь-таки, имеет под собой некоторую, мягко говоря, неопределённость, а ежели иметь это ввиду более конструктивном, то даже невооружённым глазом видно, что просвет, на первый взгляд понятный и ясный, имеет некоторую несостоятельность, незавершённость и, я бы сказал, расплывчатость и, получается, что составляющие этого просвета, сами вносят некоторый дисбаланс в уже построенную и выверенную систему схожестей и расхожестей одновременно, так что, сами понимаете, возникающие при этом, неоднородные сдвиги, были бы хороши и к месту, но в другой системе, взятой за основу, например, в системе крутобедренных, постоянно покачивающих, держалок, или им подобных конструкций.

Дело было давно, и не в Пенькове.

У учительницы Руфины Георгиевны на уроке географии отвечает урок ученик Лёня Генералов. Урок он выучил, но, как всегда, весьма слабо: спотыкался, что-то бубнил под нос, и постоянно запинаясь. Рассказывает о морских прибрежных ветрах, о муссонах. Читал, слышал, но рассказал, но не полностью.

Руфина Георгиевна задаёт ему дополнительный вопрос:

– Хорошо, Лёня. А как называются другие ветры?

Генералов напряжённо, очень напряжённо думает, шевелит губами, водит головой слева-направо, будто хочет, да не может выговорить, мучается, одним словом. Наконец, «вспоминает», и, прямо «выстреливает», без наводящих –

«Ссыкуны», с облегчением произносит он. «Ссыкуны», вместо, похожего слова – «пассаты».

Справка.

*Хотели, как лучше,
а получилось, как?*

Как, как? Будто не знаешь. Как всегда!

(Почти, по Черномырдину, Виктору Степановичу).

Поехали как-то с женой в отпуск. По действующему законодательству обоим положен бесплатный проезд на поезде, но нужно в Омске, по приезде туда, сделать в одном документе отметку, что мы действительно были в этом городе.

Разговор на эту тему завёл загодя с кондуктором, «хозяйкой» вагона:

– Значит, так. Приедете в Омск и можете зарегистрироваться, взять Справку, на вокзале, у начальника смены.

Начальник смены:

– У меня такой печати нет. Поставьте её в бухгалтерии.

Бухгалтерия не принимает, у неё обеденный перерыв.

После перерыва:

– Свою печать мы не будем ставить на Вашу Справку.

– А, почему?

– А, потому!

– А куда тогда обращаться?

– Не знаю!

Поехали в город без Справки.

После выходных дней супруга брата Лидия Михайловна пошла в домоуправление, порешать этот вопрос. Внимательно выслушав её, посоветовали домоуправцы ей сделать так.

– Печать может поставить только участковый, обращайтесь к нему, – сказали там.

Участковый:

– Печать поставить не имею права. Обратитесь в паспортно-визовую службу нашего района. Это будет вернее.

– А, может быть вернее, Вашей области?

– А шутить, не надо! Хорошо?

Стоять в очереди в этом учреждении не хочется. Неизвестно, чем всё закончится, тем более что приём там только через два дня. Служба эта известна своей волокитностью. Что делать? Можно ли найти приемлемый выход?

Есть выход. Дом, в котором живёт брат, девятиэтажный, но на первом этаже, кроме жилых квартир, помещаются разные коммерческие структуры,

офисы разных учреждений, в том числе, «Платные юридические консультации».

Спустился на первый этаж, захожу в это учреждение, объясняю ситуацию, в которую попал, присутствующим здесь сотрудницам.

Молодая дама за столом перед компьютером:

– У вас паспорта есть?

– Да.

Показываю. Она смотрит, видит необходимые отметки в нём, просит заготовленную Справку, достаёт из стола печать и, ...«Шлёп-шлёп», «шлёп-шлёп»...

Вот, так то!

Холмогоров.

Профилактика – будущее медицины.
Академик Пирожков.

(транспарант в сельской поликлинике)

Степан Вячеславович, районный ноосферист, работал в этой должности уже третий десяток лет. Оказался здесь он, как часто бывает, казалось, по чистой, стало быть, случайности. Поехал поработать сюда, в дебри этой Пара-Пели, по контракту на три года. И вот... «А годы летят, наши годы летят, и некогда нам ...».

Куалалумпурский университет проводил исследования о третичной добыче полезных ископаемых, и требовались, для этого дела, медики-экспериментаторы. Холмогоров оказался кстати, и несложную, вообще то, работу, выполнил для университета.

Выгодный контракт, увы, закончился, но работа здесь даже простым районным врачом обещала перспективные продолжения с исследовательскими центрами в дальнейшем. Так он полагал и предполагал.

В дальнейшем этого так и не произошло, но работа в трёхэтажном здании постройки времён I-ых перестроечных лет, затянула.

Начатая тема открыла, так он считал, очень интересные направления в лечении больных, даже не в лечении, а фундаментальном вторжении, положительном, конечно, в весь организм человека. Представлялось, что ещё год-два – и вторжение это произойдёт.

Но не происходило, почему-то.

Вместе с тем, время шло и шло.

Жил он как-то обособлено. Ездил на подержанном, но молодящимся ещё Форде, не «Мерседес», конечно, но машина, была куда с добром – комфортабельна, могла почти всё, что положено автомобилю: быстро шелестеть по асфальту, быть внедорожником, когда надо или поехать вместе с ним, хотя бы, раз в год на какое ни будь побережье моря, куда он старался каждый год вырваться.

Работа районным врачом денег много не давала. Правила были просты, почти как в Древнем Риме: деньги платили тогда, когда человек болел, пока его лечили. За здорового человека не платили – за что же платить? Находились, правда, ухари. Но это не для Холмогорова.

Дело даже не в этом. Дело в том, что захватившая его в молодости тема была, казалось, близка к реализации, но всё отодвигалась и отодвигалась, паразитка такая, бессовестная! Требовалось ещё чуть-чуть. И тогда всё! Вот этого чуть-чуть и не хватало.

* * *

Теперь о Земцове. Земцов готовился в этом году вместе с друзьями пройти маршрутом от Кривощёково по пойме Великой реки до Атомска.

Как ни странно, но этим путём, он ещё не ходил. Походы у его были всегда интересными, и жить без них, казалось, уже невозможно.

Подготовка к путешествию исподволь началась, давным-давно и не приостанавливалась никогда. До предполагаемого старта оставалось немногим больше двух месяцев. Основное было готово, оставалось дело за малым – нужно было оформить справку о состоянии здоровья – обязательное и рутинное дело.

Никогда получение этого «документа» не вызывало у него никаких осложнений, казалось, и в этом году так будет. «Кажется, так перекрестись!» – непреходящая мудрость. Так и вышло. Руководитель будущей группы, Семён Семёнович, предупредил:

– Смотри, Земцов, в этом году наличие и подлинность справки – наипервейшее дело! Не подкачай, пожалуйста!

Отнёсся поэтому Егор к делу серьёзно и, без дураков. Прошёл медкомиссию в поликлинике по полной программе. Оказалось что он, – немного прихрипывает. Там, где не надо, немного прикашливает. То, что не должно сипеть, сипит и так далее и тому подобное.

В принципе – здоров, но с некоторыми ограничениями, так сказать. А это не порядок, Семён Семёнович очень сильно покачает головой и ...

В оставшиеся два месяца, требовалось всё устранить и выяснить причины происходящих этих скрипов-стонов.

А как суметь? Времени-то... тью-тью.

На помощь пришёл Холмогоров. Не то что они были большими друзьями, но знали друга-друга, вроде бы неплохо.

– Проблему твою возникшую, берусь помочь, но с одним условием, – сказал Холмогоров.

– Каким таким условием?

– Всё должно быть шито-крыто!

– Что значит «шито-крыто»? И к чему такие строгости, уважаемый?

– Тут такая петрушка: шеф мой на мои, так сказать, невинные изыскания смотрит сквозь пальцы. А вот его заместитель, прости господи, мадам Открывашкина, ты её знаешь, чего-то невзлюбила меня, обвиняет меня даже в том, что на казённом оборудовании неизвестно чем занимаюсь. Одним словом, Открывашкину, мне надо закрыть. Отсюда и мои, как ты говоришь, строгости. Sekeichen?

– Понятно. Только с какого боку я оказываюсь? Я-то при чём здесь со своей справкой?

– Справка не при чём, подделывать, химичить не собираюсь.

– А что тогда собираешься?

– Собираюсь поправить тебе здоровье, если не возражаешь, конечно.

– Недопонял, дружище, объясни, мил человек.

И тут мне доктор Холмогоров рассказал презанятную историю.

Дело, как обычно, началось давно.

Молодым, да ранним по заданию куалалумпуровских старших товарищей занимался Холмогоров, изучением углеводородного сырья. Работа, неожиданно, получилась прелюбопытнейшая. Оказалось, что молекулы этой субстанции при определённом воздействии на них могли менять свои координаты по отношению друг к другу. Это место вполне объяснимо и научно-достоверно. Но стоило ещё немного поднапрячься,

помикитить, и такая же штука происходила уже с молекулами углеводных соединений. А это уже человечинной отдаёт.

Теория осталась бы теорией, но захотелось тогда молодому сельскому врачу, большего, захотелось, как это часто бывает, осчастливить народонаселение, не больше и не меньше.

За эти годы все различные опыты прошли, всё обдуманно не на раз, всё получается на 99,9%, осталось попробовать на каком ни будь добровольце! А где его взять?

Тут и подвернулся Земцов не к стати, или, может быть, как раз, к стати? Чем-то Земцов поглянулся Степану Вячеславовичу, поверил он в то, что не только мечту свою исполнит, но и омолодит он его, переставит скрипящие старые молекулы на новый лад недели за две, и станет «турист» молодым и красивым, без вредных привычек и без генетических наследственных пороков. Ну не здорово ли?! Не мечта ли?

Водку они не пили, спирт не разливали, но согласие Земцов дал! Как, почему, зачем, он и сам сейчас не знал. Но дело было сделано, душа и его потроха – были проданы! Мефистофельщина, этакая.

В назначенное время, (перед этим Земцов взял отпуск) появился он в апартаментах Степана Вячеславовича. Накануне сходил в баню, отдал кое-какие долги, намекнул о возврате долгов себе, кто понял, а кто и не понял. Ну, это, как всегда...

Двое суток были они с Вячеславовичем лучшими друзьями, и он от него не отходил ни на шаг, чуть ли не ложился спать в одну палату. Как говорили оберштурмбанфюрер фон Штирлиц и майор Пронин, проверяли его от и до, вдоль и поперёк.

Вердикт вынес такой: есть незначительные отклонения в организме, но незначительные. Со «скрипотой» мы управимся.

Холмогров был счастлив. Любитель пеших походов – не очень. «Может быть, пока не поздно, дать задний ход? Нет. Назвался груздём, полезай, сам знаешь куда...» И он остался в руках районного эскулапа.

На третий день за окном пошёл дождь. К чему бы это? Хорошая ли примета?

Завтраком его не кормили, пить не давали, укол какой-то поставили, потом – ещё. Время пошло!!!

Фотографии первых космонавтов видели? Нет? Ну, так посмотрите. Земцов тоже был окутан весь проводами, датчиками, на голове – шлем или что-то вроде него. Ничего не гудит, но мигает. Где не надо, щемит, на сердце (есть ли оно!?) тревожно. Потом незаметно наступил сон, ровный и спокойный. Спал он, кажется, много часов, проснулся нехотя, будто ничего не произошло.

Земцов спал третьи сутки. На четвёртое утро он проснулся, как ни в чём не бывало.

Холмогоров был рядом. Вот он то, точно не спал.

– Как себя чувствуем, коллега?

– Чувствую себя хорошо, уважаемый. А вы?

– Сейчас разберёмся.

Разбирался Степан Вячеславович целый день, без перерывов на обед и прочее. Вечером у него на лице была довольная мина.

– Кажется, всё проходит успешно. Завтра ещё одна проверочка, и всё.

– Что означает «и всё»?

– Это означает, что Вас можно выписывать и Вы можете начинать свой кривощёкинский турпоход. Пойма ждёт Вас!

Холмогоров не шутил. Вечер и долгую ночь они проговорили об эксперименте, о Земцове, о его работе и значении того, что с ним должно произойти и как он всё будет переносить в походе.

– Главное, знайте! Сразу после похода я вас обследую со всех сторон досконально.

Семён Семёнович испросил у Земцова справку, просмотрел её, посмотрел на туриста и с удовлетворением положил её в свою папку. «Подопытный» был допущен к походу, без всяких ограничений! Пока, спасибо!

Маршрут пролегал в пойме Великой реки, бывшей, к сожалению. Волей-неволей экспериментатор постоянно прислушивался к себе. Всё, вроде бы, шло нормально. Не болело и не скрипело и не попискивало нигде. Дышал ровно, давление крови и прочее, было, кажется, в норме. Кожа лица приятно и ровно загорела, мышцы рук, ног, спины, кажется помолодели, усталости не ощущали.

Поход, он и есть, поход, и в нём случаются, время от времени, всякие коллизии. Были они и у Земцова, конечно. Одним словом, «задружил», мягко говоря, наш товарищ, с одной молоденькой дамочкой... кхе-кхе...

Всё что надо, было как надо, и даже более того. Описывать не буду, неудобно. Амуры не оставляли их весь путь до самого Атомска.

Холмогоров выслушал отчёт «подопытного», внимательно. Задал множество самых разных вопросов, казалось бы, даже не относящихся к делу. Затем осмотрел Земцова и на сутки оставил его в палате под всякими хитрыми приборами.

Ещё через день состоялась заключительная беседа. Начал её Холмогоров с пафосом.

Уважаемый пациент! Вы стали совершенно новым человеком! Поздравляю! Как говорится, ваша молекулярная структура претерпела существенные изменения!

С волнениями и треволнениями, он продолжал.

Но хуже Вы не стали! Наоборот! Вы стали лучше! Более молодым. Вы это сами чувствуете, наверное, ну-у-у... скоро, почувствуете... Станете более здоровым, без вредных привычек. Посмотрите на себя: и зубы, и глаза, и печень, и сердце – все они уже омолажаются. Дальше, будет больше!

Я счастлив, друг мой! Очень! И хочу, что бы Вы, тоже были счастливы!

Это первое.

Теперь второе. Есть одно «но».

Прежде я вам говорил, что Ваша наследственность остаётся без изменений. Так и есть. Она у вас, в порядке. То, что с вами «амурного», как вы говорите, произошло в походе, – издержки не нашего эксперимента, а вашего юношеского прошлого и «туристического-происходящего». Это, как сами изволили убедиться, не страшно.

Но я могу, я сумею подкорректировать это, если надо.

– Не надо меня корректировать, пусть будет так, как есть! Я потерплю, я не возражаю!

– Хорошо! Пусть будет по-вашему.

* * *

Следующие отпуска в группе Семёна Семёновича, проходили без сучка и задоринки, если бы не это «но».

В связи, скажем так, с повышенной «невоздержанностью», в организме у Земцова стал активно вырабатываться некий «Энергетический» продукт.

Этот продукт являлся лакомым кусочком для притягивания, ни много, ни мало, грозовых туч, а если по проще сказать, то каждая сильная гроза и молния, естественно, заканчивалась именно на нём своим разрядом, которая прошивала его насквозь, но не на смерть, а добавляла ему очень-очень индивидуальные способности. Да ещё какие?!

Такие, как способность запросто умножать в уме пятизначные, и другие не маленькие, числа.

Задерживать дыхание на 10 минут и под водой, и на воздухе, хоть в барокамеру поместись.

Он научился «видеть» – то ли глазами, то ли мозгами все электрические «утечки» в любой машине, в квартире, вообще во всякой электрической цепи, и, вдобавок, сам стал проводником тока.

Это его нисколько не смущало, а только вдохновляло и забавляло.

Это только пока. Как будет дальше, не знал ни кто, ни он, ни доктор Холмогоров, в том числе.

Прикол.

Несколько дней назад в автобусе, услышал диалог двух девочек 6 -7 класса. Говорили они довольно громко и внятно.

Разговор касался одного знакомого им мальчика и его друзей.

Первая:

– Они что, прикалывались?

Вторая:

– Да нет, угорали.

Первая:

– Значит, прикалывались.

В школе, в классе 6-7-ом, учился я с Валькой Заболоцким (такой, кажется, была его фамилия). Талантливый парень был. Рисовал изумительно, самоучка, изображал всё, что было перед его глазами, особенно любил «сочинять» эскизы киноафиш к популярным кинофильмам. Была у него целая тетрадка таких чёрно-белых зарисовок, а так же, целая стопка простеньких Альбомов, с его рисунками и эскизами.

И «скульптурой» Валька занимался. Как-то на пристани, в крутом песчано-глинистом яру, изваял изображения В.И. Ленина, и иже с ним: Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Очень похоже! По метру, если не больше, высотой были их лица, в Парабели такого никогда до этого не видели.

Все любовались и восторгались: и пароходское начальство, и местные руководящие кадры, и провожающие граждане, и особенно пассажиры причаливающих к берегу пароходов.

Говорили, что начальник пристани заплатил ему даже какую-то сумму за «Скульптуры» на берегу. Невиданное дело, что б за такое дело, деньги платили!

Потом они с матерью уехали, и я о нём никогда ничего не слышал, и больше его не видел.

Учились мы в одной школе и жили недалеко друг от друга, через дом. Один раз я был у него дома, и он захотел попробовать нарисовать мой портрет. Я, конечно, согласился.

Он посадил меня на табуретку около печки, достал ватманский лист и начал меня «изображать».

Сидел я, перед ним, как пришёл, в пальто и валенках-пимах, шапка на коленках около нехолодной печки, не шевелясь, минут 25.

Стало жарко, я вспотел.

– Валька, заканчивай, давай, устал уже, – просил я.

– Посиди ещё, чуток, последние штрихи, – молвил юный мэтр.

Посидел ещё минут 10, наверное.

Наконец, с видом настоящего художника, прищуриваясь и примериваясь к чему-то, он, наконец, произнёс:

– Кажется, портрет готов.

– Валька, покажи, что получилось.

Валька, нехотя так, показал. На листе ватмана была нарисована старая, облупленная и плохо выбеленная печь, низко висящая на шнуре, небольшая электролампочка, скосившаяся и смотрящая куда-то в бок, а на плите стояла не очень чистая эмалированная кастрюля, с желтоватыми разводьями. Фон всего этого был тоже не очень “аппетитный” – старая стена и два не очень маленьких вбитых в неё гвоздя, с хорошо прорисованными шляпками, уже погнутых.

Меня не было. Совсем не было, ни где не было!

Толи угорали, толи прикалывались?

Прохоровна.

У них была неплохая квартира, состоящая из трёх комнат, по меркам тех лет довольно-таки приличная. Дом был двухэтажный, лестоповский, проживали в нём четыре семьи. Они жили первый год, новосёлы, вроде бы.

Над ними жила Полина Юрьевна, врач местной больницы с дочерью Галиной. За стенкой на первом этаже жил прокурор района Звягинцев со своей женой Агнессой Прохоровной. Работала она заведующей общим отделом райисполкома.

Над «прокуроровой» головой» жил Василий Васильевич, фронтовик, много раз раненый, он не работал, а больше лежал в постели. Когда он умер, на подушечках его товарищи несли много орденов, был он или танкист, или лётчик. Вот и весь дом.

У новосёлов была корова чёрно-белой масти, привезли они её на пароходе, на котором сами приехали сюда. Стояла она в корме, около наваленного на весь путь сена, а мать утром, днём и вечером убирала возле неё и доила молоко для ребят.

Когда их поселили в этом доме, стайки для коровы вначале не было, и корову пришлось держать в заброшенном сарае на территории лесопилки, недалеко от дома. Пестряна, так её звали, простояла там больше месяца, пока технорук Громогласов не написал, куда следует, письмо. Был он на эти дела подкован, знал, какие жалобы куда писать и за какие в них изложенные факты, что бывает. Не жалко, главное, чтобы порядок был и окружающие, за его всеглядность, уважали.

Отца пригласили, «куда надо» и..., одним словом, пришлось новому квартирисьёмщику в срочном порядке рубить стайку для коровы во дворе четырёхквартирного жилого дома, у прокурора на виду.

Всё бы ничего. Но доставленная сюда с таким трудом, оклеветанная Громогласовым Пестряна, резко поменяла свой коровий характер: молока стала давать меньше, хотя корма было вволю, степенность всякую подрастеряла, ходить стала как-то торопко и суетливо. Прямо и задумчиво посаженную голову скособочила, начала куда-то закидывать её в сторону, будто лётчик-истребитель, ежеминутно смотрящий назад, – не подобрался ли немецкий ас в хвост, не собирается ли сбить нашего сокола.

Что наложило отпечаток на хорошую корову, не понятно, но факт остаётся фактом.

Было ещё одно интересное дело: Агнесса Прохоровна (она просила, что бы её называли Агнэссой), которую от рождения звали, скорее всего, Агнюшой и была она раньше не совработником, а буфетчицей горпотребсоюза, стала вдруг походить на Пеструху, или Пеструха на неё, не знаю.

Летом, в крепдешиновом платье и, что интересно, с чёрными и белыми цветами на изумрудном поле, высоко подняв голову, не видя перед собой никого, стуча каблучками по тротуару, шла она в свою квартиру, ни с кем и никогда не разговаривая.

Если время прихода Пестряны и прокурорши совпадало, то идентичность была на лицо.

В семье нашей, такое сходство, подметили, и стали, между собой, не на улице и не на людях, называть Пестряну ... – Прохоровной, потихоньку, конечно.

Юрка, меньший в семье, обязан был каждый вечер встречать Пестряну-Прохоровну на околице и сопровождать её домой, такой порядок был во всём райцентре.

Как-то, чуть-чуть опоздав к приходу стада, Юрка тем не менее встретил Прохоровну у моста, повернул её на пусть истинный и, помахивая прутом, шагая по тротуару, сопровождал её домой без особого труда.

Так было до поры до времени. Улица шла дальше, а корову следовало повернуть в переулок, а потом ещё раз. И вот степенная до сих пор Прохоровна заупрямилась: не хочет сворачивать в сторону, ни в какую, и всё тут.

Стадо мерно и мирно движется вперёд, а Юрка посреди улицы организовал на перекрёстке непонятную танцевальную пару с Прохоровной. Он в одну сторону – она в другую, он туда – она обратно.

Еле-еле, измучившись и вспотев, загнал-таки пацан корову в денник. Сдав вахту матери, успокоился было, но это был ещё не конец.

Прохоровна продолжала «вести» свою партию, доиться она ни за что не хотела: ни уговоры, ни окрики на неё не действовали. Кое-как, измучившись, мать с превеликим трудом всё-таки подоила Прохоровну.

Из окон своей квартиры это представление, видимо, наблюдала Агнэсса Прохоровна. Чудо, но она соизволила выйти на шум, прошествовала к чужой стайке, посмотрела в денник и произнесла:

– Интересно, а чего это Вы чужую корову загнали в стайку и доили?

И тут только мать и Юрка увидели, что корова действительно чужая, никакая не Прохоровна, а её самый настоящий близнец, пятно в пятно. Бывают же такие совпадения!

Двойняшку тотчас выпустили и выгнали на улицу, и она быстро семеня ногами, скрылась за поворотом.

Через полчаса настоящая Прохоровна открыла рогом калитку и своей нервной походкой процокала мимо прокуроровых окон во второй раз. Без замечаний.

Сила Мельпомены.

Вовка был мальчишкой не то чтобы хулиганистым, но задиристым и, если что, обидчикам или тем, кого он обидчиком считал, спуска не давал. Учился он, как говорится, средне, в пионеры его ещё не приняли, хотя очень хотелось, и в общественной жизни школы и класса замечен не был.

Евдокия Сергеевна с целью приобщения паренька к хорошим делам и ограждения его от возможного дурного влияния имеющихся в школе разного рода пустодомиков, выторговала у завуча школы Крестовицкого роль для Вовки Пупова в предстоящем новогоднем спектакле, да роль не простую, а заглавную и ведущую.

Это многих удивило: и мальчишек, которые втайне тоже мечтали о какой-нибудь роли на Новый год, и учителей, которые не могли понять, за что Вовке такая честь, будто в школе нет других достойных и хороших мальчиков.

Но спорить, естественно, никто не стал и лишних вопросов не задавал. Утвердили Вовку на роль задолго до Новогоднего представления.

Роль была демоническая. Следовало изобразить злого и хитрого колдуна, который всеми силами старается испортить хорошим мальчикам и девочкам, а также их родителям встречу Нового года.

Репетиции проходили в классе у Евдокии Сергеевны после уроков, три раза в неделю. Кто как, а Вовка относился к ним очень серьёзно и ответственно.

Самостоятельно изготовил необходимый реквизит: волшебную палочку, которой нужно было взмахнуть всего-то 3 – 4 раза, он доводил до ума целую неделю; чёрный плащ-мантию мать под его пристальным наблюдением и руководством шила тоже не один день; чёрный цилиндр измучил его сильнее всего, зато шляпа получилась на загляденье.

Слов у злодея в новогоднем представлении было не мало, но Вовка с необыкновенной лёгкостью и на удивление многих, причастных к спектаклю, выучил их быстро. Он знал не только свои слова, но мог произнести слова всех своих партнёров.

Под руководством всё той же Евдокии Сергеевны были придуманы и опробованы десятки мизансцен, в их постановке Пупов принимал очень активное участие и выказывал при этом незаурядную наблюдательность и интуицию, он прямо-таки вживался в образ. В нём просыпался настоящий театрал.

В конце второй четверти, недели за две до её конца, в классе, как обычно, подводили предварительные итоги успеваемости за полугодие.

Вовка, отъявленный троечник, умудрился получить всего две тройки и то по предварительным итогам. У него была твёрдая уверенность, что в оставшееся время до Нового года, он сможет стать «ударником» при «отличном» поведении, конечно.

Новый год приближался. Уроки в физкультурном зале прекратились: шла интенсивная подготовка к Празднику. Малыши из начальных классов катали из ваты шарики – будущие снежинки, ребяташки постарше клеили разноцветные цепи-гирлянды для украшения ёлки и стен зала. Более старшие ребята – рисовали новогодние плакаты, изготовляли различные настольные

игры, выпускали праздничные стенгазеты. Совсем уж старшие, с пробивающимися на верхней губе волосиками, монтировали праздничную радиотрансляцию, а из старого патефона изготовляли сложный механизм, который заставит ёлку крутиться вокруг себя.

Перед Новым годом завхоз Мещерский привёз на коне красавицу-ёлку. Группа не последних в школе преподавателей, завуч и директор Ерёмко, осмотрели её и одобрили. После уроков ёлку занесли в спортзал и оставили оттаивать и отогреваться. Финал приближался.

В конце любой учебной четверти в школе всегда такая обстановка: вдруг возникает всеобщая сутолока, нервозность, кто-то озадаченно и поделовому куда-то торопится. Перед Новым годом это особенно заметно.

Узкий, некрасивый и неудобный спортзал преобразился. Стены были затянуты цвета морской волны выкрашенной марлей. По ней змеились разноцветные и длинные бумажные цепи-гирлянды. С потолка свисали «снежинки» из ваты, они же окутали и всю красавицу-ёлку, на ветках которой примостился самолёт с пропеллером. Пропеллер вращался и гудел, а ёлка крутилась. Игрушек на ёлке было видимо-невидимо, красота была неопишная.

В школе училось несколько сот человек. «Первая» Новогодняя ёлка проводилась для учеников-подростков в 6 часов вечера, а вторая – в 9, для старшеклассников.

Уже часам к пяти к школе потянулись ученики на Праздник. В шесть часов вечера Новогодний Праздник начался. Школьники были в масках и карнавальных костюмах, другие мальчишки и девчонки, нарядные и счастливые, жались к стенам зала, у всех было мажорное настроение. Играла музыка, самодельный серпантин летел со всех сторон, все улыбались, затем музыка стихла. Началось Новогоднее представление.

Итак. Хорошие и опрятные мальчишки и девочки готовились встретить долгожданный Новый год. По ходу действия они решали не простые, но и не очень трудные разные задачи. Главной их проблемой были несколько отрицательных типов во главе со злым Волшебником-Пуповым. Ударник Пупов был в ударе. Козни, всё новые и новые, он придумывал с лёгкостью необыкновенной. Но хорошие мальчишки с девочками их, конечно, преодолевали, разгадывали и уверенно шли к встрече Нового года.

Злой Пупов старался, как мог, но тщетно: очередные его козни не проходили, хороших ребят было больше. «Ничего, всё равно я испорчу вам сегодняшней вечер!» – вскричал Злодей. Это были, пожалуй, его последние слова. Дружба, взаимовыручка, уверенность в правоте Хороших Дел – победили. Электрические гирлянды зажглись, пропеллер загудел, ёлка закрутилась. Новогодний бал-маскарад начался.

Пупов в группе своих друзей, которые сегодня ещё не сумели приобщиться к искусству Мельпомены, стоял в простой клетчатой рубашке, без чёрного котелка и плаща и был счастлив. Как здорово всё получилось, у него это вышло не хуже, а может быть, лучше, чем у других. Евдокия Сергеевна сказала: «Молодец, Володя, так держать!». Завуч Крестовицкий как-то очень одобрительно обратил на него внимание. Светка Старогородская явно заметила его. «После подойду и приглашу на тур вальса», – про себя решила Пупов. Он достал из кармана простую магазинную хлопушку и выстрелил вверх, как салют.

Да-а-а-а... Это надо было видеть. Почему-то от простой, невзрачной синенькой хлопушки всё воспламенилось. Почти разом вспыхнули свисающие с потолка все шарики-снежинки, от них загорелась нарядная ёлка и красивые марлевые стены спортзала. Огненные цепи-гирлянды изобразили «бегущую волну». Горящая снежинка упала Светке Старогородской на волосы, и они тоже загорелись. Мушкетёры, арлекины, три богатыря и завхоз Мещерский метались по залу и срывали всё, что могло гореть, другие с ожесточением затаптывали пламя.

Когда старшеклассники пришли на свою Ёлку, зал был пуст и тих, только сильно пахло дымом.

Они увидели голые, некрасивые стены узкого, неуютного спортзала, грязноватый, затоптанный пол и голую, некрасивую новогоднюю ёлку с сгоревшим истребителем на ветке, и много мусора на под ёлкой. Радиопровода висели оборванные, ни красивые, ни какие другие мелодии, не могли пробиться сюда. *«Ну, ничего, всё равно я испорчу вам сегодняшний вечер»*, – висели в тишине последние слова Злодея.

Тайга горела уже вторую неделю. Всё было как обычно в таких случаях: вначале говорили, что где-то, кажется, вроде бы горит тайга. Потом сказали: то, что горит, это точно, так как мужики с верху реки приехали, и видели, дыма в той округе – выше некуда.

Затем рабочих занятых «на прямых работах» с этих работ сняли и начали ежедневно возить на автобусах далеко-далеко в тайгу, тушить пожар. Тушить-то, тушили, а он не тух. Только, вроде бы, справились, но проходил день-два, и опять, двадцать-пять! Только слышно было что, то тут, то там, видели, как горела и горела тайга.

Прилетала на самолёте какая то комиссия из райцентра, летала-летала, кружила-кружила над тайгой и села в аэропорту.

Собрав местных руководителей, комиссия объявила: да тайга горит и горит сильно, но беспокоится, товарищи, ещё рано, а нужно организовать ещё несколько бригад пожарных и к этому делу привлечь всех мужчин, кого можно, снять их со всех, так сказать, второстепенных, на сегодняшний день, работ. Мы же вам, тоже окажем помощь, и пришлём из райцентра людей, может быть, даже осужденных, “химиков”, как их называли в народе.

Заодно комиссия раскритиковала тех несознательных женщин, которые начали заводить разговоры в посёлке что, мол, пора в огородах копать ямы и укладывать в них нехитрый скарб, как-то: одежду зимнюю, одежду демисезонную и одежду детскую, а так же разную домашнюю утварь, вплоть, до сковородок!

Досталось заодно и местным начальникам за попустительство, близорукость и не понимание текущего момента.

Где-то сумели бабёнки научиться мыслить форсмажорно и практически выверено: глубже закопаешь, лучше сохранишь, а то подойдёт пожар и всё нажитое добро слизнёт, как корова языком.

Пожар не утихал в лесу, продолжался и подбирался всё ближе к людям. С севера огонь подходил к посёлку между двух больших озёр, и поэтому, решено было в этом месте встретить подползающий огонь и дать ему бой, забить и не пропустить дальше.

* * *

6-7 молодых людей 25-30 лет, не высоких и не низких – мобильная бригада на пожарном автомобиле (БМП – боевая машина, противопожарная), выехала на дело.

Огнеборцы, обдуваемые на ходу прохладным утренним ветерком, ехали по какой то дороге на встречу приближающемуся лесному пожару.

Через часик красная машина остановилась на лесной дороге.

Всё, приехали. Дорога, по которой ехали, идёт дальше, прямо между озёр, где сейчас должен бушевать огонь. На право есть ещё дорога, не центральная, заросшая травой и местами заваленная валёжником – узкая и извилистая, под углом 90 градусов к первой.

Она нам и нужна. Здесь то и решено было управиться, наконец-то, с огнём и показать ему: кто сильнее?

А кругом лес. Тихо, воздух, как говорится, чист и свеж. Одним словом – красота... Где-то там впереди, полз на посёлок коварный огонь. Сейчас о его

присутствии ничего не говорило, даже запаха дыма не ощущалось, и он был пока не страшен.

Группа пожарных десантировалась с «БМП», быстро организовала «стол», по быстрому люди достали хлеб, лук, тушёнку, которую выдали им с орсовской базы, перед отъездом.

Утром, все, в общем-то, позавтракали, но привычка то сильнее “война – войной, а обед, по расписанию”.

Трапеза была не долгой, за одно обсудили предстоящую операцию и приняли «План действий».

Насытившись, встали и гуськом взяли вправо. Шли пешком, только позади их тарахтел старенький мотоцикл, на котором самостоятельно добрался к ратному месту, один из бойцов-огнеборцев. Втянулись на боковую дорогу, рассредоточились, стали друг от друга, метров через 30.

Слева рос невысокий подсад: пихты и прочие ёлочки.

Мысль простая: через некоторое время к этому месту между озёр подойдёт коварный огонь. Хорошо. Мы этого и будем ждать. Огонь подползёт, а мы подрост подождём и навстречу приближающемуся огню, свой огонь пустим. Мелкачь загорит, лес-лесок вспыхнет и сгорит, а по выжженному месту огонь, как известно, уже не пойдёт – что и требовалось доказать. Вот так мы и остановим огненную реку.

Так было задумано, к этому и приготовилась передвижная бригада лесных пожарных.

Интересно? Ещё как!!! Никто ещё не участвовал в подобном деле, слышать – слышали, читать – читали, а сами не пробовали, поэтому ждали его с нетерпением и интересом.

Тихо! Небо сизо-голубое. Птицы не щебечут, кукушка не кукует, машины не урчат. Пить хочется. Недалеко открылась болотина. Там, между кочек, обязательно есть вода – куда же она денется?

Время есть, надо напиться. С лопатой наперевес двое-трое мужичков двинулись на болото.

Вот это да! Интересно! Где же вода? Болотина – есть. Покрытая мхом, поросшая мелкой осокой и каргашатником – вот она. Но ни между кочек, ни на глубине лопаты и даже двух, воды, отдававшей болотом – не было.

Выкопали узкую ямку глубиной с метр – пусто! Торф сухой! Не выжать даже капельки воды. Такого чуда ещё никто не встречал! Болото, без воды! Сушь и жара обезводили всё вокруг.

Стать на колени у бочажка или опереться руками на коряжину, припасть к воде, опустив разгорячённое лицо в коричневую воду и жадно пить её, процеживая сквозь щемящие от холода зубы – было не дано. Одним словом, «конфузия» братцы вышла!

Постояли, покурили, обсудили приключившееся. Ну ладно, пора «по местам», огонь приближается.

Лесная дорога, на которой расположилась пожарная команда, была шириной метра 3, не больше. Все бойцы стали «по местам», лицом к приближающему огню, приготовились встретить огонь, но сделать путного ничего не смогли. Как не ждали – не успели.

Огонь, как горящий тополиный пух, как-то вдруг разом «вскинулся», подлетел и оказался прямо перед людьми, потом... раз, и вмиг охватил невысокий пихтач перед ними.

Поджигать что-то ему навстречу огню – было уже не к чему. Лес, затрещал, завыл и загудел, поднялся ветер! Однако братцы, попали...

Мужик-и-и-и...!!! Полундра!.. Спасайся, кто может! Огонь оранжевым шатром перекинулся через дорогу, через людей, закрыл небо багровым куполом. Дёру-у-у...!!!

Начался обессиливающий гон. Бежали, перепрыгивая через валёжины, крупные сучья, в сторону центральной дороги и пожарного автомобиля на ней.

Вот попали, так попали! Лес горел, огонь пылал, жар такой сильный, что на руке, которая прикрывала лицо от нестерпимого огня, волосы скрутились, они не выдержали такой неожиданной температуры.

Пожарный-мотоциклист не мог завести своего железного коня, мотоцикл только вжикал и чихал.

Одним словом, это была «конфузия», посерьёзнее, чем на болотине. Бежали не дыша. Со скоростью курьерского поезда, может быть и даже быстрее.

Всё! Выскочили! Так... . Все, кажется, на месте. Все – живы и здоровы. Мотоциклист, чуть ли не на себе притащил «верного друга». Ну, дела! «Управились», называется, «теоретики», долбаные, начитались, Майн Рида.

Ну, всё, кажется! Огонь пролетел над дорогой, опустился на землю и пошёл не спеша, и даже, лениво, дальше своим путём.

Эта засада для него не засада, ни что, так, пустое место!

А мы то думали, а мы то хотели, а нам казалось...

Нет! Это вам не прерии народных писателей Майн Рида и Фенимора Купера. Это у них всё разворачивается: красиво и благородно. Здесь немножко не так, по-другому, прозаично, знаете ли. Без «красивостей», мустангов и прочей романтики. Хорошо ещё, свой, мотоциклетный «мустангер», жив остался!

Огонь в том таёжном краю бушевал ещё целый месяц, пока данную огненную стихию, не потушила другая стихия – дождь, заунывно-долгий и безостановочный, и совсем не нудный, и совсем не противный.

Таёжный посёлок в тот раз отстоял себя сам. Без особых последствий для людей, не считая других таёжных далей, там сгорело очень многое.

В Берёзовке, только у водителя «БМП», в его шестиквартирнике, сгорела в тот день, после обеда, летняя кухня и прилегающий к ней сарай, но, это совсем другая история.

Люди вернулись на «прямые работы» и стали забывать про лесные приключения, втихомолку закопанные ящики – откопаны (мужчины, тоже помогали), вещи – развешаны на солнышке и просушены, толи до следующего лесного пожара, толи как... Судьба-а-а...

Штучный товар.

Знаете ли Вы что такое «дефицит»? Догадываюсь, что да. Хотя живём мы сегодня во времена компрадорского изобилия, и необходимый товар можно получить сразу, или за неделю, от силы две, пока не привезут заказанное тобой, из города, дух дефицитный въелся в нас очень крепко – не отскребёшь, не очистишь, не отпаришь. Но для профилактики, хочу поведать Вам, «дела минувших дней».

Что такое «дефицит»? Кроме того, что это «специфический товар», это ещё такая ситуация, когда ни с того, ни с сего, не вдруг, а сразу, и на долго, исчезают из продажи те, или иные товары. Без всякой, казалось бы, причины.

Раз, и в квас! Системные неурядицы вообще были, как-то не положены, не вписывались они в окружающую нас действительность. А если и возникали, время от времени, то воспринимались обыденно, без ненужного умствования и без всякого придыхания, по такому поводу. Помнится мне, что появились они, осязаемо для людей, в конце 60-х, наверное.

Что было в дефиците? Могло быть всё! Время от времени, но с регулярной периодичностью. Перечислю, что помню, хотя, кое-что, конечно забуду. Отсутствовали: носки мужские (они были простенькие, коричневого цвета, и без резинок, но отсутствовали), майки мужские, сорочки белые, чайные сервизы и прочая фарфоро-фаянсовая посуда.

Исчезали из продажи розетки, выключатели, пионерские галстуки и чернильницы, альбомы для рисования и цветные карандаши, одним словом – как я сказал – ВСЁ, но... время от времени.

Потом они вновь появлялось, и наступало привычное ожидание, что же ещё вскоре исчезнет из повседневной жизни? Не русское слово «дефицит», быстро вошло в употребление и было в ходу у трудящегося класса.

В то время жил я в шестиквартирнике, на краю села, таком длинном, неуютным и холодном бараке. За стенкой у меня жила молодая, но постарше меня, семья – он, она и дочка их.

Как-то засобирился я, по каким то своим делам, в родной райцентр. Сказал Начальнику аэропорта, что бы имел меня в виду и оставил для меня билет. Сам собрался быстро, так как «голому собраться, что подпоясаться».

Сосед «из-за стенки» постучал в дверь, зашёл, мы поговорили о том, о сём, и, наконец, он добрался до сути, и попросил привести из района то, что в данный момент, оказывается, отсутствует у нас в широкой продаже уже давно.

Я согласился и сказал: «Будь сделано!». Брякнул, и «вляпался», по самое «не могу». Сосед был не плохой мужик, работал и на «прямых» работах, был и столяром, и в отличие от большинства мужчин хорошо и вкусно готовил обеды и прочие «разновкусности» и без этой «штуки», видимо, не мог обойтись.

Доставил меня аэроплан, куда надо, дела свои я сделал дня за два, заодно посетил своих друзей и знакомых, сказал им о возникшем «дефиците», который образовался в нашей деревне. Они посмеялись над такой незадачей, и посоветовали обратиться к ещё одной нашей общей знакомой, которая как раз работала там, где это было

Завтра лететь домой, значит сегодня надо идти на работу к этой знакомой, и покупать то, чего с нетерпением ждут дома.

Работала она в самом центре села, я ей поведал, какая у меня возникла проблема и даю ей деньги, для покупки этого «дефицита». Она посмеялась, деньги мои не взяла, а сказала: «Так обойдёмся». Через некоторое время, из подсобки, она принесла, опять же усмехаясь, пакет в обёрточной бумаге и перевязанный шпагатом: «Не потеряй только, где ни будь по дороге».

Было у меня ещё “свободных” где-то полдня, и я решил навестить тётю Зою, мать моего школьного товарища, которая жила как раз недалёко.

Тётя Зоя встретила меня приветливо, сказала: «Проходи, а я пока по быстренькому что ни будь приготовлю на стол». Тугой пакет был у меня в руках, я и посмотрел, куда бы его деть, и положил сверху невысокого шифоньера, что бы и рядом был, и не так на виду.

Тётя Зоя скоро пришла, накрыла стол, и мы сидели с ней, и вспоминали недавние, нехитрые времена, когда мы пацанами, с её сыном, пропадали здесь днями.

Наступил вечер, мы попрощались, и я ушёл к себе, а утром сел в самолёт, и полетел обратно.

За иллюминатором проплывали болота и лес, речки и озёра, но был, почему то как то неуютно и беспокойно. И вдруг я сообразил: пакет!, пакет то оставил на шифоньере у тёти Зои. Вот балда, так балда! Что теперь делать, ума не приложу?!

Через пару дней, наконец-то, я дозвонился до тёти Зои и попытался ей объяснить, что мне нужно. Телефонная связь была тогда, как всегда, никуда негодная – шипела, скрипела и скворчала. Тётя Зоя меня не понимала, радист из соседнего посёлка, располагавшегося между райцентром и нашим посёлком, пытался продублировать мою речь.

Тщетно! Тётя Зоя меня не понимала. Не понимал меня и добровольный помощник, радист из соседнего посёлка за 80 километров, которого я не знал и никогда не видел.

– «Ты, чудак-человек, по-русски мне скажи, чего тебе надо, а я твоей тёте Зое лучше-лучшего объясню. Я её слышу лучше, чем ты».

А я не мог объяснить ни ему, ни тёте Зое.

– «Чего ты бекаешь и мекаешь. Говори толком, чего тебе надо, или я отключаюсь от вас, мне этот свист и треск уже надоел!».

В конце концов, кое-как, я объяснил им обоим, что мне нужен пакет, обёрнутый коричневой бумагой и перевязанный шпагатом. Его нужно взять на шифоньере у тёти Зои и ей, утром принести в аэропорт. В аэропорту нужно найти любого пассажира, который летит в нашу сторону, и попросить его, что бы этот пакет он привёз мне, но ни в коем случае не смотрел, что в нём. И тёте Зои ненужно открывать сей пакет.

Ух...! Что бы я ещё когда связался с этим дефицитом! Да не в жись!

Ещё через два дня я получил свой пакет и раскрыл его. Всё было на месте. Все злосчастные пакетики «Изделия № 2», так тогда просто и стыдливо назывались противозачаточные средства и которые уже несколько месяцев отсутствовали в Аптеке родного посёлка, были на месте и переданы из рук в руки счастливой супружеской паре.

– Ты, это, – смущённо сказал сосед, – ты это. Ты, если что, если понадобится вдруг, приходи. Поможем, если что, не стесняйся. У нас теперь много...

Сценарий новогоднего вечера.

Великолепная семёрка,
или
Кошмар на улице Чехова, ночью, перед Рождеством.

Придорожный салун, предновогодний полумрак, стойка бара.

Действующие лица:

Бил-Рваное Ухо,
Джо-Вечно Поддатый,
Хитрый Гарри,
Кроткая Мэри,
Кэтти-Длинный Носок,
Белый Боб,
Мистер Смок,
Бармен.

Действующие лица находятся в салуне, бармен за стойкой бара смешивает напитки и подаёт их с нехитрой закуской. Мистер Смок покуривает толстую сигару; Хитрый Гарри и Джо-Вечно Поддатый, играют в карты; Кроткая Мэри и Кэтти-Длинный Носок рассматривают журнал. Бил-Рваное Ухо и Белый Боб ведут душевную беседу.

I Акт

Бил – А хорошо бы Боб, загадать желание. Как ты думаешь?

Боб – Да, вообще-то, неплохо бы, Бил. Тем более, я знаю какое.

Бил – Интересно знать, какое?

Боб – А чтоб у тебя, Бил-Рваное Ухо, ухо заросло! (Хохочет).

Бил – Ну, а в лоб хочешь сильно или очень сильно?

Боб – Тихо, Бил, новогодняя шутка, понимать надо.

Хитрый Гарри – О чём кипишь, юноши, не нужна ли помощь?

Бил – Нужна, Хитрый Гарри. Вот соображаем, какое загадать желание под Новый Год?

Джо-Вечно Поддатый – Соображаете? Это хорошо. А я знаю, какое желание, дешёво и зло!

Боб – Джо, тебя не зря зовут «Вечно Поддатым», и все твои злые и дешёвые желания мы наперечёт знаем. Верно, Бил-Рваное Ухо?

Кроткая Мэри – Если серьёзно подойти к решению этого вопроса, нужно правильно сформулировать задачу и верно расставить акценты.

Кэтти-Длинный Носок – Ну и зануда ты, Кроткая Мэри. Какие акценты, какая формулировка? Я сейчас скажу так: Нужен миллион зелёных, полмиллиона золотых и парфюмерию.

Мистер Смок, попыхивая сигарой – Это почему полмиллиона золотых, а не больше?

Кэтти – Мистер Смок, объясняю популярно: чтоб они не гремели, не бренчали, не позвякивали, не притягивали, так сказать, чужого внимания. Понятно?

Смок – Понятно-то понятно, да уж больно хочется.

Бармен – Хотеть не вредно. Слушайте, миллионеры. Вы бы хотя бы

придумали, а что для этого сделать нужно, толи поколдовать, то ли поплевать через плечо. А может быть, заказать ещё по стопочке или по две?

Хитрый Гарри – А что, рациональное зерно есть. Но надо узнать, а это реально или только сказки и разговоры?

Кэтти – (передразнивает). А это реально? Мне говорил покойный Вэнс, что в ночь перед Новым Годом нужно взять колоду карт и выбрать из неё карты. Если выпадет «3», «7», «Туз», смело загадывай желание, оно обязательно исполнится!

Смок – Много понимал твой Вэнс! Соображал бы, остался бы жить и не попал под пулю Чингачука-Перламутровое Ухо.

Мэри – Между прочим, это Перламутровое Ухо и охотился за секретом старика Вэнса. Я думаю, надо воспользоваться случаем и выиграть.

Боб – Кого выиграть? Мы же не в рекламном ролике, а во всемоделешной новогодней сказке! Надо гадать, и без лишних разговоров.

Бил – Да-а-а... Надо выбрасывать карты. Так, джентльмены, или иначе? Как думаешь, Джо?

Вечно-Поддатый Джо – О чём звук, товарищ! Было бы сказано! Мы с Хитрым Гарри с вашим удовольствием сделаем это. И денежки будут наши!

Кроткая Мэри – Вот, вот! Денежки вы и приватизируете, черти рыжие!

Хитрый Гарри – Ты меня не обзывай, кроткая ты наша. Не родился на свете ещё Рыжий Чёрт ни на нашем континенте, ни в Европе, ни в России, само собой. Хронологию знать надо, милая.

Бармен – Могу подать новую колоду. У нас для таких случаев всё есть.

Бил – Ближе к делу, ребята... и девочки. (бармену) – Неси, колоду! Посмотрим, что может получиться.

Все (хором) – Получится, получится, получится...

*(Все артисты негромко говорят друг другу: “Как не получится, конечно, получится...”
Так на сцене создаётся шум, этот шум правильно воспринимается зрителями в зале)*

II Акт

Перед стойкой бара собрались все действующие лица и исполнители, кое-кто расселся на полу. Лёгкая суতোлка, актёры демонстрируют оживление, нетерпение заполучить денежки и явное недоверие друг к другу.

Бил – Разыграем, кто будет банковать?! Кто знает приличную считалку? Я не знаю.

Кроткая Мэри – Я знаю

Бил – Приличную?

Мэри – Вроде бы, да.

Бил (ворчит) – Вроде... Ну, ладно. Нет возражений? Нет? Начинай, Кроткая Мэри!!!

Мэри (с первых слов «загибает» что-то непотребное).

Бил – Тихо-тихо...! Тихо! Остановись, Кроткая. Всю обедню испортишь. Вместо зелёных, лягушки серо-буро-малиновые навывападают. Смена караула!!! Кто ещё попробует? И без шуточек мне, ёкорный бабай, без шуточек!!!

Мистер Смок – Я знаю приличную, приличную, дальше некуда.

Кэтти – Это, интересно знать, что обозначает «дальше некуда?».

Мистер Смок – Не бойсь, честная публика. Всё будет в ажуре.

Бил – «В ажуре!». Отставить! Ещё одна смена караула.

Вы, дорогие мои, что не поняли чистого английского языка с американским акцентом? Я сказал, без шуточек! Напрягитесь и вперёд!

Джо-Вечно Поддатый – Есть у меня одна прибаутка, скромная такая, как слезинка.

Гарри – У тебя всё, мой хороший, всё, как слезинка. Бил, надо его менять сразу, а то всё волшебство окончится, не начавшись. Неужели непонятно?

Бил – Всё, ребята... и девочки! Шутки в сторону, они закончились. Объявляю самым демократическим способом: банковать будет Боб. Внятно говорю? Иди сюда, демократ ты наш американского разлива! Банкуй. Умеешь? И без всяких своих шуточек!!!

Боб – Дело нехитрое. Гарри, дай-ка свой винт... винчестер, говорю дай. Только для порядка.

Кэтти – Тебе, ушибленный, про демократию говорили? Или напомнить?

Боб – Не боись, крошка, всё под контролем.

(Получает от Гарри винтовку, осматривает и подкидывает её. Народ догадывается, что делать. Ловят за ствол и перебирают до верха. Мэри заканчивает и кладёт руку сверху)

Бил – Первый кандидат есть! Кроткая Мэри! Поздравляю! Вечно-Поддатый, вперёд!!!

Боб, ещё 2 раза повторяет процедуру. Определяется такая стартовая тройка: Кроткая Мэри, Хитрый Гарри и мистер Смок.

III Акт

Бил держит колоду, которую принёс Бармен, и предлагает Мэри вытянуть первую карту. Мэри вытягивает «3».

Кэтти – Задел хороший, молодец, подружка. Как говорят мариманы, так держать!

Бил – Вторым будет Хитрый Гарри. Смотри, Гарри. Не перехитри себя! Давай, помолясь.

Гарри – Я атеист. Я просто кое-что пошепчу.

Бил – Пошепчи, пошепчи, хороший мой. Шепчи, да помни, что я Бобу говорил.

Гарри что-то шепчет, производит какие-то непонятные движения, глубоко вздыхает и вытягивает карту.

Бил – Ну!!! Что я говорил! Не хитри! Кому нужен твой джокер, прости господи! Ещё раз повторишь и без шуточек, понятно!!!

Гарри (вытаскивает «7»).

Народ хором – Молодец! Молоток! Во даёт! и т. п.

Бил – Мистер Смок. Ваша очередь, любезный. Пардон, любезнейший. Прошу к станку! Постарайтесь, пожалуйста, ради общества.

Мистер Смок демонстрирует всю ответственность, выпавшую на него: Отходит на 5 шагов, поворачивается к Билу и, пыхтя сигарой, идёт, как замороженный.

Двигается вытаскивать карту. Вытянул! Апофеоз! Показывает «Туза». Народ обнимается, целуется, плачет, будто миллион уже в кармане.

Бил – Так. Дело сделано! А кто из умненьких-разумненьких и толковеньких-претолковеньких, скажет, что дальше делать? Куда эти карты представить, какой банк примет этот вексель. Где, в конце концов, взять деньги?! Что, у Кэтти есть соображения? Хорошо. Пожалуйста, с удовольствием Вас выслушаем.

Кэтти – Я помню, что старый Вэнс говорил, что карты надо положить в шляпу и 3 раза сказать: “Дело в шляпе, дело в шляпе, дело в шляпе”. Денежки в шляпе и возникнут.

Бил – Интересно! Крайне интересно! Ну, что? Другие предложения будут, демократы вы мои! Нет? Попробуем этот вариант. Бармен, шляпу!

Бармен снимает с себя шляпу и кладёт на пол. Кроткая Мэри берёт у Била карты и грациозно кладёт их в шляпу. Отходит, будто бы она совершила подвиг.

Тишина. Все не дышат. Ждут. Проходит секунд 30 – 40. Вдруг хлопок, из шляпы повалил дым. Хитрый Гарри первым бросается к шляпе.

Бил – Куда, Хитрый? Встань в очередь за дамами, не крутись, тебе говорят! В очередь! Говорю тебе, непонятливый ты наш. Встань за дамами! Перед тобой они стоят, перед тобой, инвалид гражданской войны. Отойди, я сказал!

Выходит завуч Владимир Владимирович.

(Довольно потирает руки и говорит).

Хорошо ребята у вас получилось! Художественная постановка, художественная, прямо скажем. Она вам удалась, на славу!

Но вот необходимо что помнить! Вот в чём дело. Знаете, деньги портят человека. И, ничего поделаться с этим нельзя! И мне кажется, что Вам пока рано иметь такие большие карманные деньги. У вас ещё всё впереди.

Это первое, а второе, такое: Учителя к Новому Году, ещё не всё купили, что бы они хотели, и не всё. Я хочу сказать, не на всё хватило денег. Придётся, наверное, добавить ваших, так сказочно полученных. Вы ведь, не возражаете? Правильно я понял? Вы меня понимаете, надеюсь?

Дети выпучено молчат. Что говорить, когда нечего говорить.

Вот и хорошо!

Вы что то хотите сказать, мистер Смок? Что-что? Повторите! “Ах! Возразить”, вы говорите?

Ну, что ж, возразить Вы, конечно, можете, это Ваше законное право. Конечно, ваше законное право... Но будет всё таки так, как Я сказал, судьба-а-а... , понимаете ли...

Немая сцена. Артисты молча, но очень живописно выражают непонимание и неудовольствие. Но дело сделано! Finita la commedia!

Из-за леса, из-за гор, вышел дедушка Егор... .

Однажды довелось мне официально встречать и «сопровождать» одного Большого Человека.

Человек был, без преувеличений на самом деле «Большой» и ранее, когда он ещё работал на «Большом месте» и был не на пенсии, и сейчас, на пенсии – тоже «Большой».

Все местные руководители, стоящие сейчас, вроде бы на других жизненных позициях, чем он, в отношении Большого Человека, говорили, где только можно: «Мы его Птенцы, мы против Него, ни слова, ни полслова – никогда! Мы без Него – вообще никуда, Он нас вырастил и воспитал. Как можно что бы мы, против Него, да никогда в жизнь...!», хотя не требовалось говорить, ни того, ни другого.

Говорили так все и везде: и на улице в саду перед Большим Домом, и в кабинетах разных, и при разговоре тет-а-тет – везде. Разговора такого, кажется, ни кто специально и не заводил. Но надо было собеседникам, засвидетельствовать своё сокровенное Почтение Большому Человеку, хотя ни обстановка этого не требовала, ни само течение жизни. Это было у людей в их крови. «Маленький, никчёмный я человек, а вот Он... , ох и Большой, такой уж Большой, а мы все такие маленькие, уж такие маленькие, малюсенькие...».

Одним словом, подобным было почти напичкано всё, все окружающее – тоже. Даже люди, к которым он ни имел никакого отношения, к месту, и не к месту говорили: «Ох, и Большой же Человек едет к нам, уж такой Большой, такой Большой...».

Проза, но накануне его приезда и встречи с ним, заснул я, плохо. Всё думал, а как я с ним завтра сам то «поведу», не стыдно ли потом будет перед самим собой. С тем и уснул...

Приехал он поздно вечером, уже стемнело. Чёрная Его «Волга» вылетела из-за поворота, сопровождающие машины, не отставали. Встретились, как положено, встречаться Гостю и встречающему. Поздоровались, познакомились, начали разговоры разговаривать на разные подходящие к случаю темы.

Нормально. Дед, как дед, говорит понятные вещи, без всяких там «закидонов», я перед ним не лебежу, не расстилаюсь приготовленной циновкой.

Не удобно только за других, сопровождающих его лиц, тоже ведь не маленькие люди, но стоят вопросительными знаками, молчат, боятся даже к месту вставить своё слово.

Одним словом, расселились приезжие в гостинице, и спать уложились: а я поехал домой. Поехал удовлетворённый собой, кажется, выдержал перед самим собой экзамен и краснеть, нет причин. Думал, будет иначе, начну, как многие, сам на себя не походить, поддакивать и кивать головой, где надо и не надо. Не случилось.

Утро прошло без особых волнений. Гость проводил назначенные встречи, «сопровождающие лица», находились неотлучно и сопровождали молча, как и положено, осознавая своё значительно-незначительное положение при Большой особе. Как маленькие, честное слово, а ведь взрослые люди.

Телевидение эти встречи снимало на «камеру» и увидел я потом, в телевизоре, интересную вещь, совершенно незаметную «вживую».

Был Гость, уже не молодой, даже, старый. Это особенно хорошо было видно при его общении с людьми. И дикция уже не та, что раньше, и жестикуляция выдавала уже не молодого человека, и, какая то суетливость, другой раз, проскальзывала, руки в старческих веснушках. Так было, как говорится, и при личном общении с ним и непосредственном наблюдении. Стар человек, и ничего тут не поделаешь.

А вот когда эти встречи увидел по телевизору – совсем другое дело – вроде бы и та же дикция у него, та же, жестикуляция, но уже – не то. На экране он орёл, трибун, всё понимающий, и всё видящий. А какая аура ! Какая харизма ! Не дано, простому человеку уметь так вести беседу, и так ставить вопросы, и так отвечать самому на них. Молодец, и ничего тут другого не скажешь.

Закончился второй день, общения с ним, запоминающее время.

На третий день провожал я его на вертолётной площадке. Он и его «сопровождающие лица», приехали на своей «Волге», я на своей машине. Вышел из неё поздороваться и попрощаться с ними.

Он сказал выйти всем из его машины, пригласил меня, и мы остались вдвоём. Беседовали. Просто беседовали: никаких каверзных, или ставящих в тупик вопросов, он не задавал.

Время шло, беседа текла и текла, вертолёт так и не прилетал. За окном было не тепло и ветрено.

Метрах в тридцати от нас на вертолётной площадке показался мужчина средних лет, в меховой «пилотской» куртке и унтах.

Площадка, как площадка, из бетонных плит, по углам её четыре синих аэродромных светильника для того, что бы в тёмное время машина могла сесть без особых хлопот.

Утренний ветер, перегоняет снег по плитам, и от светильника к светильнику. Мужчина подошёл к одному из них, и от нечего делать, так, «для проформы», постучал светильник меховым унтом от снега, которого, в общем, то и не было на нём, зима то ещё не началась, как следует.

Дед мой вдруг зашевелился, засобирался. «Вы куда, по имени-отчеству, спросил я его». «Пойду, помогу, товарищу».

Всё. Приехали. «*Пойду, помогу, товарищу*». Ну, наконец-то, теперь я понял, в чём суть феномена Большого человека.

* * *

Ещё минут через 10 прилетел вертолёт и большой человек улетел дальше, на Север, в сопровождении приближённых к его особе лиц.

Отбило!

Однажды, в жаркое лето начала 60-х годов, решили работники санитарного отдела районной больницы отдохнуть, ни то что бы отдохнуть, а развеется, в лесу побывать, воздухом подышать, встряхнуться, одним словом, и заготовить немного ягод на зиму, тем более что в окрестностях было её много и проблем с этим не должно было возникнуть никаких.

Ягода в округе была разная и много, а вот красную смородину, найти можно было не всегдаона то была, то урожая на неё не было. Её и решили «побрать».

Руководство санкционировало эту поездку и разрешило использовать для этой цели больничный катер «Книготорг», откуда такое “книжное” название у больничного катера, никто не знал.

Сборщиков дикоросов собралось немного, 7-8 человек, но это был полный катер во главе с Капитаном и санитарным фельдшером, невысокой, полноватой, весёлой женщиной.

Голубой катерок вышел па Обской простор и взял курс на Куяльцы, небольшой посёлочек, в 12 километрах от Райцентра, где по слухам знающих людей, этой самой красной смородины, было «сколько хошь». Мы с мамой тоже оказались среди этого коллектива на вполне законных основаниях, мама работала санитаркой санэпидстанции, и взяла меня с собой.

Женщины разговаривали о своих делах, а я не отрываясь смотрел в иллюминатор на берега Оби, на волны и парящих в воздухе бакланов. Около берега можно было заметить выпрыгивающих из воды серебристых рыб, и довольно часто. Была середина августа, лет мне было 12, и всё окружающее было очень и очень интересно.

Через часик катер пристал к берегу в нужном месте. Женщины, подобрав вёдра и корзины, стали сходить по узкому трапу на берег. По уже натоптанной тропинке мы поднялись на берег и пошли вглубь зарослей, до большого черёмухового куста, от которого надо было взять налево, и оказаться среди красносмородиновых угодий.

Погода была солнечная, трава под ногами сухая, ветерок чуть-чуть шевелил листья кустов, настроение у всех отличное. Я шёл в этой компании последним, беззаботно размахивая восьмилитровым подойником, который собирался наполнить смородиной, хоть чёрной, хоть красной. Более того, в такую «экспедицию» меня взяли впервые, поэтому всё радовало вокруг – и лес, и птицы, белки пока не выскакивали на тропинку, но их, наверное, можно было найти ещё глубже в лесу, подальше от тропинки. Посмотрим-поглядим, погода.

Вот и тот самый черёмуховый куст, от которого следовало повернуть и зайти на «смородиновую плантацию». Женская цепочка потянулась в сторону, и я, шедший последним, приготовился тоже изменить курс.

Ничего себе! – Бах-х-х-х!!! это, что такое?

Бах-бах! Бах-бах! Ё-ка-ла-мэнэ. Да что это такое происходит? Будто палкой, на конце которой иголка, кто-то бил меня не переставая. Бросился в сторону, мой блестящий подойник полетел в другую. Пробежав метров 15-20, закрыв лицо руками, не плюхнулся в траву.

«Битьё» моё продолжалось без остановки и молча. Били меня осы. Били со всей силы, без жалости и настойчиво. Услышав мои рулады, женщины остановились, а мама бросилась ко мне выручать. Подняв меня из травы, она

оттащила меня от опасного места, подальше от злополучного черёмухового куста.

Около куста, наверное, свил гнездо рой ос. А может быть, они были «земляные», и которые жужжали-жужжали себе потихоньку до тех пор, пока шедшие впереди ягодники не расшевелили и не разозлили мирных ос, а тут как раз, и я подоспел, и получил, для начала, прямо в лоб, а потом и другие места, и не один раз.

На этом это дело не закончилось для меня, лупцевание яро продолжалось, в неостриженных волосах находились всё новые камикадзе и честно выполняли свой самурайский долг. Фу, кажется, остановились.

Мама принесла из ручья воды, умыла меня и напоила, успокоила, как могла. О собирании лесных витаминов и не могло быть речи, по крайней мере, у меня. Я был выведен из работы летучим камикадзе начисто, бесповоротно, до конца дня.

Лицо стало опухать, глаза затягиваться, глазные щёлки – сужаться, настроение опустилось ниже нуля. Так и просидел и промаялся я на краю «плантации» до конца дня, не собрав ни единой ягодки. Попал, как кур в ощи́п.

Вечером, подобрав в руки пустое блестящее ведро, вместе с весёлыми и жизнерадостными женщинами, вернулся на «Книготорг».

Экспедиция была закончена благополучно, народ набрал смородины столько, сколько хотели. У мамы тоже ведро и корзина, были полные, но “не для меня, цвету-у-у-т сады...”.

Небо над Обью потемнело. Вот-вот начнётся дождь. Сверкали чаще и чаще молнии, вот-вот начнётся дождь, и нешуточный, наверное. Исподлобья глядя на оживлённо-обсуждающих прошедший день, я вскрикнул. Это один из последних оставшихся в волосах «самураев» исполнил обряд самопожертвования до конца. Кожа на лице потолстела от укусов, и зримо. Приехали домой уже затемно, но успели во время – до дождя.

Несколько дней старался не выходить «в люди» – куда с такой..., с таким лицом, опухшим и раздувшим.

Через 3-4 дня собрался в парикмахерскую, «прибрать» волосы перед новым учебным годом, тем более была она недалеко от нашего дома и скоро дошёл до неё, и встретил мамину начальницу.

«Так! Дай-ка я на тебя посмотрю, ягодник. Как хорошо! Повезло тебе! Есть такой метод лечения, когда к больному месту прикладывают пойманных пчёл, и они жалят человека и, тем самым, вводят в него свой целебный яд. Понял? Не переживай! Считай, повезло тебе и всё будет хорошо».

Из парикмахерской выходил рыжеватый Вовка Цепа, одноклассник и хохотун, ещё тот, сейчас опрятный и свежеподстриженный под полубокс.

– «Ты в Салон Красоты?»

– Ага.

– Так тебе не надо! Ты где навёл такой марафет?».

Поговорили о том, о сём, обсудили мою ягодную “вылазку” и Вовка своей строгой, офицерской походкой, зашагал домой, ая, поднялся на крыльцо.

В парикмахерской никого не было, и я сел к знакомому мастеру, тёте Фене. – «Так, Гаврош. Какую желаете причёску? Где это тебя так разукрасило?».

– «Тётя Физа. Мне везде помаленьку, везде – потихоньку».

– «Так не говорят, подстричь потихоньку. Ладно уж, чего ни будь, сообразим».

А стричь нужно было на самом деле «потихоньку», так как кожа на голове покрылась как бы небольшими, продолговатыми, кожаными мячиками, и было их много, и больно было их трогать.

Стрижка закончилась, и тётя Феня спросила, какой я желаю для «запаха» одеколон, «Шипр» или «Цветочный». Хорошо обученный накануне и ставший противником любых привлекающих запахов, я, естественно, отказался:

– «Спасибо, тётя Феня, не люблю я с некоторых пор, никаких запахов».

Лестница.

Ночь была в своих правах, редкие лампочки на столбах не горели, собаки притихли и уже не подавали голоса, и люди, скорее всего, давно спали. Все спали. На улице было холодно, наверное, ниже 30, но не замечалось совершенно, да и как тут заметишь, когда у всех такое настроение. Игривое? Мелко сказано и совсем не так, оно было сейчас радостно-приподнятое, почти без причины у всех 7 человек. Взрослые, лет 25-30, дождались этого часа и "вышли на дело" – *"Вышли мы на дело. Я и Рабинович..."* – чеканно мурлыкал себе под нос самый молодой. Про *"выпить захотели мы друзья..."*, уже не пел. Выпито, в общем-то, было не много. Но и не мало. Как говориться, по чуть-чуть. В самый раз.

Задумано всё было где-то в середине застолья. Некоторые сразу поддержали идею, другие произнесли ммм-м-м-м..., тем самым, выразив сомнение в целесообразности, но, в конце концов, сошлись на том, что пойдём и тряхнём стариной.

И пошли. Не хватало только одной, одной из самых заводных, но сегодня у неё ме-ро-при-яти-е-е-е, но оно, скорее всего, уже должно закончиться. Но сходить надо обязательно....

Улицы были темны. Свет давали только до часа ночи, зато луна светила во всю. Снег, естественно, скрипел под башмаками, но идти было не далёко. В обще-то, всё было не далёко. Окна её дома, тоже были темны и занесены снегом почти полностью, тропок к окну, естественно, не было никаких. Старший по команде и должности, вместе с молодым певцом, смело вгрызлись в снег, оставляя в целине чёткий и глубокий след. И их собака, солидарная с другими деревенскими, не подавала никаких звуков... Подобрались к окну и осторожно негромко начали постукивать в стекло. После короткого перерыва и уже чуть посмелее, продолжили стукоток... И ещё раз повторили. Ну вот. Товарищ откликнулась и недоумевающее уставилась в стекло... Она была в неглиже. Молодой начал семафорить, показывая рукой на стоящих на короткой улочке её друзей и подруг.

- "Поняла-поняла", просигналила она в ответ и скрылась из оконного проёма. Высокая и лучшая подруга её, отделилась от "группы товарищей" и быстрыми шажками приблизилась к дому и поднялась на крылечко.

- Ну как, тихо, спросила она застрельщиков-стукачей?

- Нормально. Идёт. Говори с ней сама. Только, смотри, тихо.

- Само собой.

Стукнула входная дверь и закрытая накинутым полушубком в приоткрытую дверь сенок, выглянул домохозяйский нос.

- Вы чё, спать не даёте? Чё случилось?

- За тобой пришли, одевайся.

- Говорите толком, что надумали... Глаза смотрели почти строго, без всякого лукавства и смешинок в глазах.

Высокая склонилась к ней и тихо и торопливо, стала вводить хозяйку в курс дела. В темноте было видно, как лицо её расправляется, глаза, даже в ночи видно, заблестели, губы непроизвольно поднимались и опускались, видать, прониклась...

- Ладно... сейчас, пять минут, и она скрылась.

Пять минут пролетели совершенно незаметно и в старом зелёном пальто, оставив мужа досматривать свои сны, узница вышла.

Отошли метров тридцать от дома и товарищеский коллоквиум продолжался с охами и ахами, со смешками и гоготками. Здесь подняли и взяли валяющуюся оглоблю – пригодится.

Тихо вы... Собак разбудите....

Итак. Объект номер “Один”. Высокий и большой магазин “Промтоварный”. Объект подходящий и удобный во всех отношениях – стоит сам по себе, и открыт взору со всех сторон и имеет широкое крыльцо.

Ну что ж, начнём?! Начнём-м-м-м....

И работа закипела. Ящики из-под водки и томатного сока высокой баррикадой стали расти на этом самом крыльце, прямо на глазах, туда же впаялись несколько фанерных ящичков, туда же принесли несколько крупных охапок осиновых дров. Чурки не колотых ещё дров – тоже туда...., в общую конструкцию добавили из сугроба откопанных несколько оставшихся от ремонта плах. Всё! Последним аккордом зазвучала принесённая и поставленная на попа, оглобля.

Ночь никуда не ушла. Луна только чуточку передвинулась на тёмном небе, что и говорить, споро работали. Ай да мы!

Мелким, но быстрым шагом, команда покинула “Объект № 1”, приблизился ещё один, “Объект № 2” – “Почта”. Что ж, во все отношениях, хорош! Баррикадообразующие элементы в достатке есть и готовы к употреблению... Но что то смущало, как никак, чуть затуманены и неадекватны были головы...

Ну, наконец-то, дошло, объект, можно, сказать, стратегический. Связь, есть связь, и особо шутить с этим делом нельзя. Историю Октябрьского переворота проходили и ещё помнили.... Так что – отставить!

А луна уже сделала шажок-другой на небе. Идёт время. Ох, идёт!

“Объект № 3” – частный сектор. Что ж, всё логично. Вначале была кооперативная собственность – получилось, затем государственная – не смей трогать, время приватизаций ещё не пришло. Ладно, попробуем частника.

Длинный, как речной трамвай, шестиквартирник. Заходим слева. Ветра нет. Есть только ночь, зима, сугробы. А это крыльцо, так и просится в “дело”. Но где же “материал”? А нет его, совсем нет. Тротуар чисто почищен и проскоблен лопатой, дрова далеко, и идти к ним около собачьих будок. А это чревато. Что же делать, сынове?

Крыльцо скрипит и не подсказывает выход. Однако, приехали... Не в первый раз глаза “великолепной семёрки” обшаривают двор. Но, пусто. Пусто, оно и в Африке, пусто... погоди-погоди... Рядом с нашим крыльцом, прислонённая к стене стоит Лестница. А почему бы её и не использовать...

И вновь ботинки утопают в глубоком снегу и руки обхватывают Лестницу. Ну, давай, родная! А вы пробовали в январе месяце, вытащить из снега Лестницу, изготовленную из полубрусьев? Её и четверым мужикам только с матами-перематами, поднять и поставить можно! И в сухую погоду! А сейчас? В темноте, в снегу, женскими и двумя мужскими руками как? Да, легко, и даже, незаметно. Покряхтели, попыжились, и сделали своё дело, положили поперёк входной двери, закупирили её!

Собаки молчат, свет не горит, и фонарика в квартире никто не зажигает, спят люди. Правда ушло на эту операцию времени много, но его мы и не заметили...

Так, куда ещё. А не посмотреть ли нам на часы? Посмотрели.... Ого-го! И так, домой! К своим родным, потеряли поди уже... Надо ещё и выспаться. И похихивая про себя, они разошлись во все стороны.

Утром деревня заговорила.

- А кто это?

- Знамо кто, школьники-балбесы! У них каникулы. Кто же ещё! Рабочим-то в лес ехать и они с ума сходить не будут. Надо учителям сказать!

- Да они, поди, уже знают.

Как в воду глядели...

Анатолий.

Анатолий шёл к берегу, где у костерка дожидались, вернувшиеся ранее его, товарищи, сейчас мирно о чём-то беседующие. Беседовали они сейчас о насущном, в том числе и о медведях, которые нет да нет, становились предметом разговоров мужичков.

Интересное, однако, дело, говорил один, такая тайга, такая отдалённость и глушь, людей на сотни километров нет, а вот и медведей, в общем-то, тоже немного.

Да... Есть, конечно, но появляются изредка, да на рыбалке, другой раз встретишь, но так то мало, конечно. Коровы, телята всё в округе обходили, и не один год вокруг так шляются, но всё как то без потерь.

Эт точно. Вот и в Кайнасово, и Борках, всяко другое разное бывает, а у нас, почему то всё мирно... все целы. Может сорт такой, у этих медведей, может быть им места наши не нравятся, может быть, расселение у них южнее... шут его знает...

– А вот и Анатолий подходит, спросим у него, чего скажет... Анатолий, подь-ка сюда, разговор есть – присаживайся. Анатолий, вот мы тут и думаем и не придумаем. Вот смотри, медведя и в Кайнасово навалом, и в Борках, бывает, хулиганят, а у нас того нет. Почему, а?

К Анатолию обратились потому, что был он большим авторитетом, по части охотничьих и рыбных дел, был хорошим и удачливым добытчиком.

Он присел, задумался, кепку-восьмиклинку сдвинул на затылок и сказал с расстановкой:

– Я так думаю, может быть, места наши им не нравятся, может им там им в Кайнасово лучше, а вообще то... шут его знает... Я думаю, так... Да, так... Ну, да ладно, что там приготовили попить-поесть, друзья-товарищи?

Друзья разложили нехитрую, привезённую с собой снедь – это была, порезанная на крупные куски, лосятина, а так же, головки свежего лука и хлеб. Всего было много. Проголодались изрядно, и всё выложенное быстро и смачно исчезало прямо на глазах.

– Конечно, не шашлык, но дюже скусно.

– Хороши ещё и котлеты по-киевски.

– Котлеты, вообще хороши, а ты, Анатолий, чего предпочитаешь?

– Масадло.

– Масадло? А эт, чё за зверь?

– Масло, сало и хлеб.

– А как по толщине?

– По вкусу. Ну, ладно, поехали домой...

Дом у Анатолия был большой, большие комнаты, особенно кухня, она же столовая, она и гостиная, она же прихожая. Главное место занимала, конечно же, печка, около которой происходили наиболее интересные разговоры, касающиеся различного берёзовского житья-бытья.

Дом был большой, и единственный частный на селе, все дома принадлежали леспромхозу, так было всегда и об этом никак не задумывались – лес государственный, и дома – тоже не наши...

Дом построил его отец Арсений, чем удивил битых-перебитых мужиков – зачем, когда и так дадут... Но Арсений был не разговорчив, и сделал – как решил... Ему, наверное, было виднее.

Дом был не просто большой, а самый большой, и место под него было выбрано соответствующее – лучшее, на берегу Пайдуги, напротив острова Тайвань, рядом с островом Даманским.

Так вот, здесь же на кухне стоял на большом и низком табурете, около печки, большой лагун, изготовленном ещё в те времена, когда бражку делали не таясь, никто не запрещал и не преследовал. Потом вышел соответствующий Указ, о вреде и борьбе, и т.д. и т.п. Одним словом, потихоньку-помаленьку, а лагуны, практически исчезли из обихода односельчан, изжили себя, и только в редких домах этот раритет можно было увидеть. В общем-то, не увидеть, так как хозяевами он скрывался от чужого взора под половиками, за печками и по другим укромным местам.

У Шмелёвых лагун стоял открыто, не вызывая, а просто тут было его естественное место, и скрывать тут нечего...

Время от времени лагун опустошался, затем вновь заполнялся нужными ингредиентами, выжидал необходимое время... и был готов к употреблению, к дальнейшей эксплуатации. Происходило это не часто... но происходило. Были ли с этим делом какие либо коллизии, конечно были, а как вы думали... Вот одна из них.

Как то случилось, что Анатолию в конце-концов, надоело выслушивать сетования матери и жены, о постоянном и беспрестанном открывании лагуна, отчего в кухне-прихожей, стояло постоянное амбре. Анатолий, как обычно молча, и не выказывая видимого недовольствия, а делал своё дело, то есть глубоко нырял в окаянный лагун, что тут поделаешь... , а вот пришедшие с ним «по-поводу» его товарищи, при этом чувствовали себя довольно не уютно. А что тут поделаешь, судьба-а-а-а... надо было как то решать проблему, и она была решена.

Не будь особенно «плохим», а так, под шафе, Анатолий дал команду пришедшим с ним друзьям, и вместе с ними вынес лагун с высокого крыльца, и через огород, через картошку, помидоры и изгородь, вынес его к стоящему на приколе «Амуру». Осторожно, на малом газу мотолодка пошла своим путём, куда то в дебри Даманского, или Тайваня, в общем, подальше от бдительных очей «женского батальона».

Дело было сделано, но схватившая мать, а потом жена Мария, так и не могли допытаться, куда делся лагун.

Они обыскали и стайку, и другие постройки, и в кустах оглядели всё, и под высоким крыльцом, тщетно, лагун пропал вместе с содержимым, да Бог с ним с содержимым, не в нём дело..., такой был лагун!

Проходил день за днём. Лагун не объявлялся. Семейные перестали особо переживать, знали, что в конце-концов, объявится пропажа, такие фокусы были не раз. И не два. По прикидкам женщин, напиток должен быть закончен, но по виду Анатолия не скажешь.

– Они, паразиты, что ли новую поставили?

– А шут его знает, поди, узнай у этого чёрта!

Подошёл вскоре и Анатолий. Ничего не говоря, умылся и молча поужинал. Пошёл к печке покурить. Сидит на корточках, задумчиво тянул папироску.

– Анатолий! Вот что, хватит дурью мается, заводи свою тарахтелку, и езжай за лагуном, ну сколько же можно?

Через день, через два, лагун был на месте – пустой. Где был, куда ходил, ни он, ни Анатолий, сказать не могли, да от них и не ждали объяснений.

Анатолий был человеком малоразговорчивым и объяснений. От него ждать ответа не приходилось никогда, и не при каких обстоятельствах – ни в запутанных, часто возникающих в жизни лесного посёлка, ни самых простых – житейских. Теперь матери нужно было провести санобработку заблудшего лагуна, высушить, и засветло поставить его.

Свет в Берёзовке и летом и зимой, горел до часу ночи. Утром электростанцию вновь запускали, а сейчас было темно, и дома у Шмелёвых все спали.

Зашёл Анатолий, прошёл и сел за стол, под салфеткой обнаружил кой-какую снедь, потыкал вилкой. Не елось, не кушалось. Накушался ещё раньше, и не слабо...

Перелез на скамеечку около печки. Зажёг спичку и покурил, но не всласть, во рту было противно... попить бы. Встал, нашёл банку кваса. Да... было чуть больше, чем на дне...

Пошёл в темноте к бачку около двери, бренчит, как пустой. Однако, пустой и есть – не наносил днём воды. Что же делать? Что-что! За водой идти, вот что, но попозже.

Так...на кухне, около порога, всегда стояли две большие кастрюли, одна с компотом, другая предназначалась скотине. Он взял кастрюлю с компотом и стал его цедить, сплёвывая сухофрукты в сторону. Однако, и здесь не вкусно. Да, да, никакого вкуса...

Всё-таки, поход неизбежен, не увильнул. Он взял со стола большую алюминиевую кружку, вышел из дома, и медленно пошагал к стоящему в метрах ста колодцу. Звёзды не светили, и луна не откуда не выглядывала. Хорошо, что хоть видно что-то.

Колодец никуда не делся. Анатолий не спеша опустил бадью на дно не глубокого колодца, и зачерпнул воды, выкрутил, поставил бадью на бортик.

Многочисленные комары звенели в ночном воздухе, потихоньку кусались. Анатолий зачерпнул из бадьи воду кружкой, и с большим удовольствием, не отрываясь, выпил её всю. Остатки выплеснул на песок, и размеренно, зашагал домой, надо поспать...

Проснулся вместе со всеми. Мария ушла к скотине, мать шебуршилась около печи, ребятня спала.

– Анатолий, ты чё, ночью за водой, что ли ходил? Анатолий что-то промычал.

– А с чем ходил? С кружкой, что ли? Ведро не нашёл? Снова мычание.

– А чего очистки разбросал?

– Какие очистки, наконец-то проговорил он.

На полу, около порога и кастрюль, прилипло к полу с десяток-полтора, картофельных кожурок от картошки, которую мать начистила и приготовила в пойло корове. Обознался, выходит, маленько, как чувствовал, что-то не то, не компот.

Другая коллизия была по хруще, и даже, интереснее.

Лагун с содержимым стоял уже недели две, и “находящееся внутри” должно было уже “подойти”. Так получилось, что за полчаса перед обедом, появился Анатолий. Дома никого не было. Анатолию это было на руку. Он не

то что бы какого то стеснялся, или не дай бог, боялся, но и афишировать лишний раз, было не к чему. Одним словом, захотелось попробовать продукт, что получилось в этом самом лагуне, интересное, всё-таки, дело...

Он подошёл к заветному месту, положил руку на деревянную пробку, и попытался её аккуратно вытащить. Не поддаётся, зараза. Попробовал ещё – результат тот же – нулевой. Пробка и марлевая тряпица её оборачивающая, как бы спеклись в одно целое, и разъединяться не желали, и пробку не выпускали.

Да, были люди в наше время... А чем мы хуже. Анатолий сосредоточился, и с удвоенной силой, как ему казалось, и энергично, начал расшатывать упрямую затычку... И снова, ноль. Он коротко размахнулся, и как в кулачном бою, раскрытой ладонью нанёс резкий удар, Мухамет Али доморощенный, понимаешь...

Хук, способный свалить любого смертного, оказался безрезультатным.

... “Если враг не сдаётся”... Анатолий вышел в сени, подошёл к ящику с инструментами, взял из него увесистый молоток, и решительно вернулся на исходную точку. Он примерился, размахнулся, и коротко, но очень сильно, нанёс удар по деревянной пробке лагуна.

Закон Бойля-Мариотта для расширяющихся газов припоминаете? Так вот, по этому закону, или по какому другому, тугая и вредная пробка чмакнула, и вместе с пенной бражкой вылетела, ударив сосредоточенного Анатолия прямо в лоб. Пробка в лоб, а пенная бражка, создала не очень красивый рисунок на побеленной стене.

Пробка с о стуком ударилась об пол, секундой-другой, рядом без сознания свалился Анатолий...

Он лежал уже полминуты, когда в дом вошла мать. Прямо перед ней, на полу и в сивушном запахе и тонком слое пролившегося напитка, Анатолий. Она коротко вскрикнула, присела перед ним, наклонилась... Кажется, жив. Она стала дёргать его и так, и этак. Безрезультатно!

– Анатолий, ты чё, вставай давай, хватит лежать.

Анатолий приподнял голову, открыл глаза и обвёл ими “окружающую среду”.

“Среда”, была ещё та! Во-первых, запах! Просто, непередаваемый запах... во-вторых – стена, заляпанная вылетевшими вместе с пробкой частицами содержимого. Не Чернобыль, конечно, не тот масштаб, но всё-таки...

– И что дальше, спросила мать.

– Умоюсь и пообедаю, однако...

Чёрная Подкова.

Ярко светило июньское солнце и было тепло и хорошо...

– Ванька! Бери ведро, ведро, сгоняй за водой, попьём, однако, чайку для начала...

Колодец был совсем недалеко, прямо за трансформаторной будкой, выкопали его недавно, вода была вкусная и чистая, без всякой мути.

Пацан лет 12-13 нашёл среди всякой-всячины ведро и поспешил в колодец и минут через пять вернулся с полным ведром.

– Дядь Саша, ставить?

– Естественно.

Ванька повесил на заготовленный таган помятое ведро, подложил всякого мусора в заготовленный костерок, и поджог его. Вначале нехотя, палки, щепки и сучки разгорелись неярким весёлым пламенем. Ванька пошевелил дровишки и присел рядом, глядя на огонь...

Трое мужичков собрались с утра на старом дворе райисполкома разбирать оставшиеся постройки и освободить новое место для строительства государственного банка, но, в прочем, это было уже не их дело. Их дело простое: выкорчевать оставшиеся столбы от бывшей постройки, штабелевать старые доски, плахи, оставшийся горбыль и, главное, довольно-таки много старых брёвен, сейчас валявшихся там и сям.

Дело было совсем не хитрое и известное: бери больше, кидай дальше, это на первом этапе, но ничего, и в дальнейшем разобраться будет не трудно.

Гаврилыч, как старший, спросил:

– Ванька, закипело, поди уж?

– Уже, дядь Саша!

– Тащи.

Расстелили старую, вылинявшую тряпицу, достали кружки, хлеб, Гаврилыч выложил сдобные, и почти свежие булочки, его Мария вчера настряпала и напекла. В центре появилась банка со смородиновым вареньем. Гаврилыч достал сахар, конфетки тоже достал... Подошедший Степан принёс пачку индийского чая со слонами. Пока шель-шевель, Валерий, четвёртый доброволец, сказал,

– У меня где-то галеты были, будете?

– Тащи до кучи...

Ванька поставил рядом кипяток в ведре, и все пристроились чаёвничать...

Степан, отлил из закопчённого ведра в банку из-под мармелада кипятка, всыпал в него горсть чаю, закрыл чистой досточкой и дождался, когда чай заварится.

– Ну, поспел, поди. Поехали... Можно и дальше рассказывать, но остановимся пока, это не главное, главное было ещё впереди...

Попив чаю, поговорив о том, о сём, товарищи приступили к выполнению производственного задания.

Работали не спеша, но споро. Мужички знали своё дело, каждый делал то, что надо: корчевал, отпиливал, вытаскивал, складывал. Где было не ловко, звали Ваньку. Ванька там, Ванька сям. Одним словом, дело делалось, время шло.

Решили перекусить, собрались вместе и Гаврилыч вытащил из кармана старого пиджака какую-то загибулины, обтёртую его руками.

– Гляньте-ка, как новенькая...

В руках он держал подкову, которую выковырял из земли, на месте завалившейся конюховки. Подкова, как подкова, всё бы ничего, но всё таки, была она необычная – никакой ржой не покрыта, вообще никакой, ни пятнышка, даже самого маленького, чистая и блестящая, как новый пятак, или рубль серебряный.

– Однако, интересно. Чего же её ржавчина не взяла?

– А чёрт его знает?

– Кхе-хе, может быть, и знает.

К ним подошёл ещё один, тракторист Федька, с утра отвозивший доски и плахи от них.

– Ну, чё, мужики, заканчиваете? Я сейчас переезжаю, перетаскивать горбыли с пилорамы, приеду к вам только в понедельник, лады?

– Лады-лады.

– А эт, чё такое, подкова чё ли? Чья?

Гаврилыч посмотрел него внимательно и сказал:

– Да вот, подковку нашёл, но блестит, как не нормальная, вот, думаю выбросить её, от греха подальше, что ли.

Федька глянул на старшего и сказал:

– “Выбросить!” Ну, ты вот что, Гаврилыч, дайка её лучше мне, на баню прибью, на счастье... А то что блестит, ни чё, красивше будет... Ну, ты, честное слово, как старорежимный, удумаешь, так удумаешь... “Выбросить!”

Гаврилыч перестал перекладывать подкову...

– Удумал. А, забирай, однако! Командиров, слушаться надо...

– Да, ладно тебе. Спасибо, дядь Саша!

– Пожалуйста, племянничек. На, не обожгись только.

Так потихоньку, помаленьку, и закончился субботний день. Работы было сделано много, всё, что запланировали. На том, и расстались до понедельника.

В понедельник утром, все в том же составе принялись за привычное: Ванька – за костёр и воду; Степан – насаживал новое топориче; Валерий – разгибал старые гвозди. Гаврилыч, обхаживая вверенный участок, увидел, подъезжавшего на тракторе Федьку.

– Здорово, Федя, как дела-делёшеньки?

– Ох, и не говори, дядь Саша.

– Ну, ладно, говори, племянник, не стесняйся.

– Да я и не стесняюсь. Просто... всё как-то необычно. Ну, так...

– Не тяни. Подошёл Степан, подошли и остальные.

– И не знаю, как и говорить... Одним словом, дело было так...

После вас, заехал я домой, пока то, да сё, думаю, приколочу на дверь бани подковку на счастье. Потом забежал домой на секунду, перехватить маленько, заморить червячка. Людка моя спрашивает:

– Ты, где там вошкался. Сказал ей, что прибывал подкову на счастье на баню, мол, примета есть такая.

– Да, знаю, говорит, потом посмотрю, ешь давай.

Наскоро поел. Людка убрала всё и пошли посмотреть на дверь – что и как. Подковку видно ещё издалека. Ну что скажешь, одно слово – красота.

– Может, покрасить её, ещё красивше станет? У меня серебрянка ещё осталось.

– Не, Люд, так лучше будет. Мне нравится, заглядеться можно. Ну-ка, встань рядом. Ты прям, царевна-лебедь, какая ни будь. Прямо, королевна!

– Да ладно тебе, иди-иди, да приходи, не задерживаясь. Я к твоему приходу тебе специально её истоплю, с особым смыслом.

– А, это как?

– А, вот придёшь, узнаешь.

Ну, особый смысл, конечно, никаким “особым” не являлся, дело привычное, и не раз состоявшее в этом тёплом месте. Ну, да ладно, подождём до вечера, может быть ещё чего придумает, зараза. С такими мыслями Федька сел в трактор и уехал на новый объект, да нет-нет, но вспоминал шаловливые глаза Людки.

Вечер не заставил себя ждать – день-то короткий. Отогнал трактор в мастерскую, перекинулся парой слов с механиком, купил по дороге домой пачку «Севера».

Дома благоверная уже всё приготовила к бане.

– Пришёл! Давай собирайся, я тоже сейчас тоже подойду.

Федька скинул с себя лишнее, снял сапоги, и так и потопал в баньку. Подковка сияла как маяк. Федька хмыкнул себе под нос и сел покурить на лавочку, прямо перед баней. Людки ещё не было. Ну вот, показалась и она.

– Федюня-я-я, залетай.

– Лечу-лечу...

Банька была не большая, удобная, чистая. Предбанник был открыт. Федька докурил папироску, и разделся.

– К процессу омовения и очищения, тело готово!

– Ох и дурак, хоть и большой. Ладно, иду уж.

– Уж, замуж, невтерпёж, товарищ Люда!

– Ну, я и говорю, что дурак. Людка, ладная и статная, закрыла дверь бани.

– Подожди-подожди, я сперва всё ополосну. Она подошла к полку, взяла в руки большой эмалированный ковшик с отбитой ручкой, и набрала в него кипятка. Ополоснула пол, набрала ещё, и вылила ковшик на полок, третий ковшик предназначался стенам, но не получилось... Людкина нога наступила на невесть как оказавшийся на полу обмылок, она взмахнула руками, и ковш кипятка выплеснулся прямо на неё, обварил весь Людкин живот, ногу...

Людка взвизгнула и громко закричала. Федька, выпучив глаза, стоял столбом, потом подскочил к ней!

– Люд, Люд, ты чё, ты как? Люд...

– У-у-у... не могу-у-у, набери холодной воды скорей...

Федька опустил руку в кадку с холодной водой и, намочив руку, приложил её на Людкин живот.

– Ещё, ещё – скулила Людка. Фёдор всё смачивал и смачивал её.

Потом Фёдор выскочил в предбанник, что-то накинул на себя, и побежал в дом. Там он открыл лаз в подпол, быстро спустился, и нашёл банку с гусиным жиром, давно стоявшую среди других банок и бутылок.

Людка уже была в предбаннике и наклонив голову и разглядывая себя. На животе уже начал появляться большой волдырь, на ноге – тоже. Фёдор достал чистое полотенце и стал промокать Людмилино тело.

– Сходи к маме, позови её. Федька, кое-как приодевшись, побежал к дому любимой тещи. Та была дома, и, выслушав быстрый Федькин рассказ, взяв что-то с собой, заспешила к дочери.

Фёдор с тестем, присели и закурили.

– Ты сходи-ка, Федя, к Мильде Яновне, пусть поглядит.

– Ладно, счас схожу... (Мильда Яновна, врачиха, жила не так далеко, и всегда была внимательна к людским бедам – большим и малым).

Так закончилась первая серия этого кино.

Во второй серии, вечером, к Фёдору зашёл Витька Чишо, которого так звали за то, что он постоянно спрашивал: "А это что, а откуда, а что ты с ней будешь делать?". И сейчас так же.

– А что, твоя Людмила, что ли обварилась? А врачиха глядела? А гусиный жир есть?

– Есть, Мильда Яновна и теща, сказали, что обварилась здорово, но через неделку-другую, заживёт.

– Понятно, подожди, а это, что такое, раньше, вроде не видел?

Федя всё рассказал.

– Ты, вот что, дай-ка мне эту подкову, зачем она тебе, не успел прибить и такое дело, согласен?

– Бери, если надо.

Чишо попросил выдергу, и легко отодрав подкову, засунул её в карман. Ещё посидели-покурили, и Чишо засобирався домой.

Он вышел за калитку, вынул подкову, внимательно её осмотрел со всех сторон и хмыкнул и снова спрятав её в карман.

Он давно жил один. Дома он вымыл подкову, насухо вытер, и положил на комод. "На работе сделаю из текстолита красивую подставку – пусть будет украшением" – подумал он, ложась спать.

Воскресение не заладилось – спал плохо, голова прибалывала. Стал готовить обед-ужин – всё пересолил. Начал гладить майки-рубашки – сгорел утюг. Психованный, он переругался с соседом, который никак не хотел ремонтировать сломанный им тротуар, а ведь обещал сто раз – хоть сам берись. Пошёл в магазин, купить кое-что на неделю – забыл деньги. Вышел из продмага, пошёл и на дороге наступил, куда наступать не желательно, ни при каких обстоятельствах.

Нет! Надо что делать, и прямо сейчас!

Он зашёл в дом, сел рядом с комодом и задумался. Вытащив из него подкову и сказав, "как пришла, так и ушла", пошёл на улицу, зашёл подальше от дома, и с размаху зашвырнул её.

Подкову нашла проходящая по улице учительница младших классов, бывшая пионервожатая, и всё всегда всё знающая, пользующая огромным авторитетом у себя, Ганна Михайловна. Она, как и Чишо, оглядела её так, и этак, так же хмыкнула, и так же положила, но только не в карман, а чёрную сетчатую кожаную сумку.

Ганна Михайловна знала, что дальше ей делать. Придя домой, она захотела положить подкову в чемодан в кладовой. Перекладывая свои сокровенные разные мелочи, она взяла в руки дорогое колечко с бирюзой, доставшееся ей от бабушки, и хотя бабушку она не любила, колечко хранила трепетно. Директор школы, один раз, увидавший его на пальце Ганны

Михайловны, сказал ей: “Берегите его, Ганна Михайловна, большой ценности оно, это я вам говорю”.

Вот и сейчас, Ганна Михайловна, сосредоточившись бровями, разглядывало его, – хорошо, ох, как хорошо. “Ну, бабка, где же ты его достала, и как...”.

А вот бабку свою не любимую, она вспомнила не ко времени... Колечко вдруг выскользнуло из её рук, ударилось о лежащую на щелястом полу подкову, и упало в одну из щелей. Ёкэлэмэнэ (*в переводе с чисто русского*), громко произнесла бывшая пионервожатая, Ёкэлэмэнэ. Ганна Михайловна попыталась приподнять половицу – куда там. Принесла вязальную спицу – эффект тот же. Сходила во двор за топором, только пол ещё больше испортила. Мужа дома не было, работал, как часто бывало сверхурочно на нефтебазе, а там аврал, заливали бензин в ёмкости, обещал быть только завтра. Делать нечего, надо искать мужика. Позвала своего хорошего знакомого учителя военного дела, он Ганне Михайловне ни в чём, ни когда, не отказывал.

Пол ему пришлось просто разворотить, потом они всё обыскали, провеяли, просеяли – кольцо, как сквозь землю провалилось. Отдохнули, обсудили, и... снова да ладом. Наверное, не любимая, вот только, кто кого не любил – это ещё вопрос, бабушка, наложила вето, на своё колечко с голубым камешком.

Копатели-ворошители попили чаю, поговорили. Решили через некоторое время вновь повторить заход. Повторили. Безрезультатно!

Вот что я думаю, сказала Ганна Михайловна, спустя некоторое время, забери-ка ты, дорогой, эту подкову, чует моё сердце, ох чует, от неё всё это. От неё, окаянной!

Военрук, и не думая спорить, взял артефакт, и пошёл к себе. Проходя около будущего банка, закинул подкову, как ручную гранату на учениях, далеко и не найдёшь.

... Вот так, и было дело, дядя Саша, закончил Федя, свой рассказ.

– Всё понятно, и поступим мы так, сказал Гаврилыч. Он подошёл к разложенному Ванькой костру, пошурудил, валявшейся рядом палкой, нашёл в кострище какую-то штуквину, похожую на чёрную загибулину.

– Вот, утром, пока вас никого не было, нашёл её – подкова это, та самая. Как она тут очутилась – понятия не имею.

Он взял лопату и там, где когда-то была конюховка, выкопал глубокую, узкую ямку, и сказав: “Откуда пришла – туда и иди!”, зарыл некогда сверкающую подкову, а теперь без всякого блеска и сияния, уже невзрачную и не страшную ни чем.

Закопав, взял большой кол, может быть и осиновый, и глубоко вбил его в землю, как будто, так и было.

– На этом и поставим точку, товарищи. Ну, ладно, приступим с Богом... и их небольшая, но дружная бригада, приступила к своей работе.

Забывшие мелодии...

Уже 11 часов утра, но они всё ещё лежали на матрацах в пустой комнате общежития Политехнического института, но всё-таки проснулись – оба. Вставать совсем не хотелось – делать было совершенно нечего. Все дела они переделали накануне. Накануне поступили учиться, Георгий в университет, Сергей – в политехнический. Сделали у себя в новых *alma mater*, все присущие этому событию дела. Остались, правда, и кое какие недоделанные – ради них и валялись сейчас на матрацах. Ещё пройдут несколько дней, и можно будет собираться домой, а пока рано, внятно сказали на “верхах” – нужно подождать. Обоим сказали. Вот они и ждали – ничего не делали, потому что, делать было нечего.

Утро было точно такое, как вчера, совершенно пустое, делать и вчера было нечего. В общежитии было почти пусто – студенты, сдав сессию, подобрав “хвосты” и исполнив прочие материально-технические обязательства, благополучно, кто на чём, разъехались по домам, радовать родителей, соседских девчонок и таких же, как они сами, студентов других ВУЗов, с которыми давно не виделись и с которыми практически не общались целый год!

Одним словом – тоска, и тоска, не просветная.

В карманах у друзей было почти пусто. Но вчера как-то сумели зайти в краеведческий музей, и часа за два осмотрели все его экспозиции. Осмотрели всё там, потому что времени было навалом, а билет в музей стоил сущие копейки. Может быть, сходить в филармонию? Нет, это, пожалуй, сильно круто, даже для сегодняшнего дня.

Размышляли так они почти параллельно друг другу, потому что исходный материал был один: застряли в этой общаге по воле случая оба, и теперь, вот, жди ещё, когда всё прояснится, и можно будет поехать домой. “Сиди и не чирикай” – одним словом.

В комнате было совершенно пусто – ни заправленных коек, ни занавесок, ни половиков, поэтому изучать рисунки на полу, получившиеся из-за облетевшей и ободранной краски, было уже не интересно. Несколько, неизвестно как попавших сюда газет, перечитаны вдоль и поперёк. Может походить по другим комнатам, может там чего найти можно? Сказано – сделано. Умыл лицо, почистив зубы, товарищи сначала вместе, а потом врозь, начали методическую инвентаризацию оставшегося после учебного года имущества в пустых, брошенных комнатах. Ходили долго, даже на этаж выше поднимались, почти нечего, голый ноль. Но кое что всё таки, принесли: пачку чая (ещё как пригодиться), чуть-чуть сахару, денег мелочью рубля два, большую половую тряпку (а как без неё), подшивки журналов «Юность» и «Смена», старая-престарая, разбитая-преразбитая жёлтая гитара, и самое интересное – магнитофон первых выпусков, не «Мелодия», конечно, но посмотрим, посмотрим... Посмотрели. Нашедшаяся с ним кассета, никаких звуков не издавала, даже плёнка не шуршала. Нашли что-то вроде отвёртки и открыли панель, закрывавшую все “внутренности”. Та-а-а-к... поглядим, поглядим. И хотя особого ничего такого не высмотрели, но подтянули-таки пару-тройку болтиков, прошевелили все другие части, сдули и вытерли пыль, поставили снятую панель на место, и магнитофон несмело зашуршал, поставленная плёнка издала кое-какие звуки, не совсем понятные, правда. В

старинном футляре магнитофона отыскался и микрофон, такой же древний, как и он сам, ну да ладно...

Не поющий магнитофон поставили на подоконник и, прибрав в комнате немногочисленный студенческий антураж, спустились на первый этаж, вышли на всё ярче заявляющее о себе солнце, и зашли в дверь магазинчика, необходимого студентам, с нехитрым и хилым ассортиментом: хлеб, маргарин, жир, дешёвое вино, какие то банки-склянки, и ... запах, непередаваемый и незабываемый запах всех подобных магазинчиков в студенческих общежитиях... Купили булку хлеба и трёхлитровую банку консервированных красных помидор, ну, очень дешёвых, как теперь выясняется, и пачку сигарет (*курили тогда, зараза...*), а “запах магазинный” – оставили на месте.

Завтрак (он же и обед), выглядел просто шикарно: на газете солидной горкой лежал нарезанный свежий хлеб, дымились два стакана свежесваренного чая (кипятильник был свой, стаканы – местные), открытая банка помидоров поблёскивала своими боками, 3-4 маленькие карамельки (где-то взяли) скромно расположились с краю. И всё, а голодные и жадные желудки – при себе, всегда на службе состояли.

После принятия пищи чуток отдохнули, и начали просматривать журналы: один смотрел «Юность», другой – «Смену». Через час обменялись “литературой”. “Литература” была уже читанная, Новости – местами слышанные, местами неинтересными были, ну, это как всегда, и во все времена... Чем были хороши оба журнала? В них (особенно в «Юности»), печатались стихи, и не плохие, кстати. Неплохие потому что, поэты (и поэтессы тожь), были молоды, задиристы, максималистки настроены, и на компромиссы не согласны. Та, ещё молодёжь! Полная противоположность современной толерантности.

Стихи друзья в начале декламировали, и так, и этак. Потом стали читать их речитативом – понравилось. Затем, кое-как поднастроив разбитую гитару, стали извлекать из неё звуки, как им казалось, что в такт, и в лад... (музыканты они были, конечно, ещё те...). Одним словом, началось творчество, которое, как ни странно, вскоре незаметно захватило их обоих. Включили магнитофон и запели стихи молодых, да ранних поэтов «Юности», прямо в микрофон, как Бог на душу положит...

Кассета была средних размеров, и они её записали полностью. Могли и ещё, но больше ни одной катушки не было.

На следующий день всё повторилось: спали, завтракали, но журналы уже не читали, и стихов не декламировали, а только слушали **свои** песни и вместе с магнитофоном **пели** их самозабвенно. И на следующий день – тоже...

Через несколько дней дела, задерживавшие их на приколе в забытом всеми общежитии, были сделаны и Георгий с Сергеем покинули гостеприимный Томск. Ни магнитофона, ни гитары, ни даже подшивок популярных журналов они не взяли с собой. Знали, что “На пароходе музыка играла...”, не их правда, какие они композиторы, какие музыканты, даже не серёдочка, на-половиночку, а бери ещё ниже... Музыка была другая, пароходская, со своими мотивами, мотивчиками и заветными мелодиями...

Прошло много лет.

С Серёгой встречались мы редко, можно сказать, очень редко. Жили в разных местах и почти не “пересекались”. А тут возьми и “пересеклись”. Как это и бывает всегда, с обязательными “а это помнишь ...”.

Вот тут Сергей и ошарашил меня: “А помнишь, как мы с тобой в Томске застряли, и песни сочиняли?”

– Да какие они песни, но помню” – говорю. Да, были времена... были денёчки, были, да прошли. А Серёга продолжает: “А помнишь хоть одну **нашу** песню?”

– Откуда, говорю, даже близко не припоминаю. А чего спрашиваешь?

– Да, случилась, не поверишь, такая история..., в общем дело было так. Иду как то я по Студгородку, тоже лето, такая же, жара, песня Андреева «Тополиный пух» льётся из окна, потом её сменяет какая-то другая мелодия, и, кажется, очень даже знакомая мелодия, какая, не пойму, но, знакомая, кончается одна и начинается новая, Знакомая... . Встал, стою, слушаю.

Мать честная, вот это да! Да быть такого не может! То, что мы намурлыкали и пели с тобой много лет назад, но уже оркестровано вполне профессионально, и доноситься окна из окон какой-то общаги. Отпад, как теперь говорят, полный отпад! Нет, ты понимаешь, и стихи те же, и в той же очерёдности, только аранжировка, несколько другая. Но наша Кассета абитуровская звучала, Наши Песни, всё *Наше* пелось! В Томске! Через столько лет! И записаны они были классно, фирменно.

Серёга не заливал, этим он никогда не страдал. Но как говаривал один герой, одного произведения: «Своё-то всегда узнаешь. Своё, есть своё».

Хотите – верьте, хотите – нет, но всё было именно так, вот только Серёги уже нет на этом свете...

Цыганское счастье.

Камень-на-Оби, город, в котором они жили до этого: двести километров до Барнаула, двести километров до Новосибирска. А сейчас они были здесь, на Оби же, но про эти места эти раньше, даже не слышали никогда.

Баржу каменцев-спецпереселенцев причалили к берегу только вечером. Конвой сказал, что всё, приехали, дальше не поплывут, а завтра всех выгрузят и распределят, кого куда – ждите. Спецпереселенцев-горемык с Алтая было много, в основном с детьми, как и они, дорога заняла почти две недели.

Было голодно и холодно, как и вчера, и позавчера, а сегодня ещё с самого утра, малость моросило. Вылезать из трюма ему самому не хотелось и ребятишек вывезти на свежий воздух в такую погоду, нельзя. Ребят было шестеро, своих двое, и родной сестры четверо, умерла она, и муж её пропал неизвестно где и как, так и плыл весь табор сюда, и как будет дальше – никто не знал.

Есть было уже давно нечего, всё, что захватили с собой, было почти съедено ещё где-то около Могочино, как быть дальше, Никифор не знал, и никто не знал и не ведал.

Густо наплыл вечер, но небо стало, наконец, то прояснивать, и потихоньку в трюме все затихли: и свои, и чужие, и взрослые, и дети. Нет. Надо что делать, так и умереть можно, старшая Людка уже совсем сникла, уже не зыркает глазёнками, как раньше, всё больше молчит и ни о чём не спрашивает. Надо доставать какую ни будь еду. Деньги кое-какие, были, как ни как, человек он был мастеровой. С этим он и залез на своё привычное место, рядом с такими же, как он, решив – утро вечера мудренее.

Да... ещё месяц назад всё было по-другому. Город на берегу Оби был богатым, и главное – сытным. Весь его “табор” жил одной весёлой и счастливой жизнью: бегал, ползал, смеялся, а бывало, и ревел. Но как же это было далеко и давно, кажется, сто лет назад.

Никифор был мастеровитым человеком, руки были там, где надо, и голова была. Дом был справный, стоял недалеко от Богоявленского храма, место красивое и людное, работы ему хватало всегда: и паять, и лудить, налаживать не только часы “ходики”, но даже карманные, а главное, ремонтировать швейные машинки, которых в Камне было великое множество. Покупали мужики алтайские и американские Зингеры, и Кайзеры, и машинок многих других марок, было достаточно. Машинок много – значит и работы ему всегда хватало. И деньги в доме водились – достаток.

Потом вдруг, в один миг, налетела беда – пришли какие-то незнакомые люди и сказали, что гражданин Тяйлев Никифор Сергеевич, чуждый элемент, обирает трудящихся, и за это, непременно, надлежит высылки на Север, со всей своей семьёй. Объявив это, приказали быть собранными через день, к утру. С собой взять только самое необходимое, если много будет всего, выбросим безжалостно, сказали пришедшие и ушли. Семья выслушала всё это молча, она, как онемела, испуганные ребятишки ничего не понимали, но уже тихо заплакали.

Утром стали кое-как собираться-укладываться, отбирать вещи и на себя, и на хозяйство будущее, неведанное ещё, и ребятне надо было всё собрать.

Родственников в городе не было, и в округе никого. Приходили соседи, да чем они помогут? Только и могли мужики, что повздыхать и покурить, да бабы пореветь, а ребятня – затихла...

Потом, как обещали, пришли те самые незнакомцы, осмотрели всю поклажу и велели садиться на подводы, и поехали они от брошенного пустого дома, своего добра, не весть куда, и подумал Никифор, что, наверное, это только начало...

Он не ошибся тогда и сейчас решал, что делать дальше – на “завтра”, их почему то никто не “распределял” и не кормил никто, как обещали вчера. Дождик прекратился полностью. Сосед по трюму сходил в село на горе и сказал, что если есть деньги, то там, на горе стоит лавка, и в ней можно сделать покупки. Деньги ещё были, Никифор положил их в разные карманы, взял чистый холщовый мешок и сказал Наталье, что через час-другой вернётся.

– Наташа, я пойду, а ты смотри за ребятнёй, я долго не буду, не плач, всё будет хорошо. С тем и пошёл в не так далёкое видневшееся село на горе.

На горе и вправду стояла маленькая лавка, но закрытая на замок. Никифор походил-походил туда-сюда, спросил какого-то мужика, скоро ли откроют лавку, но тот и сам ничего не знал. Немолодая проходящая мимо тётка посоветовала не ждать – не стой, говорит, сегодня работать не будет.

Никифор никогда не курил и стал смотреть по сторонам и думать, как теперь быть и что делать. Место, где он сейчас стоял, было примечательное – почти одни двухэтажные дома. Людей не видно, только около ближайшего дома была коновязь с двумя привязанными за уздечки конями, да пацан в большой кепке, который сидел на толстом бревне и строгал ножиком палку. Здесь же, прохаживалась какая-то женщина, и, кажется, женщина не простая – лет двадцати пяти-тридцати, самая настоящая цыганка, на коих он наглядился у себя на городе. По всему было видно, что она какого-то ждала, всё посматривая в сторону двухэтажного дома, хотя время от времени бросала взгляд и на него. На ней была широкая чёрная юбка с крупными алыми цветами, длинные чёрные волосы, красные бусы и большие серьги, ростом она была не большая.

– Эх! Была, не была, попробую. Баба она, видать, пробивная, повидавшая всего, обмануть меня она всегда сумеет, но не стоять же здесь, дожидаясь, неизвестно чего. Женщины говорят, что когда цыганка колдует – все идут к ней и никуда не могут потом от неё деться. Вот и мне деваться некуда.

Сейчас она глядела прямо на него.

– Чего хочешь, парень? Чего так смотришь на меня? В петлю попал? Говори.

– Здравствуй, не знаю, как тебя зовут – он подошёл к ней – беда у меня. И не знаю, как мне быть. Помоги, если сможешь.

– Не стесняйся, ромалэ, говори, кудрявый.

И Никифор не тая поведал о себе всё, кто он, оттуда привезли, рассказал о Наталье, которой в августе рожать, о малых, которые все вместе ждут его – рассказ получился не длинный, короткий, можно сказать.

– Дуся я, цыганка представилась, выслушав его. Ладно, не такие шали рвали, рвали полушалочки. Пошли со мной, червонный туз. Что ни будь, да придумаем.

Ладно. Пан или пропал. Хоть и не рисковый был человек Никифор, но деваться было не куда.

Какой-то человек в синих форменных штанах и в гимнастёрке с накладными карманами подошёл к Дусе. Был он не стар, высок, с прямыми плечами, рыж и конопат немного, красноватая кожа, туго обтягивала скулы. Долго они не говорили, потолковав о чём-то с Дусей, зашёл в двухэтажное здание. «Комендатура», прочитал рубленное красное слово Никифор, когда потом проходил мимо.

– Эй, красавец, я пошла, ждать тебя не буду. Пойдёшь прямо по этой улице, не сворачивая, километра два, не больше. Слева под горой, увидишь двухэтажный дом, там и найдёшь меня, сообразишь, и она, покачиваясь, не спеша пошла через дорогу.

Будь, что будет, сказал себе Никифор, и двинулся следом.

Чего же он в комендатуру зашёл, кто же он такой – думал Никифор о конопатом. Цыганок он насмотрелся у себя дома, от них всякого можно ждать, всякое рассказывали и не раз. Ладно, иди и не разговаривай умник, сказал себе Никифор. Около закрытой, но красивой церкви, он сотворил молитву: *«Хлеб наш насущный дай нам на сей день»* - дошёптывали его губы слова молитвы – *«и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого»*. Натянув картуз, он пошёл дальше, куда сказала цыганка.

Худые мысли нет да нет, сами всплывали в голове. Дорога повернула влево и чуть под гору. Слева же, время от времени, появлялись чёрные двухэтажные дома, – нет, это не мои, говорил себе Никифор, и шёл дальше.

Па-ра-бель, такое необычное название имело это село, и как, интересно, как всё устроится здесь, как будем теперь жить, ласковой ли станет эта земля, или будет и дальше испытывать судьбу и так, и этак. Чем же прогневил я тебя, Господи? Эти и подобные мысли, не переставая роились в его голове всю неблизкую дорогу.

Ну вот, кажется, пришёл, вот и дом, о котором говорила Дуся, *«спаси и помилуй, Господи»*. Он приоткрыл калитку и зашагал к крыльцу. Интересно, даже цветы росли здесь, и много цветов, и разных... Огород был большой и мягко спускался своими картофельными рядами и грядками к неширокой, протекавшей здесь же речке. Он подошёл к крыльцу и остановился. Здесь ли его ненаглядная Дуся или шутканула она. Он пригладил на себе косоворотку, одёрнул почти новый пиджак и уже собрался постучать в дверь, как дверь сама открылась и за порог шагнула Дуся, во всей своей цыганской красе, с какой-то цветастенькой тряпицей в руках.

– Явился! Вот и хорошо, давай-ка свой мешок. Она развернула его, осмотрела и достала из своей тряпицы большой каравай домашнего хлеба, кучу запашистых печенюшек, кулёк конфеток и целый пук зелёного лука.

– Соль то есть?

– Есть-есть, скороговоркой сказал Никифор, есть соль, из дома везём.

– Здесь теперь твой дом. А что ещё, кроме соли то есть?

– Да больше то и ничего, однако, и не будет, виновато развёл руки Никифор.

Дуся сходила на огород и принесла ещё полтора-два десятка огурцов.

– Ну, и меня, однако, тоже ничего больше нет. Она взяла протянутые Никифором деньги и спрятала их на груди.

– Ладно, иди красавец, иди, поспешай по-маленьку, там твоя дорога.

Благодаря и кланяясь, Никифор вышел за калитку, почти столкнувшись с высоким, уже встречавшимся ему, человеком, в синих галифе.

Никифор кивнул ему головой и заторопился обратной дорогой, удобнее перехватывая уже не пустой мешок.

– Эй, переселенец, подожди, вернись-ка давай! Иди сюда, не бойся – это был Дусин хрипловатый голос. Рядом с ней стоял человек в гимнастёрке с накладными карманами и смотрел на него небольшими, круглыми, голубыми глазами.

Всё упало внутри переселенца – нарадовался на свою беду, называется, дело сделал, обормот и глупая башка, успел-таки он сказать себе. Он повернулся и обречённо вновь открыл калитку. Лицо пылало. Он приготовился отдать цыганке мешок, но та почему-то широко заулыбалась.

– Не дрейфь. На, бери ещё! Хозяин велел. Она взяла с не крашенной выщербленной широкой лавки штук пять-шесть вяленых щук, десятков таких же язей и подъязков и ещё каравай хлеба, поменьше первого и всё засунула в его мешок.

– А это возьми обратно, она протянула свёрнутые его же деньги, бери-бери и поспешай на баржу, поди потеряли тебя уже.

Никифор вскинул голову, человека в синем галифе уже не было, наверное, он уже зашёл в дом.

– Милая, век не забуду тебя! Спаси Бог тебя Дуся! Спасибо передай обязательно мужу твоему.

– Не муж он мне, домработница я у него, если тебе интересно знать, да ладно, иди.

Теперь дорога показалась намного короче, тучки всё реже и день светлее, и птицы стали перелетать туда-сюда, и люди стали попадаться чаще. Обратный путь до комендатуры он прошёл, не заметив, а до Оби дошагал в одну секунду.

Наталья со всей ребячней уже ждали его на барже, и улыбались, углядев не пустой мешок в за спиной.

– Ну, табор, чистый табор, смеялись Никифоровы глаза.

Цыганку он больше не встречал, расспрашивать было не у кого, а вот пластинки с песнями и романсами Вали Дмитриевич, а потом Ляли Чёрной, лежали у них всегда на комоду в коробке с другими граммофонными пластинками, под белой, вышитой большой салфеткой. Иногда Никифор заводил патефон и лилась песня: *две гитары зазвенев, жалобно заныли...*

Ну, анекдот, однако...

30-ые годы, вечером у костра, на охоте разговаривают два “сурьёзных” мужика из Шаламовки, один из них даже, “дюже” бывалый.

– Степан, а ты в Томске был?

– А то...

– А это далеко?

– Однако, недели две идти надо.

– А в Новосибирске?

– Был.

– А это далеко?

– А то... Ну, за месяц, пожалуй, дойдёшь.

– Я вот знаю, что тебя и в Москву на Выставку направляли, а это далеко?

– Ну, заладил. Не близко. Пешком, и за полгода не дойдёшь.

– А вот в Париже, случаем, не доводилось, побывать?

– Однако, занесло тебя паря. В Париже, не был, но знаю: далеко, и года не хватит, дойти до него...

– Боже мой, какая глухомань...

Приехали...

Покосники – двое из Ленинграда, один из Кировограда и один местного разлива, лежали на высоком берегу Оби и ждали лодку из деревни, лежащей перед ними. Она должна была перевезти их в эту самую деревню, в Ласкино, куда примерно в пять часов вечера приставал сегодня колёсный пароход и, забрав их, мог доставить в село Парабель, 25 километрами ниже. Таковы были планы. Сегодня утром они на другой мотолодке переехали Кеть, пешочком, по покосам дошли до Карасей, узнали, что после обеда обычно на этом берегу бывает бакенщик, купили в магазинчике того-сего и теперь бездельничали на солнышке и умничали, не зная чем заняться.

Действительно, после обеда причалила лодка с бакенщиком и, сговорившись с ним, они очутились в Ласкино. По традиции, пошли в местный магазинчик, он, как не странно, несмотря на покосную страду, работал. Купили мы себе того, что нужно было и сердобольные и словоохотливые тётушки поведали, что сегодня в деревне большое событие, будет проходить ежегодное собрание рыбаков. В Ласкино была рыболовецкая бригада, и передовая к тому же.

Собрание, это хорошо, но не наше это дело, нам пароход надо ждать. Неподалеку от указанного места причала парохода мы и расположились в ожидании его приставания к берегу. “Пароход белый беленький, чёрный дым над трубой...” показался вскоре на виду и приближался к нам, как и положено. Белый и нарядный, чопорный, как дама бальзаковского возраста, он и не думал причаливать!

Алё-алё! Ну, что ты творишь? Не сбавляя хода, громко шлепая плицами и не смотря на нас ни глазами матросов-капитанов, ни пассажиров, транспортное средство шло мимо нас и мимо деревни Ласкино. Алё-алё, товарищи родные, вы чего же так, куда же вы... Эх-эх- хэ... Стало понятно, что сегодня нам уже не быть пассажирами речного белого парохода, и не пить нам жигулёвско-бархатное пиво, сдувая пену в серую обскую волну. Судьба-а-а...

Вернулись в деревню, пошли в магазин и узнали, что парабельское рыбозаводское начальство скоро придёт на самоходке, а потом, вечером, вернётся в “район”, как сказали местные тётушки. Понятно... “Не отходя от кассы”, мы купили проездные билеты в количестве двух штук, этого, сказали нам, вполне хватит для переезда в пункт назначения. Купили и себе один “билетик”. Осмотрелись и зашли в стоящий рядом в беленький домик. Весёлый чёрно-белый щенок встретил нас у калитки. Одинокая и добрая старушка не только одарила нас луком и огурчиками, но и выложила нам с десяток золотистых подъязков и пирожков с луком и яйцом, а так же банку молока. Бабуля была разговорчивая и велела нам ждать “начальников” и не переживать попусту.

Не успели выпить молоко и съесть пирожки, как увидели причаливающую к берегу самоходку. По трапу спустились трое, два рыболовецких начальника и женщина, видимо секретарём собрания взяли.

Не торопясь, и не суетясь, подошли и мы. Сказали им, что и как. Попросили помочь, если можно.

- А чего ж нельзя, конечно можно, ждите. Сейчас начнём и часиков этак, в восемь, закончим пожалуй, ждите. Мы сунулись доставать “билетики”.

- Эт, ребята, вы бросьте. Придёте на борт, шкиперу и отдайте, если возьмёт. Вы не беспокойтесь, мы ему накажем, сегодня и дома будем...

Они пошли на собрание, а мы стали ждать. Вот, кажется, и собрание закончилось, люди выходили на крыльцо конторы. Жестикулировали, курили, говорили. И начальники наши вышли. И тоже курили, говорили. Но на берег, на самоходку, никто не шёл. И нарядные бабы бегали туда-сюда.

- Никак сабантуй будет ребята, сказал кировоградец.
- Несомненно, сказал высокий ленинградец.
- А нам, что делать, спросил тот, что местного разлива.
- А нам ждать, сказал последний, что тоже из Питера.

Ждали больше двух часов, силы ещё были, а вот терпение было уже на исходе. Пошли в контору. Собрание, оказывается, продолжалось, без повестки и регламентов, без бумажек, но говорили гладко и без запинки, притом ещё ели и пили.

- Робята-ы-ы, проходите ребята, присаживайтесь. Присаживайтесь и не стесняйтесь, скоро уже закончим, сказал один из начальников. Вер, усади робят, вишь, стесняются. Вера-секретарша быстро подсуетилась и вскоре покосники с Куржинки уже чувствовали себя совершенно свободно в незнакомой кампании. Здесь можно было по-настоящему разговеесть: рыба жаренная и вяленая, котлеты и холодец рыбные, уха, и не из петуха, пирог рыбный всё ещё главенствовал на столе. Всё было рыбное, даже икра, а вот кабачковой, что-то незаметно. Прошёл ещё час, когда один из начальник встал и сказал, что Отчётное собрание полностью и бесповоротно окончено. Самоходка заурчала, вздохнула несколько раз своим мотором и пошла по течению в Парабель. Через час мы уже пристали около её тёмного берега. Приехали? Нет, ещё не приехали.

Попрощавшись с хозяевами теплохода и поднявшись по высокой деревянной лестнице, увидели спящую Парабель. Уже начал монотонно накрапывать дождик, несмелый, но настойчивый. Вышли на главную улицу.

- И куда?
- Думать надо.
- Ладно, пошли потихоньку и придумаем что ни будь.

Прошли метров 200. Слева стояла слабо освещённая Милиция, а на её крыльце курил милиционер. Офицер милиции был своим видом очень похож на дядю Стёпу-милиционера из книжки – статный, плакатно подобранный, он внимательно смотрел на нас.

- Что, приехали? Покосники, как я понимаю?
- Приехали. Они самые.
- Подзарядились?
- Подзарядились чуток.
- Поднимайтесь, подумаем, что с вами делать.

“Дядей Стёпой” был Николай Николаевич, наш бывший участковый, менее года назад переведённый в райцентр. Он пропустил нас в кабинет. Закурили.

- Спать, конечно, негде?
- Негде.

- Значит так, соколики, пока никого нет, помещу я вас в камеру, тихо посидите, поспите до утра, а часов в шесть – выпущу на волю. Возражения есть? Возражений не было.

В камере тоже никого не было кроме какого-то горемыки, скрючившего на боку в сером пиджаке. Начали размещаться, шутки шутить, похохатывать. Вот теперь, однако, приехали....

Да нет, не ещё приехали.

Рано утром, в шесть часов, Николай Николаевич выпустил нас из камеры.

- Ну что, по домам?

- Так точно, товарищ капитан!

Трое пошли в сторону аэропорта, а я пошёл домой к знакомому врачу, ему моя жена должна была прислать цивильную одежду, дела у меня ещё были здесь. Хозяева только-только встали. Привет-привет, как дела-здоровье, что нового, всё это было произнесено за столом. Попили чаю и определились. Мне надо сходить в парикмахерскую и сбрить выросшую бороду, потом сходить в баню, вымыться от покосной грязи, затем сфотографироваться на документы, доложить своим командирам, что я приехал и готов к употреблению. Одним словом, программа напряжённая.

В соответствии с этой программой я и начал действовать и к половине первого, всё совершил. Однако, и подкрепиться не мешало бы. Сказано – сделано.

* * *

Я стоял на высоком крыльце местной Центральной столовой и поглядывал туда-сюда. Столовая была ещё закрыта, надо было подождать немного. Стоял и глядел на редко проходившие автомобили, на редко проходивших пешеходов, на воробьёв, собиравших какие-то крошки или семечки на тротуаре. Наискосок из дома вышел какой-то молодой человек по пояс раздетый и в соломенной шляпе, тоже огляделся и уставился на меня.

- Игорь, ты ли это?

- Я ли это! Николай, а это ты?

Это был мой школьный друг Коля-Николай!

- Подь сюда! Не стой столбом. Остолбенел, понимаешь!

Я перешёл улицу. Да, это был Николай. Обнялись, посмотрели друг на друга, хохотнули.

- Ты чего здесь?

- В командировку. А ты?

- Тоже в командировку.

- Ну, пошли ко мне, я один дома, мама на работе.

Зашли в уютный домик. Интересно однако, раньше он казался мне большим, а он совсем не большой. Чисто, полы покрашены зелёной краской, тихо играет музыка. Коля начал копошиться на кухне.

- Чегой-то пить будем?

- А квас в наличии имеется?

- А как же. И вина чуть-чуть добавим. Есть адмиральский Рислинг.

- Адмиральский? Всенепременно!

Сервировка была не долгой и вот воспоминания вскоре потекли своим руслом без остановки и с плавными поворотами. Он спросил меня о сегодняшних планах, у меня их уже не было. Предложил съездить не далеко в посёлок, забрать у его деда весло, понадобилось для каких-то дел. Возражений тоже не было. Сказал, что скоро должен подъехать его знакомец, с которым Николай уже договорился о поездке. Под окнами остановился

желтоватый «Москвич», вышел Николаев знакомец. Представился – Александров, Куприян – среднего роста, рыжеватый и чуть конопатый. Довольно редкое имя у малого. Присел, выпил квасу, что-то рассказал из местных новостей. Николай оделся попримичнее, чем голый торс и соломенная шляпа на голове, он её вообще снял, закрыл дверь на ключ, произнеся: Готов к труду и обороне!

«Москвич» сходу завёлся и мы поехали за веслом. Не успели доехать до маслозавода, как пришлось останавливаться. Какая-то молодая женщина с покупками явно высматривала попутную машину. Машины лениво огибали её. Остановились. Ей нужно в тот же посёлок, что и нам.

- Берём, спросил я у Куприяна?

- А чего ж, возьмём, конечно.

Молодая женщина оказалась с радиопередающего Центра, а здесь купила яиц целую сетку – тяжёлая, наверное. Она постоянно раскачивалась у неё в руках и она стыдливо улыбалась этому. Я сидел на заднем сидении рядом с нею, прямо за Куприяном. Начали с попутчицей потихоньку разговариваться – дорога, само собой, укорачиваться. Николай с Куприяном не стали отмалчиваться и не только активно вели беседу с моей соседкой, но и стали искать общих знакомых. Стёкла стали покрываться струйками дождя, он накрапывал, как сегодня ночью, примерно. Мы ехали уже не по центральной дороге, а по свёртку, прямо к деду Назару и бабе Насте, так зовут стариков, сказал Николай. Дорога местами была ухабиستا, местами – можно было хорошо “прижать”. Вот перед самым посёлком, да ещё и на повороте, Куприян и “прижал”. «Москвича» понесло влево, медленно, но уверенно, и прямо на шедший на встречу огромный КРАЗ. Вот теперь, наверное, приехали... Бампер грузовика был солидный и впечатляющий, приближался к нам неумолимо. Водитель грузовика отчаянно выворачивал руль, а мы неслись на него, в него мы и впечатались. Водитель КРАЗа ничего не смог сделать, что бы избежать удара. Вот это и есть судьба-а-а... Пару секунд назад было всё хорошо, а пару секунд спустя – всё плохо! Я больно ударился коленками о переднее сиденье, Николай обхватил руками голову, женщина из Центра осталась с почти пустой сеткой – разбитые яйца недожаренной глазуньей колыхались на полке «Москвича». Все тупо молчали, очень тупо молчали. Минуту спустя подбежал водитель КРАЗа, испуганно заглядывая в салон, прокричал: живы? Живы-живы, ёкорный бабай... Потихоньку вылезли из машины. Женщина молча пошла в свой радиопередающий Центр, что оказался прямо напротив нас. Руки Николая были в крови – разбил голову, я сжал коленки руками, так было легче, только Куприян был цел, не считая, конечно, его Антилопы Гну. Колёса её вращаться не уже могли и капот был смят, и всё впереди тоже.

- Что будем делать, спросил водитель КРАЗа?

- Поможешь дотащить её дома?

- А где это?

Николай показал рукой. Было не далеко. Водитель с Куприяном зацепили «Москвич и КРАЗ потащил его к дому деда Назара. Мы с Николаем обогнали их и разгородили городьбу огорода, показывая водителю, чтоб заезжал туда. В конце концов «Москвич» стал на новую стоянку, как пострадавший в бою танк на «Площади Борцов».

Дед Назар и баба Настя хлопотали около Николая, кровь у него продолжала сочиться из головы. КРАЗ вернулся на центральную дорогу и поехал по ней дальше. Куприян всё ходил и ходил вокруг своей машины. Ещё

покурили, невесело поговорили и баба Настя скомандовала идти в дом. В доме умылись, Николай промыл голову, а я ножницами выстриг вокруг глубокой раны на голове волосы и засыпал всё стрептоцидом, как раньше учили. На улице быстро стемнело, дед Назар велел бабушке накрыть на стол, поставил на него бутылку красного – вам теперь можно, говорит. Перекусили и отказались от предложенной бабой Настей бани – домой пойдём. Какой домой, запричитала баба Настя. Домой-домой, поставил точку Николай. Деда, давай весло, ведь мы за ним приехали. Да, теперь, наверное, точно приехали.... И на долго.

Обратная дорога была пешеходная. Машин ни встречных, ни попутных, не попадалась – воскресенье... говорили о том, как в жизни всё может измениться в один момент, жалели Антилопу Гну, но что поделаешь – Судьба-а-а-а.... В Парабель пришли поздно, я пошёл спать к другу-врачу, встретила его супруга меня вопросом,

- Из бани?

- Из бани, из бани...

Фронтовик.

Мой прадед – Красиков Константин Лукьянович, прожил на свете 90 лет. Умер он, 30 июня 2004 года, в Парабели. Приехал он из Омска, где жил с бабушкой – Анастасией Семёновной и взрослыми уже сыновьями: Владимиром, Геннадием и Николаем.

Был он уже старенький, говорил о войне мало, а я знаю о ней со слов моего деда и его сына – Красикова Юрия Константиновича.

Родился Константин Лукьянович в 1914 году, перед началом I-ой Мировой войны в Омской области, в селе Масловка, Называевского района, в крестьянской семье.

Семья была большая, хозяйство тоже не маленькое. В хозяйстве было всё: кони, коровы, овцы, всего не перечислишь. Конечно, были все необходимые постройки, начиная с бани и заканчивая – каретником, в котором находились не кареты, конечно, а сани, телеги, брички и тому подобные средства передвижения – летние и зимние.

И самое главное: была у них Земля, для пшеницы, овса, ржи. Земли хватало. Была и «под пар», и для посева разных технических культур: подсолнуха и конопли, например.

Дело происходило в Сибири, земли свободной было не мерено, крестьяне в Сибири были всегда свободными, помещиков никогда здесь не

было. Люди были работающие и дружные, семьи большие и дружные, родственников и в деревне, и в округе, и даже в городе – много.

Край был богатый. Омское сливочное масло, например, продавалось даже в Петербурге под названием «Провансальское», и от его продажи государственная казна получала денег больше, чем с Сибирских золотых приисков на Лене.

Армейские офицеры, вышедшие в отставку, старались поселиться на старости лет не в каком ни будь городе под Тулой или Самарой, а старались жить в Омске, так как город до революции он был одним из самых «дешёвых» в России. На армейскую пенсию семье отставного офицера русской армии можно было безбедно прожить и детям дать приличное образование.

И в деревне, бедных, в общем-то, не было.

Бедные появились позже, в 30-х годах, после революции 1917 года, когда началась коллективизация – насильное переселение свободных людей из одного места в другое. Крестьян разделили на категории:

Одних – оставили на месте, на родине, в своих родных деревнях и сёлах и деревнях, только потом многие из них захирели и исчезли с лица земли, Жирновки, Константина Лукьяновича деревни, уже давно нет.

Других посадили на баржи-лихтеры и повезли вниз по Иртышу, потом вверх по Оби, в Томскую область.

При таком переселении многие люди погибали, семьи разбивались и если привезли их вместе, то уже на новом месте селили родных людей в разных местах – за десятки и сотни километров друг от друга.

Так, в 1931 году Константин Лукьянович оказался на реке Васюган, в таёжном краю, где жили только остяки и ханты, которых теперь всех называют селькупам. Русских, почти не было.

Ровно через 10 лет началась Великая Отечественная война.

В 1941- 42 годах спецпереселенцев-мужчин (так называли сосланных), на фронт не брали. Практически всё мужское население считалось неблагонадёжным, все они находились, как тогда говорили, «под комендатурой», под надзором комендантов, уполномоченных и их подчинённых.

А уже в 1943 оказался Константин Лукьянович в армии. Вначале это были учебные части в городах Бийске и Новосибирске. Здесь будущие воины изучали и овладевали какой-либо воинской специальностью: танкистов, связистов, артиллеристов и всех других, которые нужны были фронту.

Хотел не хотел, попасть на фронт, об этом речи не было. Не хотелось только молодым солдатам попасть в танковые войска, не пользовались они у солдат тогда почтением.

Затем формирование, фронт, действующая армия и твоя воинская часть, твои будущие товарищи, с кем и воевать, и спать – всё вместе.

На фронте прадед стал телефонистом. Задача командирами перед ними ставилась понятная и простая: обеспечивать бесперебойную телефонную связь между подразделениями. Между взводами, например, или левым и правым флангом подразделения – роты, батальона.

Солдату нужно было окопаться, установить телефон, лучше всего на кануне, ночью, протянуть телефонную линию, а во время боя обеспечивать

эту самую, бесперебойную связь, не смотря ни на что. Если снаряд, мина или пуля перебьют телефонный провод, то с винтовочкой, перебежками и ползком “пройдись” вдоль линии, найди повреждение, устрани и доложи: «Связь восстановлена!». И нужно это было делать быстро и даже ещё быстрее.

Рассказывали, что устраняя повреждение один телефонист нашёл перебитые концы провода, зачистил их, но соединить не успел – был тяжело ранен. Тогда он зажал во рту оголённые провода. Так его и нашли после боя мёртвым. Но связь во время боя была! Это было главное.

Таскали бойцы-связисты для этого на себе, весьма неудобную и тяжёлую катушку с длинным телефонным проводом.

Противник, ясное дело, особо охотился за телефонистами, старался подстрелить их, и тем самым, пресечь связь между нашими бойцами подразделений. Требовалось умение и не малое везение, что бы остаться живым и выполнить боевую задачу.

Нужно ещё научиться, под обстрелами и пулемётным, и всяким другим огнём, быстро бегать. Такая способность, говорили солдаты-связисты – была наиглавнейшим условием сохранения жизни солдата.

Итак, Главным орудием для выполнения этой задачи были телефонная трубка и катушка с телефонным проводом. Была она тяжёлая и неудобная, в отличие от немецких или американских, которые стали попадать к ним в конце войны.

Трофейные, сами понимаете, появились раньше американских. Были они легче, а провода в них было больше. Американские же, попадали в действующую армию, как тушёнка, галеты или лёгкие и надёжные телефонные аппараты и старшина всегда старался заполучить их в своё «хозяйство».

Особо и рассказывать, в общем-то, нечего, на войне, как на войне. Фильмы, надо смотреть, правда, не все. А то такое порасскажут...

В Польше, там для него началась «настоящая» война, он получил медаль «За освобождении Варшавы».

Дед Юрий говорит, что солдаты очень неохотно говорят и говорили о войне, боевых действиях, о том, что сейчас называют «окопной правдой».

Это касается и фронтовиков, участников Великой Отечественной войны, и воинов-афганцев, и тех, кому довелось воевать в Чечне.

Нет, наверное, на войне тех красотостей, как в книгах у писателей или в рассказах военных журналистов.

Одни воют на передовой, другие «подскакивают» к ней, хотя тоже можно голову сложить. Но «Правда», у них, получается, разная.

Могут ещё старые солдаты рассказать о мирных днях на войне, когда могли отдохнуть душой и телом, забыть на какое то время грязь военной жизни, жестокой и беспощадной, злой и подлой, а про саму войну рассказывать не любят. То, что сегодня называют «ратным подвигом», было для них простыми, каждодневными буднями.

Польская кампания была жёсткой и не простой, но она проходила, всё-таки, не на своей земле.

Константин Лукьянович продолжал воевать телефонистом, а впереди была Германия. Там, война была ещё тяжелее.

Особенно вспоминались ему бои на реке Шпре, взятие Зееловских высот, бои за Берлин и в Берлине. Кстати, фронтовики тогда произносили слово «Берлин» с ударением на первом слоге.

К этому времени у военных телефонистов, сослуживцев Константина Лукьяновича, сложилась дружная команда – все обо всех всё знали: откуда пошёл на войну, кто остался дома, чем занимался в мирное время? Никто из них ранее не служил в армии.

Кого только не было: Карандевич пошёл на фронт добровольцем в 17 лет. Галыга, надёжный и немногословный товарищ, перед войной сидел в тюрьме, а сейчас был весь в медалях и орденах. Третий, балагур и весельчак, был мастером на все руки: мог на полном ходу спрыгнуть из кузова мчащегося автомобиля, и нарисовать, для смеха, на листе бумаги, немецкую «марку», не почтовую, а ту, что валютой называется.

**Служили и воевали вместе,
вместе встретили Победу.**

Войсковая часть называлась так:

«Отдельный батальон связи, 301 стрелковой дивизии, 9 стрелкового корпуса, 5-й ударной армии, 1-ого Белорусского фронта».

Если посмотреть на карту Берлина тех дней, то увидишь, что располагалась дивизия (дивизия!, а не полк или батальон) в самом центре столицы фашистской Германии, в окружении правительственных зданий, где находились имперская канцелярия, министерство ВВС, гестапо, недалеко возвышались величественные Бранденбургские ворота, на которые он, уже

когда закончились бои, поднялся посмотреть на Берлин. Картина была незабываемой!!!

В ночь с 1-ого на 2 мая он спал, где-то в каморке разбитого магазина, но был разбужен своим друзьями. Через их коммутатор шли переговоры с Рейхстагом, о прекращении в 10 часов утра огня между гитлеровцами и нашими войсками, и последующей капитуляции Берлинского гарнизона!

Командовал 301 стрелковой дивизией полковник Владимир Семёнович Антонов. У деда Юрия есть его книга «К последнему рубежу», а у Константина Лукьяновича такая же книга с дарственной надписью самого Антонова осталась в Омске. В книге описывается путь дивизии этой от начала до конца Великой Отечественной войны.

Командиром 9 стрелкового корпуса был генерал Иван Павлович Рослый. Его фронтовая фотография, привезённая с войны Константином Лукьяновичем, есть в альбоме у деда.

5-й ударной армией командовал Николай Эрастович Берзарин, который затем стал первым комендантом Берлина, и ещё позже – погиб – здесь же, в Берлине. Оба они были Героями Советского Союза.

Бои за Берлин, были очень упорными. С яростью обречённых немцы оказывали сопротивление нашим войскам. Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, который командовал 1-ым Белорусским фронтом и был заместителем Верховного Главнокомандующего, в своей книге «Воспоминания и размышления» пишет:

« Последний бой за имперскую канцелярию, который вели 301-я и 248-я стрелковые дивизии, был очень труден. Схватка на подступах и внутри этого здания носила особо ожесточённый характер ».

В имперской канцелярии находился последний бункер Гитлера и сам Гитлер и все его помощники, поэтому защитники её, эсэсовские части, стояли на смерть.

2 мая 1945 года в Берлине с врагом было полностью покончено.

9 мая гитлеровская Германия полностью капитулировала. Война закончилась.

Война, начавшаяся в 1941 году, наконец, закончилась и, закончилась победоносно! А всё могло закончиться очень плохо для нашей страны.

Гитлер готовил войну с нами не на пустом месте. Немцы имели не только сильную, испытанную в боях и находившуюся в полной готовности армию. Они создали идеальную военную машину, которая раз за разом, захватывала всё новые страны Европы.

В начале войны мы отступали перед отлично взаимодействовавшей пехотой, артиллерией, танками и авиацией гитлеровцев. Немецкая армия была не просто сильнейшей армией мира, а самой сильной! Она была сильнее Красной Армии, ослабленной жестокими и несправедливыми репрессиями. Она была лучше подготовлена, выучена, вооружена. Она имела опыт победоносной войны.

Немецкие командующие в этот период лучше и глубже думали, чем наши молодые и неопытные командиры. Мы учились в ходе войны,

кровавопролитных боёв и выучились, и стали бить немцев, ту армию, на стороне которой было преимущество во всех отношениях!

1418 дней и ночей понадобилось нашему государству, чтобы разгромить фашистскую Германию.

17 июля 1945 года в пригороде Берлина открылась Потсдамская конференция с участием глав правительств. На ней нужно было решить судьбу поверженной Германии. Место, где проходила Конференция, была окружено тройным кольцом охраны.

В третьем кольце стояли простые советские солдаты, правда, в новой форме, в новых сапогах и прочее.

Среди них был сержант Красиков Константин Лукьянович. Было очень торжественно и красиво. Специально к этому дню были солдатами высажены сотни деревьев и тысячи декоративных цветов.

Войну ведут солдаты, а заканчивают её политики, которым соответствующий «антураж» требуется.

Для Константина Лукьяновича война закончилась только в 1946 году.

После Берлина, был ещё город Росток, на берегу Балтийского моря. Эта была уже не война, шла простая солдатская «Служба». Потом подошла и демобилизация.

В Берлине он был в Рейхстаге, где расписался, как многие другие солдаты на его стенах куском угля: «**Костя из Нарыма**», фотографировался со своими друзьями-фронтовиками, кинохроникёры снимали в центре Берлина, довольно таки, часто. Лежит, может быть, где-то на полках, эта кинохроника, с теми радостными лицами советских Солдат – Победителей.

В городе Росток перед выборами в Верховный Совет СССР был он на предвыборном собрании с будущим депутатом Георгием Константиновичем Жуковым.

На фронте были получены дорогие для него награды: медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией».

Всего же юбилейных наград было 17 штук, но эти были самыми дорогими и памятными. В начале он одевал их «по случаю», а потом стал носить только «планки».

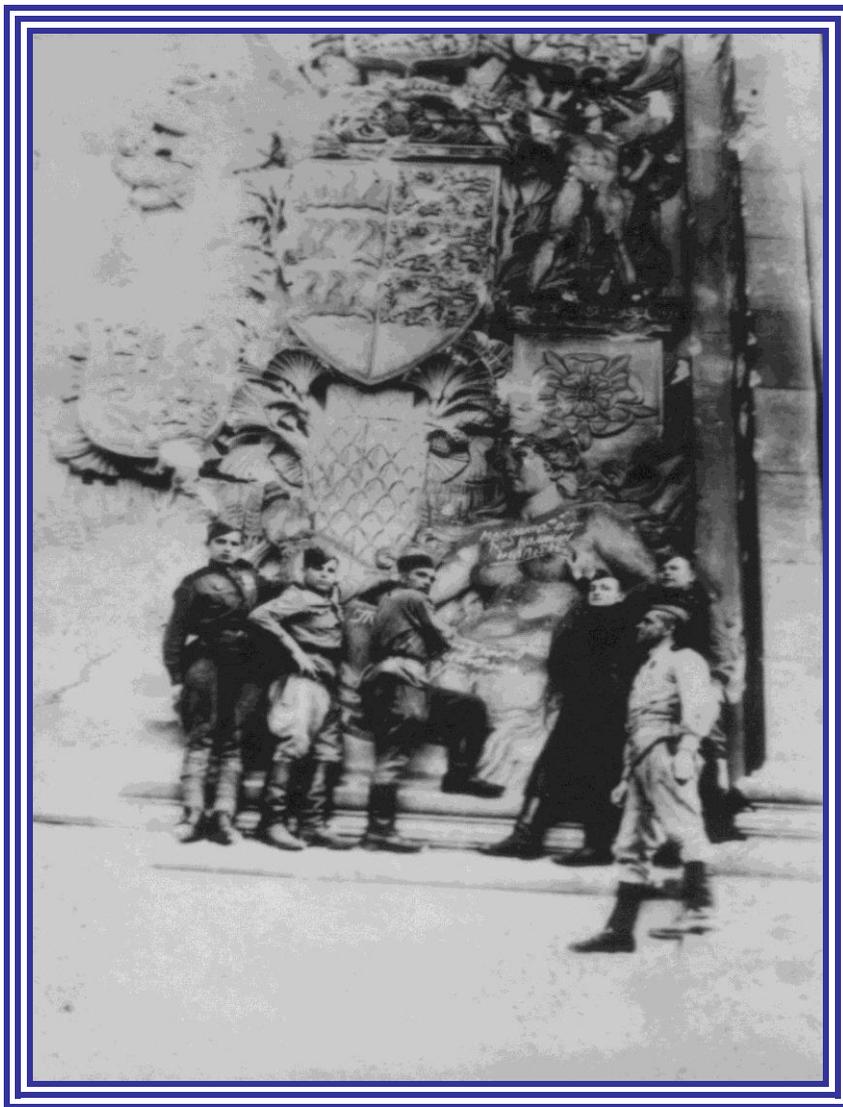
**«Костя, когда взглянешь на это фото, вспоминай нас.
Алексея, Ивана Ивановича и всех остальных».**

Надпись на фотографии.

С некоторыми однополчанами он переписывался несколько лет после войны, к некоторым ездил в гости, к Праздникам, посылал обязательно открытки поздравительные, потом большинство сослуживцев друг друга потеряли, а сейчас, их, наверное, уже нет.

Никогда после войны он не “kozyрял” тем, что был на фронте и защищал свою Родину. Это было не принято фронтовиками.

Это делали сотни и тысячи простых людей со всей страны и фронтовики относились к этому, в общем-то, обыденно, без пафоса. Эта была, наверное, их работа, их обязанность. Наверное, так.

Берлин. Май, 1945 год. Победители.

Та война осталась в прошлом веке.
Может, мы забыть её должны?
Может, в современном человеке
Нет ощущения той войны?

Нет, нельзя оставить в прошлом веке
Честь и славу, память о войне.
В нас она, в живущем человеке,
В каждом, детях, внуках и во мне.

Почему мне кажется, не знаю,
Что, пока стоят они в строю,
Словно снова Родину спасают,
Охраняют жизнь они мою.

Н. Притула,
Преподаватель Парабельской гимназии.
из книги «Парабель – моя Родина»

Красиковы.

В 1931 году из Омской области привезли на таёжную реку Васюган спецпереселенцев, раскулаченных, как тогда говорили. Со стороны отца, Красикова Константина Лукьяновича, приехал отец – Лукьян Иванович, мать его Екатерина Ивановна, братья Андрей, Василий, сестра Шура.

Со стороны мамы, Анастасии Семёновны, её отец – Семён Васильевич, мать Евгения Панфиловна, брат Афанасий, да сестра Мария.

Отцовский корень был из Называевского района, деревни *Масловка*. Мамин род из Готьковского района, села *Курсаново*.

У себя на родине они занимались, как сейчас говорят, сельским хозяйством. Скота, овец, птиц, коней и прочей живности было очень много не потому, что эксплуататорами были, а потому что в Сибири в то время бедных не было, не было помещичьего землевладения, земли было не мерено, люди были свободными, а, главное, свободными росли и свободно работали.

Семьи большие, в папиной семье ребятишек родилось 17 человек, правда, в живых осталось четверо, остальные маленькими померли.

У мамы все родные жили под одной крышей, самый настоящий колхоз. Тётя Маша и моя мама, выросли вместе. Вместе затем оказались на Васюгане.

На деревню (как и везде) приходилась, конечно, 1-2 семьи, которых можно было назвать бедными – непутёвых, «пустодомиков», всегда можно было найти, в семье не без уroda.

А если серьёзно, жили в достатке, что поесть, и что одеть, было всегда. Не бражничали, не буянили, в Бога верили, жили дружно.

Так было до 1917 года. Потом революция. Про это писать не буду, написано без меня много и всякого. Скажу лишь, что контрреволюционеров среди наших не было, в армиях Колчака и прочих «спасителей» тоже не были, впрочем, и в Красной Армии не состояли.

Когда началась коллективизация, то в деревнях мало, как тогда говорили, «справных» осталось, то есть зажиточных крестьян, да и грех на такой земле, да с добрым, работающим и дружным народом, плохо жить. Так вот, всех кто мог и умел трудиться, с семьями, погрузили на морские баржи (сейчас называются – «лихтерами») и повезли вниз по Иртышу, неизвестно куда..

Семью Поповых (это мамина девичья фамилия) ссылали всего три раза. Объявят сборы, увезут куда-то, а потом отпускают домой. Некоторый раз увозили недалеко от родных мест, другой раз, аж до Новоникалаевска (Новосибирска) почти довозили.

Всё бы ничего, да думали, что и сейчас пронесёт. Не пронесло. Повезли вниз по Иртышу, затем вверх по Оби.

В Каргаске перегрузили горемычных на плоты, и буксир потянул их по Васюгану, в болота и таёжную и комариную глухомань, край остяков, хантов, немногочисленных русских.

Плохо? Плохо, посчитали они, что опять ложные сборы и вернуться скоро домой. Не взяли в этот раз с собой всего необходимого, как брали в первые раза, и просчитались. Ехали поэтому впроголодь всю дорогу.

Высадили на пустынных берегах, без еды, Жилья нет. В первую зиму умерло больше половины спецпереселенцев. Мама пережила два тифа – простой и возвратный. Умерла бы, да брат Афанасий выходил, кормил разжёванным им мякишем хлеба.

Умерло тогда, как теперь подсчитали, больше половины спецпереселенцев.

Кто выжил, начал обживаться, строить дома. Дядя Афанасий (тогда, конечно, молодой мужчина), мастеровитый и способный к любой работе, был как раз в такой бригаде. У них, строителей, была «пайка» немного больше, чем у остальных, может быть, на этой добавке и выжила мама.

Возникали новые семьи, из детей новых поселенцев.

На одном месте спецпереселенцы не жили – власть постоянно двигала человеческие массы. Сегодня в посёлке один контингент, завтра другой. Родители живут в одном месте, дети в другом. Так перед войной Поповы и Красиковы оказались в одном месте и породнились. Родились дети: Владимир, Геннадий, Николай.

Отец воевал. Окончил войну в Берлине. Его брат, дядя Андрей, погиб в Маньчжурии, брат Василий отвоевал в полковой разведке, тётя Шура жила в Таджикистане, но «пришлось» вновь «двинуться», сейчас живёт в устье Оби.

Мамин брат, дядя Афоня, убит на фронте в 3 февраля 1943 году.

Я, Юрий, родился после войны, в 1948 году в с. Новый Васюган, 17 августа.

В этот день была здесь большая буря, деревья валило, крыши домов поперёк улиц ставило, град был очень крупный и обильный.

17 августа 1998 года, когда мне исполнилось 50 лет, случилась ещё одна буря, уже по всей России – «дефолт» называется. Много денег в тот день люди потеряли, не сосчитать.

В нашей семье деньги были небольшие, но во второй раз за 90-ые, потерял почти все. Как-то посчитали с «домашними», сколько таких рубликов улетучилось. Получилось, что на них можно было в своё время купить автомашины «Волгу» и «Жигули» в придачу – 16 тысяч, примерно.

Правда, нам это не впервые: 1931 год, затем 1991, потом 1998 год. Будет ли ещё – кто его знает, всё может быть.

В 1956 году Васюганское жильё для нас, закончилось – приехали мы на пароходе «Антон Чехов» в Каргасок. Из него через неделю, Парабель. В Парабели много больше людей жило, чем в Новом Васюгане. Уклад жизни был иной, чем в Новом Васюгане, люди, тоже иные. Старшие братья, с трудом привыкали к новому месту – к Парабели.

Впервые газированную воду попробовали. Язык, на котором парабельцы разговаривали, как я потом понял, полублатным был, народ

почти по «фене ботал», сам того не замечая и не понимая этого. Впрочем, в Васюгане язык тоже особой «чистотой» не отличался, но в Парабели было это заметнее.

Время такое было, что все люди имели самое прямое отношение к системе лагерей, к наказаниям, тюрьмам и т.д. На таком языке, естественно, и дети разговаривали.

Учился в Парабели в 2-ух школах: на улице Шишкова – семилетней, затем, в средней – на Советской.

В ней окончил 11 классов в 1966 году. В этом же году, но 10 классов, окончил Парабельскую школу приехавший из Тевриза, Каргасокского района, сродный брат Валерий, сын тёти Маруси, (у них в Тевризе была только восьмилетка).

После школы я поступил в Омский ветеринарный институт – который затем бросил, дурак был, конечно, и не маленький.

Во второй раз поступил в Томский государственный университет, отделение «литературы» – снова бросил. В третий раз поступил туда же, в ТГУ – отделение «история» и опять бросил. В четвёртый раз отступить было некуда. Поступил учиться в Омский Государственный им. Горького педагогический институт, факультет истории и обществоведения, закончил который в 1980 году, бури-урагана, на этот раз в природе замечено не было.

В 1968 году в славном посёлке Берёзовка, куда я поехал на 1 год, как мне казалось, стал я работать в восьмилетней школе. В 1969 году женился на Кларе Витальевне Едуковой, а в сентябре родился сын, названный Андреем.

Жил же я Берёзовке 17 лет, а в 1986 году меня перевели на работу в Райисполком, семья перелетела в районный центр Парабель. Вернулся на вторую Родину вновь.

К этому времени в семье была уже Вика, которая поступила учиться в Парабельскую среднюю школу, которую я ранее окончил. Земля, как известно, не только круглая, но и тесная.

В Берёзовке я работал учителем, завклубом, председателем Исполкома сельского Совета. В Парабели продолжал работать в райисполкоме заведующим организационно-инструкторским отделом, заместителем председателя райисполкома, Управляющим Делами райисполкома, заведующим отделом социальной защиты. Потом стал изменяться «социальный строй» в России и по некоторым причинам, я ушёл из районной Администрации, о чём сегодня нисколько не жалею – поганенькое было время.

С мая 1993 года работал учителем истории в Парабельской средней школе, классным руководителем у Вики, кстати.

В классе было 30 человек, на экзаменах никто не получил троек (их вообще никогда не было), получили 9 медалей, 5 «Серебряных» и 4 «Золотых», практически все они поступили в ВУЗы, чем искренне горжусь.

В 1997 году из школы вновь был призван в ряды «советских» работником. Стал заместителем Главы района по социальной политике, затем, Первым заместителем Главы района, и вновь начальником отдела по работе с населением – это к вопросу о «круглости» Земного шара в отдельном взятом месте.

В 2002 году, 3 августа попал в больницу, как оказалось, очень крепко, с инсультом. Затем инвалидность, увольнение с работы по состоянию здоровья.

«Соорудили» товарищи мои “новую-старую” работу для меня – «специалист по работе с населением». Стезя такая.

Да, стезя такая. 20 августа 2005 года вновь инсульт. 23 ноября того года, отработав 38 лет, стал инвалидом 1-ой группы, 3 степени, вышел на пенсии и нахожусь, теперь уже крепко, дома.

*Мысли по поводу... и без повода...**

- Некоторые молодые люди со временем набирают вес, а другие – только массу.
- Ошибки, легко допускать, если не думаешь, а вот исправить их порой невозможно.
- Яйцо курицу не учат, если оно яйцо.
- Не спеши – быстрее закончишь.
- Как дело делать, думай хоть неделю – закончишь за день.
- Когда сказать нечего – молчи. Если есть чего сказать – лучше тоже молчи.
- Всегда, ума на копейку, дурости на рубль.
- Умный человек – находит деньги. Глупый – только теряет.
- Не бросайся словами – их не так уж и много.
- Нет молчаливой хулы.
- Нет худа от молитвы.
- Делай добро молча. Делать его никогда не рано, и никогда не поздно.
- Начиная говорить – думай, как закончишь.
- Правда не сияет, да и ложь быстро тускнеет.
- Сказанное слово всегда возвращается.
- Чем меньше скажешь – тем больше услышишь.
- Если ведёшь себя хорошо, то и смело ведать можно обо всём.
- Сажа вверх летит, да вниз опускается.
- Говорит красно, да делает черно.
- Слово не воробей: вылетит, прицелится, да как жажнет...
- Не смотри, что в тебя залетает, а смотри – что вылетает.
- Когда дело сделано – то этим всё и сказано.
- Она ширилась и шиперилась, а теперь сузилась и скукожилась – но это своё.

- Кот как не блудит, а домой идёт.
- Своё болото, да родное. (*особенно, если они называются Васюганское*)
- Где родился – там и Родина.
- Пустил корни – не руби их, всё погубишь.
- Он всегда всем говорил, что понимает всё, но он ни понимал одного – что он ничего не понимает.
- Команда «Газогенератор» приносила болельщикам почти одни радости – правда, болельщикам чужих команд.
- Последняя книжка, которую она листала – была зачётная.
- Кесарю – кесарево, а мне, моё.
- Если хочешь, чтоб тебя услышали – говори от чистого сердца, но не громко.

Автобиография.

(написал по просьбе Парабельской Центральной районной библиотеки)

Родился я в 1948 году, 17 августа, в с. Новый Васюган, тогда Ново-Васюганского, а затем Кургасокского района. В 1955 году пошёл учиться в среднюю школу в этом селе, а в 1956 году мы уехали в с. Парабель, где и закончил в 1966 году “курс наук”.

После школы поступил учиться в Омский ветеринарный институт, но не понравился он мне тогда, уехал в Томск и начал работать научно-исследовательском институте полупроводниковых приборов старшим лаборантом, потом работал в Парабели в средней школе лаборантом кабинетов физики и химии.

Затем в 1968 году добрые люди посоветовали самостоятельно пожить и поработать учителем в Берёзовской восьмилетней школе, и я согласился. Работал, заочно учился в Томском университете на отделении литературы, там же на отделении истории, а затем понял: не моё, и поступил в Омский педагогический институт им. А.М. Горького и стал учителем истории и обществоведения.

В 1981 году избрали меня председателем Исполкома Берёзовского сельского Совета, а в 1986 году перевели работать в Парабельский райисполком, в котором работал я и начальником организационного отдела, и заместителем Председателя райисполкома, и начальником отдела социальной защиты.

Потом был перерыв на этой работе, уходил и работал учителем истории в Парабельской средней школе, пока вновь не был “призван” уже в Администрацию Парабельского района, где и работал заместителем Главы района по социальной политике, затем Первым заместителем Главы, Управляющим Делами и начальником отдела по работе с населением Парабельского района.

В 2002 году стал инвалидом и по состоянию здоровья не мог работать на прежнем месте и до 2005 года работал в отделе культуры методистом, пока окончательно не “обезножил” и не мог уже работать вообще.

В 2003 году написал маленькую Новогоднюю пьеску для внука, учащегося Парабельской гимназии, она была поставлена гимназистами, но я при том уже не мог присутствовать, зато врем начал тыкать пальцем на компьютере и написал, что написал...что-то писал для газеты «Нарымский Вестник» – вот так получилась небольшая книжка «Судьба-а-а-а...».

12 ноября 2010 года, Парабель.

Ю. Красиков.

Головины.

Младшую сестру мамы, звали Мария, Мария Семёновна Попова, значит. Как и старшая, изведала она все васюганские прелести. После войны, познакомилась и вышла замуж за Фёдора Васильевича Головина, родом он был из Новосибирской области, недалеко от васюганья, тоже “за болотом”, и, как и положено было жителям тех краёв, объездили не мало, вобщем-то, редких сёл на берегу этой реки.

С фронта пришёл он старшиной с медалями и с орденом Красной звезды. Работать он определился Председателем Исполкома сельского Совета, Мария выучившись тоже, стала работать начальником почты. Было это в селе Новый Тевриз, на берегу реки Васюган, население полностью соответствовало всему васюганскому житью-бытью. Социальная сфера, немногочисленна – Почта, Клуб, да Школа. Недалеко от них, но то же в Тевризе, жили и родители Марии – Семён Васильевич Попов и Евгения Панфиловна, жена его.

В семье Головиных росли почти погодки: Валерий, Татьяна и Сергей.

Буду писать только суть. Новый Тевриз, посёлок лесозаготовителей, как и полагается таковому, был не большой, и школа была не большая – восьмилетняя. Валерий успешно закончил её, но поехал не в свой райцентр Каргасок, а в Парабельский район, где к этому времени жили Красиковы, и стал учиться в 9 классе. Жили они в одной комнате с Юрием, он ходил на класс старше, школу, правда, они закончили в один год – 1966. Было тогда принято такое решение в верхах, и получилось два выпускных потока, и десятиклассники, и одиннадцатиклассники в один год закончили “курс наук”.

Валерий поступил в Томский политехнический институт, на ещё мало изведанный, физико-технический факультет. Закончил, и был определён в Таджикистан, г. Чкаловск. В городе этом работал первый в СССР комбинат, связанный с урановым производством, а в Томском политехническом, его и учили данному делу. К этому времени он женился на Елене Ивановне Дикман, тоже “*наших кровей*”, вместе школу в Парабелли закончили. Лена в Томске окончила медицинский институт и стала фармацевтом. Там же, в Чкаловске, родились у них дети, Роман да Сергей.

Более-менее спокойная жизнь закончилась в начале 90-х. республика решила жить самостоятельно, г. Чкаловск, в котором жили в основном русские и немцы, со своим производством, оказался не нужен.

Ребята к этому времени закончили школу и поступили в Новосибирский университет. Другой раз, не было даже денег на авиабилет до Новосибирска, благо, что из Комбината военные лётчики вывозили “произведённый продукт”, и “прихватывали” студентов.

А из Таджикистана пришлось уезжать. Переехали Головины в Казахстан, г. Степногорск, в городе том, было аналогичное чкаловскому, производство.

Затем высшие руководители перевели Валерия в Россию, в Читинскую область, г. Краснокаменск. Город был молодой, построенный специально для добычи Урана, нигде больше в России его не добывали. Там тоже работал Комбинат соответствующего направления. Валерий стал Генеральным директором Приаргунского горно-химического Комбината.

Роман, старший сын, окончив Новосибирский университет и поработав, уехал в США. Работа у него хорошая, всё остальное, дай Бог каждому. Сергей

остался в России, там и трудится – в Новосибирске, учёный, доктор физико-математических наук.

Татьяна, дочь Марии Семёновны, окончив школу и Томский медицинский институт. По распределению попала в Омск, вышла замуж, но не через некоторое время муж умер, сейчас работает в Омске, во главе некой аптеки, её дочь Лена, окончила в Омске университет, стала юристом, живёт и работает сейчас в Москве.

Сергей, после окончания школы, закончил техникум, получил специальность, связанную с переработкой нефти. Работал в разных городах по этой специальности. Работая в г. Ачинске, потерял сына Илью, молодого, перспективного спортсмена, убитого днём во дворе собственного дома каким-то отморозком. Через несколько лет убили такие же отморозки рано утром и жену его Людмилу (*к стати, тоже омских, спецпереселенческих кровей, из Сидельниковского района*). Пришлось Сергею собираться, остался совсем один, и уехать в Омск.

В Омске уже жили, кроме сестры Татьяны, парабельские Красиковы: Анастасия Семёновна с Константином Лукьяновичем, их дети Владимир, Геннадий и Николай. Вот через год-другой, Сергей и женился на Наталье, дочери Николая. Сейчас у них растёт Мария Сергеевна Головина, самых настоящих омско-васюганских кровей.

Одним словом, проживают в Омске очень многие бывшие спецпоселенцы из Васюганских болот. Одни ушли “через болото” зимой и осенью ещё до войны, других, власти отпустили после войны. Осталось в нашем, Парабельском, да и в соседнем Кургаском, их не так много. Весь север Томской области они подняли на своих руках. Ошибаюсь, не север области, а всю область спецпоселенцы Алтайского края, Омской области и некоторых других территорий.

Родословная Клары, моей жены.

Клара свою «Родословную», знает плоховато, поэтому я напишу то, что сам немного знаю.

Родилась она 10 февраля 1951 года в посёлке Берёзовка, Парабельского района, Томской области. Училась в Берёзовской школе, затем на Шпалозаводе (село напротив Нарыма).

После окончания средней школы поступила в Томское культпросвет училище и стала работать дома – в Берёзовской сельской библиотеке.

В 1969 году вышла она замуж за меня, Красикова Юрия Константиновича, а 21 сентября 1969 года, родился у них сын Андрей, который живёт сейчас в Парабели.

Отец её, Виталий Дмитриевич, работал Старшим механиком Берёзовского лесозаготовительного участка, или «Пункта», как ещё говорили.

Мама Клары: Нина Константиновна, работала Санитаркой Берёзовской участковой больницы, но после «Закрытия» оной, стала работать техничкой Общежития Берёзовского ЛЗП, других работ в Берёзовке почти и не было. Была ещё Метеостанция, Школа, Аэропорт да Лесничество. Вот вокруг них и «крутилась» Берёзовская жизнь.

В семье, кроме неё были ещё, Олег, старший брат, и Ирина, младшая сестра.

Олег закончил Новосибирский медицинский институт, и вместе с женой Валентиной и сыном Виталием, жили на Урале, в г. Березники, Пермской области.

На работе, дежуря по «Скорой помощи», он попал в автоаварию и оба с водителем – 2 апреля 1973 года, погибли близ г. Соликамска.

Сын Олега, Виталий, вырос без отца, в г. Куйбышеве, закончил школу и медицинское училище, тоже умер на работе.

Сестра младшая Ирина, закончила в Новосибирске фармацевтическое училище, работала лаборантом в Новосибирске и в Берёзовке, где и была убита своим мужем 25 мая 1985 года. Был он осужден на 10 лет, где и умер в заключении, не дожив до конца «срока».

Дочь Иринина, Вика, стала дочерью Клары и мужа её, Юрия. В Парабели она закончила среднюю школу, затем Международный факультет Управления Томского Государственного Университета и работает сейчас в Администрации Парабельского района.

Она замужем за Вахидом Гусейн-оглы Гадимовым, но живёт он в Томске, а она с сыном Русланом, родившимся 27 марта 2005 года, в Парабели, с бабушкой и дедушкой Руслана. Отец старается приезжать в Парабель, навестить её с сыном.

Ещё у Клары Витальевны был дедушка Константин Иванович 1898 года рождения, отец матери Нины Константиновны, который жил в Берёзовке со

своей женой Марфой Иосифовной, тещей Катериной, и детьми – Надеждой и Константином.

Работал он на разных работах, но больше скорняжничал, занимался ремонтом разной утвари. Умер он 4 января 1975 года.

Надежда живёт в д. Успенка, Новосибирской области, Мошковского района с мужем Михаилом.

Сын её, Олег, заканчивает срочную военную службу в Санкт-Петербурге, а дочка Наташа, закончила школу, и поступила учиться в Новосибирский Педагогический Институт.

Олег приезжал в Парабель, окончил здесь ПТУ-28, и уехал в Новосибирск. Поступил учиться в техникум, но не «потянул» и ушёл в армию.

Приезжала в гости в Парабель и Наташа, тогда она ещё училась в школе, побыла не долго – может быть, недельку.

Второй сын – Константин Константинович, служил на Камчатке, работал «десятником» на «Нижнем Складе», в Берёзовке.

Потом уехал жить в г. Кингисепп, Ленинградской области. В начале писали друг-другу письма, потом он «заглох». Искали его через милицию, но уже 15 лет о нём, ни слуху, ни духу.

Одно время Клара работала в Исполкоме Берёзовского сельского Совета, ещё Начальником Отдела кадров Пристани «Парабель» и Парабельского лесничества, но вновь вернулась на «Первое» место работы – в Библиотеку.

У отца Кларино, родители были переселенцами из Мордовии, приехали в 1912 году в Новосибирскую область.

Дед Кларин, Дмитрий Максимович, работал в бухгалтерии Парабельского леспромхоза, бабушка – Федора..., была домохозяйка.

В семье ещё были сыновья: Анатолия, Валентина и Виталия и дочь Дина. Все «спецпереселенцы», в живых остался только Анатолий и Дина. Живут он в Новосибирске, дядя Толя, офицер-фронтовик.

Сослали их в 1931 году, привезли их из Шайблерово?, Ордынского района, Новосибирской области, привезли в Парабель, за Полой. Оттуда «разнарядили», на так называемый, 5-ый участок, потом – 7-ой участок, затем – в д. Саиспаево.

Деда, Дмитрия Максимовича, как грамотного человека и толкового работника, потом перевели в Парабель и назначили, не много, не мало, учёточником Парабельской комендатуры.

Дед его, Максим (1862 года рождения, мать, Анфиса, 1861 г. р.), умер на Широком, (временный посёлок лесозаготовителей на Пайдугине), в 1942 году.

После Парабели направили в Нарым, а позже его сын, Виталий, стал работать в Берёзовском лесозаготовительном пункте. Возил по «лёд дороге» деловой лес, автолесовозов тогда ещё не было.

Хотелось работать на редкой в те годы, технике. Выучился и стал механиком лесопункта. Всё складывалось хорошо, пока в июне 1969 года не поехал на рыбалку и больше не вернулся.

Умер или ещё как ушёл из жизни сразу после свадьбы Клары и Юрия, Виталий Дмитриевич, 27 июня 1969 года. Искали его долго, но нашли почти

около самой Берёзовки, километрах в 3-ёх, плыл по течению Пайдуги, мёртвый, конечно.

Нина Константиновна жила в начале с Кларой и Юрием, но после их переезда в Парабель, одна. В 1990 году она тоже уехала из «умирающей» Берёзовки в Заводское, жила одна, но умерла в Парабели в 3 ноября 1997 года, где и похоронена.

Сейчас Клара продолжает работать методистом Парабельской Центральной Библиотеки, живёт с мужем, Юрием Константиновичем, инвалидом, есть ещё Вика, Руслан, да четыре кошки: Катя, Дмитрий и Максим и Кузьма.

Андрей, женился на Ледовских (стала Красиковой, работает учительницей английского языка в школе) Елене Валерьевне, прожили вместе не очень долго (уж точно, не сошлись характерами).

Стала Лена матерью Олега Андреевича Красикова, который родился 3 апреля 1991 года, и сейчас учится сейчас в 11-ом классе Парабельской гимназии. Скоро “выпускные”. Живут они вдвоём с матерью, на одной улице с нами.

Андрей живёт тоже недалеко. Закончив Берёзовскую школу, учился в Лесотехническом техникуме, в Томске, конечно. Служил в армии до вывода наших войск из Афганистана, в Среднеазиатском военном округе, потом, на Камчатке.

После «расставания» с I-ой семьёй, жил один, потом стал жить с Мариной Нестеровой и её детьми – Юрием и Ольгой. Работал в Администрации Парабельского района, специалистом по оргтехнике, да ушёл, как многие “неудовлетворённые”, теперь “таксует”. Дома у него, много кошек, собачек, ещё больше.

Марина работает техничкой в Центральной библиотеке, Юрий женился и стал уже отцом, получил по какой-то программе квартиру. Ольга, студентка географического факультета Томского Государственного университета.